

СТАРИНА

Краеведческо-историческое издание

выпуск 27–28 2011 г.

История православных приходов
и старообрядческих общин
Нижнего Новгорода (Горького)
в период с 1917 по 1991 год

Архимандрит Паисий
и русская Духовная миссия
в Абиссинии в XIX столетии

История формирования ансамбля
Ворсменского Троицкого
Островоезерского
монастыря в XVII веке

Священномученик
Александр (Шукин),
епископ Макарьевский

НИЖЕГОРОДСКАЯ СТАРИНА

Краеведческо-историческое издание
Выпуск 27–28

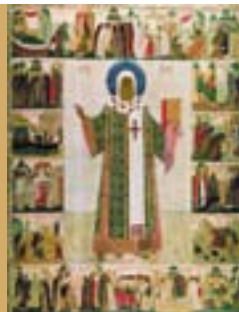

Издается по благословению архиепископа
Нижегородского и Арзамасского Георгия

СОДЕРЖАНИЕ

4

Из жизни Нижегородской епархии

**Святитель Петр,
митрополит
Московский
и всея Руси**

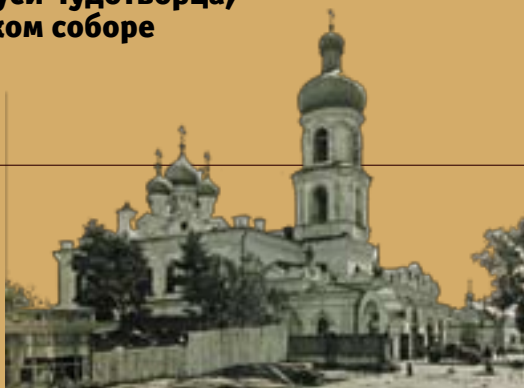
6

**Божественная литургия в день памяти
святителя Петра, митрополита
Московского и всея Руси чудотворца,
в Патриаршем Успенском соборе
Московского Кремля**

11

Л.В. Абросимова
главный специалист отдела
научных публикаций ЦАНО

**История православных
приходов и старообрядческих
общин Нижнего Новгорода
(Горького)
в период с 1917 по 1991 год**

23

Архимандрит
Тихон (Затёкин)

**Архимандрит Паисий
и русская Духовная
миссия в Абиссинии
в XIX столетии**

38

В.Е. Шматов
доцент

**Село Пурех
и его владельцы**

48

Е.И. Князев

**Торжество открытия
святых мощей
преподобного Серафима,
Саровского чудотворца**

«НИЖЕГОРОДСКАЯ СТАРИНА»Краеведческо-историческое издание
ВЫПУСК 27–28**Учредитель и издатель:**
Нижегородский Вознесенский
Печерский мужской монастырь*Св-во о регистрации ПИ №ФС 18–3726*
*от 10 января 2008 года*Адрес редакции: 603093,
Н. Новгород, Приволжская слобода,
108. Тел. 436–07–91

Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии «Ридо»

Дизайн, верстка: Т.Г. Быстрякова

Корректор Т.В. Тореева

Главный редактор — наместник Вознесенского Печерского
мужского монастыря архимандрит Тихон (Затёкин)**Редакционный совет:**Ю. Г. Галай, профессор, доктор
юридических наук, председатель
общества «Нижегородский краевед»Б. М. Пудалов, председатель комитета
по делам архивов Нижегородской
областиВ. С. Архангельский,
генеральный директор НГИАМЗЛ. Н. Варэс,
зам. ген. директора НГИАМЗА. Н. Лушин, доцент,
член Союза журналистов РоссииО. В. Дёгтева,
историк, директор Церковно-
археологического музея
Нижегородской епархииВ. А. Алексеев,
историк, фотохудожник**54**

Е.И. Князев

Чудеса веры Христовой
(Из впечатлений Саровского
паломника)**56**А.Н. Панин
Президент фонда
«Возрождение Николо-
Берлюковского монастыря»,
действительный член
Императорского
православного
палестинского общества**Старец Серафим Саровский**
и Царский Дом Романовых
в воспоминаниях Анны
Федоровны Тютчевой**62**

А.Н. Панин

Святой Серафим Саровский
в Царской Семье
(из записок А.Ф. Аксаковой,
урожденной Тютчевой)**67**С.В. Демидов
главный архитектор
проектов Центральных
научно-реставрационных
проектных мастерских,
г. Москва**Восстановление кельи**
преподобного Серафима
в Саровском монастыре
в 2003 году**76**Архимандрит
Тихон (Затёкин)**Известные**
нижегородцы.
Протоиерей
Михаил Раевский**83**Архимандрит
Тихон (Затёкин)**Известные нижегородцы.**
Архимандрит Андрей
(Садовский)

86

Пребывание в Нижнем Новгороде Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Марии Александровны в 1858 году

95

Ю.Г. Галай
профессор,
доктор юридических наук

**Борские храмы
под культурные
очаги**

102

А.А. Медведева
главный библиотекарь
ЦГБ г. Н.Новгорода
по краеведческой работе

Из истории классического образования в Нижегородской губернии

107

О.В. Дёгтева,
историк, директор церковно-
археологического музея
Нижегородской епархии

**Священномученик
Александр (Щукин),
епископ Макарьевский**

113

А.А. Давыдова
кандидат исторических
наук, научный сотрудник
НИП «Этнос»

**История строительства
Императорского
железнодорожного
павильона в Нижнем
Новгороде**

121

Я.Л. Шаболдин
ст. преподаватель
кафедры архитектурного
проектирования ННГАСУ

**История формирования
ансамбля Ворсменского
Троицкого Островоезерского
монастыря в XVII веке**

132

А.Н. Лушин
доцент, член Союза
журналистов
России

**Соломон Михайлович Мартынов:
нижегородский период**

134

С.В. Горохов
кандидат исторических наук

Жизнеописание настоятеля Арзамасской Высокогорской пустыни архимандрита Софрония (Смирнова)

155

О.В. Дёгтева
историк, директор церковно-
археологического музея
Нижегородской епархии

История создания при Вознесенском Печерском мужском монастыре Свято-Владимирской церковно-приходской школы

152

Т.В. Кучерова
заместитель директора
ЦГБ по основной
деятельности

Новые материалы к биографии Н.И. Приваловой

158

Из жизни Нижегородской епархии

Освящение надвратной Евфимиевской церкви в Вознесенском Печерском монастыре

Сокращения, принятые в подписях к иллюстрациям:

АрхАДНО — Государственное учреждение «Архив аудиовизуальной документации Нижегородской области»

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ГМА — Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева, Москва

ЦАНО — Государственное учреждение «Центральный архив Нижегородской области»

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург

НГИАМЗ — Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

НГОУНБ — Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина

ЦАК МДА — Церковно-археологический кабинет Московской Духовной академии

ЦАМНЕ — Церковно-археологический музей Нижегородской епархии

РГИА — Российский государственный архив, Санкт-Петербург

РГАКФД — Российский государственный архив кино-фотодокументов, Красногорск

ЦГАКФД — Центральный государственный архив кино-фотодокументов, Санкт-Петербург

ГИМ — Государственный исторический музей, Москва

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Издательский отдел Нижегородской епархии

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

На 1-й полосе обложки: Внутренний вид надвратной Евфимиевской церкви.
Фото В. Алексеева

На 4-й полосе обложки: Вид на надвратную церковь Свято-Троицкого Островоезерского монастыря.
Фото А. Фалина

В рубрике «Из жизни Нижегородской епархии» использованы фото В. Алексеева, Б. Поварова, А. Козориза, А. Фалина

наш сайт в интернете
www.pecherskiy.nne.ru

Святитель Петр, митрополит Московский и всея Руси

Святитель Петр, митрополит Московский, родился на Волыни от благочестивых родителей Феодора и Евпраксии. Еще до рождения сына в сонном видении Господь открыл Евпраксии благодатную предызбранность ее сына. В 12 лет юный Петр поступил в монастырь. К тому времени он успешно изучил книжные науки и с особой ревностью стал исполнять монастырские послушания. Много времени уделял будущий святитель внимательному изучению Священного Писания и обучился иконописанию. Иконы, написанные иноком Петром, раздавались братии и посещавшим монастырь христианам.

За добродетельную подвижническую жизнь игумен обители рукоположил инока Петра в сан иеромонаха. После многолетних подвигов в монастыре иеромонах Петр, испросив благословение игумена, оставил обитель в поисках уединенного места. На реке Рате он поставил келию и стал подвизаться в безмолвии. Впоследствии на месте подвигов образовался монастырь, названный Новодворским. Для приходивших иноков был выстроен храм во имя Спаса. Избранный игуменом, святой Петр кротко наставлял духовных чад, никогда не гневался на провинившегося инока, словом и примером поучал братию. О добродетельном игумене-подвижнике стало известно далеко за пределами обители. Нередко в монастырь приходил Галицкий князь Юрий Львович, чтобы услышать духовные наставления святого подвижника.

Однажды обитель посетил митрополит Владимирский Максим, обходивший русскую землю со словом поучения и назидания. Принимая святительское благословение, игумен Петр принес в дар написанный им образ Успения Пресвятой Богородицы, перед которым святитель Максим до конца своей жизни молился о спасении вверенной ему Богом русской земли. Когда митрополит Максим скончался, Владимирская кафедра некоторое время оставалась незанятой. Великий князь Владимирский, а им был в это время

Святитель Петр, митрополит Московский и всея Руси

святкой Михаил Тверской, направил к патриарху Константинопольскому своего сподвижника и единомышленника игумена Геронтия с просьбой о поставлении его на Русскую митрополию.

По совету Галицкого князя Юрия игумен Петр также отправился к Константинопольскому патриарху для принятия святительской кафедры. Бог избрал для окормления Русской Церкви святого Петра. Плывшему Черным морем Геронтию ночью, во время бури, явилась Божия Мать и сказала: *«Напрасно трудишься, сан святительский не достанется тебе. Тот, кто написал Меня, Ратский игумен Петр, возведен будет на престол Русской митрополии»*. Слова Божией Матери в точности исполнились: патриарх Константинопольский Афанасий (1289—1293) с собором возвел на Русскую митрополию святителя Петра, передав ему святительские облачения, жезл и икону, привезенные Геронтием. По возвращении в Россию в 1308 году митрополит Петр в течение года пребывал в Киеве, а затем переехал во Владимир.

Много трудностей испытал Первосвятитель в первые годы управления Русской митрополией. В страдавшей под татарским игом русской земле не было твердого порядка, и святителю Петру приходилось часто менять места своего пребывания. В этот период особенно важны были труды и заботы святителя об утверждении в государ-

стве истинной веры и нравственности. Во время постоянных объездов епархий он неустанно поучал народ и духовенство о строгом хранении христианского благочестия. Враждовавших князей он призывал к миролюбию и единству.

В 1312 году святитель совершил поездку в Орду, где получил от хана Узбека грамоту, охранявшую права русского духовенства.

В 1325 году святитель Петр по просьбе великого князя Иоанна Данииловича Калиты (1328—1340) перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву. Это событие имело важное значение для всей русской земли. Святитель Петр пророчески предсказал освобождение от татарского ига и будущее возвышение Москвы как центра всей России.

По его благословию в Московском Кремле в августе 1326 года был заложен собор в честь Успения Пресвятой Богородицы. Это было глубоко знаменательное благословение великого Первосвятителя русской земли.

21 декабря 1326 года святитель Петр отошел к Богу. Святое тело Первосвятителя было погребено в Успенском соборе в каменном гробу, который он сам приготовил.

Множество чудес совершилось по молитвам угодника Божия. Многие исцеления совершались тайно, что свидетельствует о глубоком смиренном святителя даже после смерти. Глубокое почитание Первосвятителя Русской Церкви со дня его преставления утверждалось и распространялось по всей русской земле. Через 13 лет, в 1339 году, при святителе Феогносте (сведения о нем 14 марта), он был причислен к лику святых. У гроба святителя князь целовал крест в знак верности великому князю Московскому. Как особо чтимый покровитель Москвы святитель призывался в свидетели при составлении государственных договоров. Новгородцы, имевшие право избирать себе владык у Святой Софии, после присоединения к Москве при Иоанне III клятвенно обещали ставить своих архиепископов только у гроба святителя Петра-чудотворца. При гробе святителя нарекались и избирались русские Первосвятители.

ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА
ВЫМЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА
ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА
ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА

ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА
ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА
ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА
ВЪ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛѢХЪ ПЕТРѢ И ПАВЛѢ ВАШЕХЪ ТВОЮ ОТЪ ВРАГОДЪ ЗА

Рака с мошами святителя Петра, митрополита Московского и всей Руси, в алтаре Успенского собора.
Фото Б. Поварова

Божественная литургия в день памяти святителя Петра, митрополита Московского и всея Руси чудотворца, в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля

3 января 2011 года, в день памяти святителя Петра, митрополита Московского и всея Руси чудотворца, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля.

По сложившейся уже традиции, когда Патриарх совершает богослужение в этом храме, заложенном святителем Петром, у его цельбоносных мощей, вместе с ним совершает богослужение одна из епархий Русской Церкви в лице иерарха, духовенства и мирян.

В этот день его Святейшеству сослужили архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий (Данилов), викарий Московской епархии, епископ Подольский Тихон (Зайцев), протоиерей Владимир Диваков, духовенство города Москвы и клирики Нижегородской епархии. От Нижегородской епархии служили: секретарь Нижегородс-

кой епархии протоиерей Игорь Пономарёв, наместник Печерского Вознесенского монастыря архимандрит Тихон (Затёкин), наместник Оранского монастыря архимандрит Нектарий (Марченко),

первый проректор Нижегородской Духовной семинарии протоиерей Александр Мякинин и многие другие.

На Патриаршем богослужении присутствовали: заместитель гу-

Встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Успенском соборе Московского Кремля. Фото Б. Поварова

бернатора Нижегородской области, представитель правительства области при Правительстве РФ С.А. Потапов, члены правительства Нижегородской области, депутаты Законодательного собрания Нижегородской области, руководители муниципальных образований, представители Нижегородского областного совета ректоров вузов, а также воспитанники Нижегородской Духовной семинарии, Нижегородского епархиального женского Духовного училища, Выксунского Духовного училища, студентки отделения сестер

милосердия Нижегородского медицинского колледжа, активисты православного студенчества Нижегородской области.

За богослужением пел хор духовенства Нижегородской епархии.

По окончании Литургии Святейший Патриарх Кирилл совершил молитву у раки с честными мощами святителя Петра, пребывающими в алтаре Успенского собора.

После этого Святейший Патриарх Кирилл обратился к собравшимся в храме с Первосвященительским словом: «Святитель

Петр, митрополит Киевский, Московский и всея Руси, в личности своей соединил все концы исторической Руси, Святой Руси, которую ныне мы называем Русским миром», — сказал, в частности, Святейший Владыка. Именно святитель Петр, приняв в сложнейших исторических условиях решение заложить в Москве кафедральный Успенский собор, избрал по промыслу Божиему это место в качестве первопрестольной столицы, «и с тех пор началось возвышение града Москвы, который принял на себя великую ответственность за хранение Святой Руси».

«Сегодня мы должны учиться у святителей Божиих, у предшествовавших нам поколений силе духа, силе веры, пониманию того, что есть Церковь и чему она служит. Это особенно важно сегодня, когда вокруг так много соблазнов и искушений, — призвал паству Святейший Патриарх Кирилл. — Как важно сегодня, особенно молодому поколению, прозреть эту таинственную, но реальную миссию Церкви как силы, не дающей врагу рода человеческого взять власть над всем миром. «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь — Я победил мир» (Ин. 16:33), — говорит Спаситель».

«Пусть Господь хранит всю историческую Русь — Русь святителя Петра, митрополита Киевского и Московского. Пусть Господь хранит и современную Россию. Пусть Господь хранит Церковь Русскую, простирающую свой покров над всеми народами русского мира. Молитвами свя-

тителя и чудотворца Петра да хранит Господь всех нас в вере, в благочестии, в чистоте».

«Я радуюсь тому, что первую в 2011 году Литургию в Успенском соборе Московского Кремля мы совершили с посланцами Нижегородской земли, которая много послужила спасению всей

России в Смутное время», — сказал в заключение Святейший Патриарх Кирилл.

В память о совершенном богослужении всем присутствовавшим в храме были розданы иконки святителя Петра, митрополита Московского, с Патриаршим благословением.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл
возле мощей святителя Петра

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий с мирянами и духовенством Нижегородской епархии в Московском Кремле. Фото Б. Поварова

Л.В. Абросимова

История православных приходов и старообрядческих общин Нижнего Новгорода (Горького) в период с 1917 по 1991 год

Дореволюционная история храмов Нижнего Новгорода в целом известна. Она отражена в замечательных обобщающих трудах XIX–начала XX веков нижегородских краеведов-классиков.

Периодически в нижегородских епархиальных изданиях (газеты «Православное слово» и «Епархиальные ведомости», журнал «Нижегородская старина») появлялись публикации по истории отдельных церквей Нижегородской епархии, и города в том числе, с изложением их послереволюционной судьбы. Но обобщающего труда истории нижегородских храмов в советский период еще не было. Однако необходимые источники по данному вопросу имеются, и в первую очередь в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО).

1. Статистические сведения о храмах, молитвенных домах и часовнях Нижнего Новгорода

К 1917 году в нашем городе было 79 церквей и 32 часовни, принадлежавших Русской Православной Церкви.

Это были 5 соборов, 31 приходская церковь и 26 домовых, из них: 22 церкви при учреждениях (5 — при богадельнях, 4 — при приютах, 2 — при больницах, 7 — при учебных заведениях, 2 — при тюрьмах, 1 — при Манеже, 1 — при военных лагерях) и 4 — при общежитиях и домах. Кроме того, 15 церквей находилось на территории трех нижегородских монастырей: Благовещенскому мужскому принадлежало 5, Крестовоздвиженскому женскому — 3 и Печерскому мужскому — 5. Кроме этого, 3 церк-

ви находились на нижегородских подворьях монастырей губернии: Серафимо-Дивеевского (ул. Ковалихинская), Федоровского Городецкого мужского (у Московского вокзала) и Мало-Пицкого женского (Всесвятский переулок).

К числу приходских храмов относились и единоверческие. Их было две: Свято-Духовская (она же Спасо-Преображенская) и Симеоновская (Симеона Столпника) в кремле.

В дальнейшем в годы советской власти город рос, включая в свои границы окрестные села с их приходскими церквями и часовнями.

Район Канавина, который до революции входил в Макарьевскую часть города, с 1922 по 1929 г. был отделен от Нижнего Новгорода, но в 1929 г. вновь вернулся в состав города с двумя церквями

на Канавинском кладбище и двумя часовнями на подворьях Серафимо-Дивеевского и Ягодинского Княгининского Введенского женских монастырей.

В 1925–1935 гг. в состав города вошли также еще девять сел и поселков с двенадцатью церквями и церковью-часовней. В 1925 г. — Высоково (из Нижегородского уезда) с церковью Троицкой. В 1928 г. — Сормово с церквями Сергиевской, Александро-Невской, Спасо-Преображенским собором и Никольской церковью-часовней при подворье Богородицкого Кутузовского женского монастыря и Копосово с Троицкой церковью. В 1929 г. — Гордеевка с Владимирской и Смоленской церквями, Карповка с церковью Преображения Господня, Молитовка с Покровской церковью и поселок при Молитовской фабрике с Сергиевской церковью, Ратманиха с Александро-Невской церковью. В 1935 г. из Дзержинского района вошло в черту города село Гнилицы с Богородице-Рождественским храмом.

В период с 1917 по 1935 г. в Нижнем Новгороде насчитывалось 89 православных храмов. Часовен стало 34: 13 — при храмах города, 5 — принадлежащих монастырям города, 16 — принадлежащих другим монастырям Нижегородской губернии. Еще 4 часовни находились при различных учреждениях — при братстве Святого Георгия, при губернской земской больнице, при центральной пересыльной тюрьме, при бараках на Новой стройке в Кремлевской части.

Но кроме церквей и часовен юрисдикции Русской Православной Церкви Московского патриархата, в

городе были православные церкви старообрядческой юрисдикции и инославные и иноверческие молитвенные здания. У старообрядцев в разных частях города в исследуемый период было три церкви, семь молелен и две домовые церкви.

В советскую эпоху религиозную жизнь страны в общем можно подразделить на три основных периода — довоенный, послевоенный и краткий перестроечный. Эти периоды имеют свои характерные особенности.

II. Довоенный период (1917–1941)

Это период уничтожения церковной жизни во всех ее проявлениях.

Прежде всего, физически уничтожалось священство. Первая волна репрессий началась в 1918 году. Она коснулась пока только православных. Из далеко не полных архивных документов точно

известно о казни 5 нижегородцев, в том числе правящего архиерея епископа Балахнинского Лаврентия (Князева). Но, несомненно, жертв было во много раз больше. Только далеко не все отражено в документах, и не все фонды ЦАНО репрессивных органов первых лет советской власти досконально изучены.

За 1925–1934 гг. в Нижнем Новгороде было арестовано 26 священно- и церковнослужителей.

Вторая волна арестов последовала после 3 мая 1935 года, когда был арестован и сослан в ссылку правящий архиерей — митрополит Горьковский и Арзамасский Евгений (Зернов). Причина ареста — проведение Пасхальной литургии на 1 мая, так как поток двух тысяч православных, шедших с праздничной службы, «отвлёк граждан от участия в первомайской демонстрации». Вместе с митрополитом было арестовано 7 нижегородских священников.

В 1935 году на Горьковскую кафедру был назначен митрополит Феофан (Туляков). Это было самое страшное время. Епархиальный Совет был закрыт, сам митрополит жил в окраинном г. Семенове. Он был арестован и расстрелян как «участник организации Московского антисоветского церковного центра».

По делу о «подпольной террористической повстанческой организации» митрополита Феофана последовала третья, самая масштабная волна арестов. «Горьковская контрреволюционная группа» включила фактически

Из вида на Иваново. Видны: Иваново село.
Над и вблизи него Старый Новгород. Видны до и в настоящее время.

Вид с холма на Иваново-Новгород.

И-Новгород. Св.-Троица, кафедр. собор. Иероним, возведен в 1228 г., до нас рано разрушен. В 1812 г. перестроен в 1911 г. По плану архитектора Мухоморова и инженера Дел. Е. В. Виноградова.

Софроньевский мост.

Михайлов-Новгород.

Новгородский Любимый. Софроньевский мост.

все священство и церковный актив епархии. В Нижнем Новгороде было арестовано 36 человек только из числа духовенства.

В 1937–1938 гг. на территории Горьковской области были арестованы также 60 из 99 зарегистрировавшихся в 1935 г. старообрядческих служителей культа. Потеряли своих руководителей горьковские старообрядческие общины: поморцев брачного согласия — священника Кокунина Ивана Михайловича; белокриницкой иерархии — священников Юсина Михаила Васильевича и Кознова Федора Ивановича (Успенская община). Все они были обвинены в антисоветской и контрреволюционной деятельности и расстреляны.

Арестам священно- и церковнослужителей сопутствовало закрытие молитвенных помещений и церквей Нижнего Новгорода (Горького).

Имеющиеся в областном архиве документы «Комиссии по религиозным вопросам» показывают следующую динамику закрытия православных церквей в городе за период с 1918 по 1941 гг.

В 1918 г. было закрыто 6 церквей. Это храмы Нижегородского кремля: Михаило-Архангельский собор, Симеоновская единоверческая церковь; Спасо-Преображенский кафедральный собор, Свято-Духовская домовая церковь в Губернаторском доме; Успенская при Кадетском корпусе и Николаевская при Манеже. Они, по свидетельству настоятеля Михаило-Архангельского собора Алексея Некрасова, начиная с середины августа 1918 г., были закрыты для богослужения. (Николаевская церковь при Манеже была перестроена в 1925 г. под мастерскую трамвайно-троллейбусного парка; Михаило-Архангельский собор в 1928 г. был передан Краевому архиву, который находился там до 1958 г.; Симеоновская единоверческая церковь 1 июня 1928 г., а Успенская церковь при Кадетском корпусе к 1929 г. — были разобраны, «чтобы освободить место под новое строительство» в кремле. В 1929 г. взорвали и Спасо-Преображенский кафедральный собор — в связи со строительством Дома Советов. Находившиеся в соборе гробницы Кузьмы

Минина, нижегородских князей и архиереев были вскрыты, останки их переданы Губмузею.

В 1920 г. была закрыта Скорбященская церковь при губернской земской Мартыновской больнице.

В 1921 г. — Сергиевская церковь при общежитии рабочих Молитовской льнопрядильной фабрики.

В 1922 г. закрыто 3 церкви: Иоанно-Дамаскинская при Нижегородской духовной семинарии, Николаевская Выставочная при 3-й городской Ходалевской богадельне и домовая в доме купца Сироткина.

В 1923 г. — 2 церкви: Александро-Невская церковь при губернской земской больнице на улице Мартыновской и Трехсвятительская при Мининской богадельне на ул. Ильинской.

В 1924 г. — 4 церкви: Казанская домовая при церковном доме Спасского Староярмарочного собора; Апостола Андрея Первозванного

при Благовещенском монастыре (бывшая приходской с 1923 г.); Александро-Невская в Сормове (под школу, «в связи с пожаром школы № 5 и постановлением 5000 рабочих Сормовского завода»); Свято-Ольгинская при Вдовьем доме им. Блиновых и Бугровых (в связи с открытием студенческого общежития).

В 1924 г. были закрыты часовни на ярмарке — Белая часовня, принадлежавшая Крестовоздвиженскому монастырю, и Флачная часовня во имя Св. Макария Желтоводского. Рассматривался вопрос и о закрытии часовни на ул. Малая Печерская (часовня братства Святого Георгия).

В 1925 г. был закрыт Сормовский Никольский храм (до 1918 г. — церковь-часовня при подворье Богородицкого Кутузовского женского монастыря).

В 1926 г. — Спасский Староярмарочный собор как «не функционирующий». Военное ведомство заняло его под склады.

Архангельский собор Нижегородского кремля. Фото 1920-х годов

Взрыв Георгиевской церкви на
Верхневолжской набережной.
Фото 1930-х годов.
АрхАДНО

6

В 1928 г. были закрыты 4 церкви: Живоносная церковь на «Нижнем базаре» около кремля и Иоанно-Предтеченская Слободская (недалеко от Благовещенского монастыря) — ввиду аварийного состояния зданий; Крестовоздвиженская церковь при Крестовоздвиженском монастыре (приходская с 1923 г.) — была передана штабу 17-й стрелковой дивизии; Козьмо-Дамианская у Речного вокзала — в ночь с 11 на 12 июля церковь была взорвана. (На месте этой церкви сейчас здание «Горэнерго»).

В 1929 г. — 3 церкви: Покровская Молитовская — «по требованию общественности» отдана была под ясли; Николаевская Нижнепосадская — предназначалась к разборке с целью получения кирпича для строительства Дома Советов в кремле; Смоленская (Одигитриевская) гордеевская церковь — как слишком «близко расположенная к учебному заведению» (ее община перешла во Владимирскую гордеевскую церковь, приписную к Смоленской).

В 1930 г. — 5 церквей: церковь Алексия Митрополита и Благовещенский собор на Благовещенской площади — чтобы освободить место для воинских парадов и политических демонстраций. Николаевская Одигитриевская на Гребешке (община не могла выплачивать налоги); Сретенская, или Тихоновская церковь на ул. Тихоновской — «по требованию студентов НГУ и рабо-

Разборка куполов Успенской церкви г. Горького. ЦАНО

чих «Нижполиграфа» здание ее отдано для нужд педфака НГУ. (В 1952 г. церковь была уже обветшавшей, и 11 августа горисполком распорядился ее снести, чтобы освободить место под жилой дом.) Трехсвятительская церковь (на ул. Короленко) — община не могла заплатить налоги за пользование зданием.

В 1931 г. была закрыта церковь Жен-Мироносиц (или Знаменская) на ул. Добролюбова по «просьбе рабочего населения города». (В здании храма поместили вечерний филиал Московской высшей инженерной школы.)

В 1932 г. были закрыты 6 церквей: Успенская в Крутом переулке,

Георгиевская — взорвана и разобрана, чтобы освободить место под гостиницу, Владимирская церковь в Гордеевке — для переоборудования «под просветительское учреждение», Воскресенская церковь на 3-й Ямской улице передана Радиотелефонному заводу им. Ленина под кинотеатр, Николаевская Верхнепосадская церковь на улице Большой Покровской (с 1850-х гг. она же — Тихвинская) — была определена к сносу для освобождения места под постройку гостиницы, Успенская в Печерском монастыре (была приходской с 1923 г.) — отдана под архивное бюро.

В 1933 г. была закрыта церковь Пророка Божия Илии на Ильинской горе (священник церкви, о. Василий (Адаменко) арестован в 1931 г.) — здание было передано Краевому архивному управлению под секретный архив, в 1977–1994 гг. использовалось как хлебопекарня.

В 1934 г. были закрыты 2 церкви: Спасо-Преображенский Сормовский собор — под детское культурное учреждение; Рождественская Строгановская церковь — т.к. дорогостоящий ремонт община выполнить не могла. (Здание церкви было передано под Антирелигиозный музей. Он был закрыт после войны. До 1992 г. в здании церкви размещалась экспозиция филиала Краеведческого музея).

В 1935 г. — 5 церквей. Владимирская церковь в Канавине — храм и имущество под смежотворными предложениями были

Вид Симеоновской церкви в Нижегородском Кремле после снятия колоколов. Фото 1920-х годов. АрхАДНО

отняты у общины и переданы представителям обновленцев, после чего президиум Сталинского райсовета постановил: «...учитывая, что группа верующих ориентации Высшего Церковного Совета (т.е. обновленцы — Л.А.) малочисленна (15–20 чел.), просить Президиум Крайисполкома закрыть Владимирскую церковь...». (С 1937 г. здание церкви использовалось под склад фабрики им. 1-го мая Облпищепрома. В 1949 г. бывшая Владимирская площадь в Канавине отведена под строительство цирка. И в 1960 г. на месте Владимирской церкви был построен цирк «Шапито»). Вознесенская церковь (на улице Ильинской) — передана Краевому архивному управлению. (В 1962 г. здание церкви было передано Горьковской областной школе милиции, а в 1963 г. — Горьковскому отделению художественного фонда РСФСР. С 1977 по 2003 г. в ее здании помещался отдел периодических изданий областной библиотеки им. В.И. Ленина). Казанская на Зеленском съезде снесена «в связи с перепланировкой Зеленского съезда». Казанская кладбищенская церковь при Крестовоздвиженском монастыре (приходская с 1923 г.) закрыта «ввиду ее вредного влияния на подрастающую молодежь». Покровская церковь (Покрова Пресвятой Богородицы) на ул. Большой Покровской — под общежитие студентов медтехникума.

В 1937 г. была закрыта церковь Рождества Богородицы в поселке Гнилицы. После ареста всего клира церкви церковный совет от содержания церковных помещений отказался, и 21 декабря здание храма изъято для переоборудования под кинотеатр.

В 1938 г. были закрыты сразу 9 церквей (из-за массовых арестов священства в 1937 г. служить стало некому, общины сами передали здания церквей властям — не было средств на уплату налогов и за аренду): Александро-Невская церковь в Ратманихе переоборудована под механическую пекарню; Варваринская церковь, или Св. Великомученицы Варвары (в январе 1940 г. в здание церкви был переведен архив, в 1958 г. она была снесена «в связи с ее аварийным состоянием»); Иоанно-Предтеченская Нижнепосадская церковь передана под клуб сна-

чала для рабочих фабрики «Красный обувщик», а потом — Областному совету Осовиахима; Петропавловская Всехсвятская кладбищенская (ныне — в парке им. Кулибина) церковь «ликвидирована» «с переоборудованием ее под кинотеатр», в 1939 г. помещение церкви передано Горьковскому областному театру кукол; Похвалинская церковь (по ул. Заломова) «ликвидирована, с последующим переоборудованием под библиотеку»; Спасо-Преображенская Карповская церковь — не смогла заплатить Автозаводскому райфинотделу налоги и на 1939 г. уже не действовала; Сергиевская церковь (она же Нерукотворного образа Спасителя) по Сергиевской улице — передана товариществу «Художник»; Спасская (Всемилоостивого Спаса) — передана областному Архивному управлению под исторический архив; Троицкая Копосовская церковь — т.к. капитальный ремонт община выполнить не могла, передана заводу «Красное Сормово» под клуб.

В 1939 г. была закрыта Спасо-Преображенская церковь в слободе Печеры — райисполком отказался регистрировать новый клир. (В 1940 г. передана 1-му Нагорному пицеторгу для хранения овощей).

В 1940 г. были закрыты 2 церкви: Троицкая Высоковская и Новокладбищенская (на Красном кладбище по улице им. Пушкина, куда в 1936 г. переехала Покровская община, выселенная из храма на ул. Большой Покровской) — райисполком отказался регистрировать новых священнослужителей и закрыл эти церкви формально под рабочие клубы.

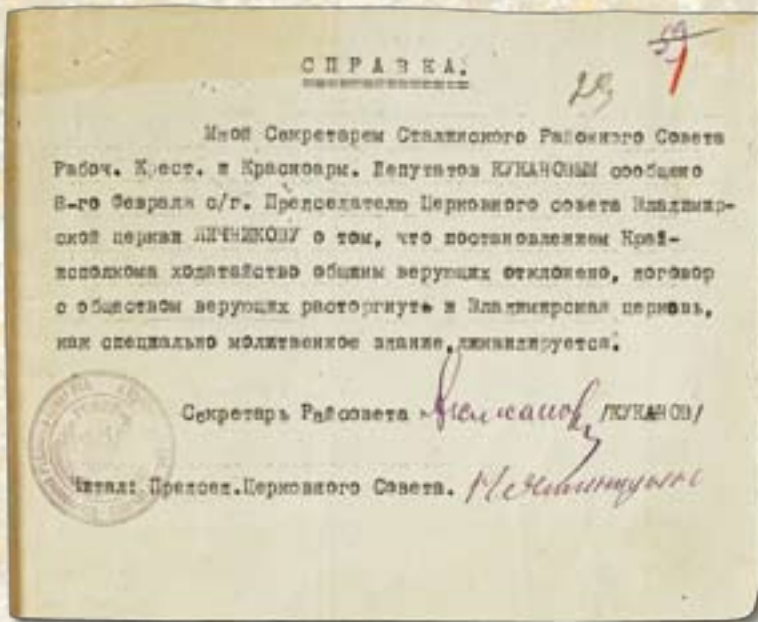
Отдельно проследим судьбу монастырей города.

Крестовоздвиженский монастырь еще в апреле 1918 г. оказал сопротивление изъятию церковных ценностей, «окончившееся смертью одного и ранением 4-х человек». В 1923 г. насельники монастыря составили одну общину с прихожанами из окрестных домов. В 1925–1926 гг. в Крестовоздвиженском монастыре жил митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), с 14 декабря 1925 г. также ставший заместителем местоблюстителя патриарха. (В 1926 г., в ноябре, митрополит Сергей был арестован

и отправлен в Москву.) В 1927 г. монастырь переименован в военный городок имени Ворошилова. В 1928 г. помещения монастыря переданы штабу 17-й стрелковой дивизии. В 1929–1930 гг. из монастыря стали выселять его монахинь. Крестовоздвиженский собор к 1932 г. в основном не действовал. Однако именно в нем на Пасху 1 мая 1935 г. служил митрополит Евгений (Зернов). 5-го и 23 мая были арестованы служившие вместе с ним священники церковью монастыря — о. Николай Македонский (священник Казанской церкви) и священномученик Петр Новосельский (протоиерей Крестовоздвиженской церкви). Арестованы были и четыре монахини монастыря, служившие при Крестовоздвиженском соборе. В 1935 г. году было решено монастырь снести, а территорию его отвести под постройки зданий мединститута. Но в дальнейшем проект этот не был реализован, уничтожили только Казанский храм и кладбище при нем. До наших дней сохранились главный собор, ряд келейных корпусов и частично ограда.

В Благовещенском монастыре в 1923–1924 гг. уже были «община верующих и квартиры частных лиц». Помещения монастыря отданы были во владение 17-й стрелковой дивизии. В жилых корпусах монастыря разместились артель возчиков «Коллектив ломовиков», которая служила в транспортном подразделении дивизии. Церковный совет сам просил в этих условиях губернский музей взять монастырь как памятник под охрану. Предметы музейного значения «ввиду плохих условий хранения» были изъяты из монастырской ризницы и переданы в историко-бытовой музей. К 1937–1938 гг. на территории монастыря были школа № 36 им. Лермонтова и исторический архив.

В Печерском монастыре должен был проживать викарный архиерей Нижегородской епархии. В 1918 г. это был священномученик епископ Лаврентий (Князев). 3 сентября 1918 г. он был арестован, а 24 октября/6 ноября — расстрелян. В 1919 г. в монастыре проживал викарный епископ Балахнинский Петр (Зверев). Монастырь в 1922 г. еще выплачивал «учительский продналог» — на содержание преподавателей Закона Божьего

Справка о закрытии Владимирской церкви в Канавине. ЦАНО

в епархии. (В школах Закон Божий был запрещен еще Временным правительством, но по просьбе родителей священство продолжало преподавать его при церквях или у себя на дому.) В 1923 г. Печерский монастырь, как и другие монастыри, вынужден был создать общее религиозное общество с мирянами — жителями слободы Печеры, Кашелевки и других деревень. Тогда же имущество монастыря принял в ведение губернский музей. В 1932 г. церкви монастыря были переданы Краевому архивному бюро под архивохранилища.

Таким образом, мы можем проследить закрытие и уничтожение 56 из 89 православных церквей города. (Это приблизительные данные, т.к. за 1930–1935 гг. документы не полностью сохранились, а за 1935–1941 гг. нет обобщающих сведений.) И мы видим, что в конце 1930-х годов Горьковская епархия практически прекратила свое существование.

Старообрядцев перед революцией в Нижнем Новгороде было 6 общин.

Успенская община белокрыницкой иерархии имела молельню на Телячьей (позже — Гоголевской) улице и каменную церковь в русском стиле по Телячьему (позже — Гоголевскому) переулку. Через год после ареста священника общины Ф.И. Кознова в 1938 г. молельня и церковь общины были закрыты. Молитвенный дом был отдан сначала под красный уголок, затем — под клуб Промкомбината. Успенская церковь была переоборудована под клуб домохозяек, затем отдана «под столярную мастерскую Ремстройконторы района» (которая находилась там до 1945 г.).

Другая белокрыницкая община имела молитвенный дом на улице Ильинке в доме Сироткина и домовую церковь в доме Карповой в Фабричной (позже — Приволжской) слободе. В Доме Сироткина на Ильинке до революции проживал старообрядческий епископ Иннокентий. Там ежегодно проводились епархиальные старообрядческие съезды. После революции отмечена домовая церковь в доме Сироткина по Жуковской улице. Но в 1922 г. ее просили предоставить 2-му детскому приемному пункту.

Владимирская церковь в Канавинской Слободе. Фото 1920-х годов. ЦАНО

Склад, расположенный во Владимирской церкви. Фото 1930-х годов.
ЦАНО

Никольская община, приемлющая священство, переходящее от господствующей Церкви, находилась при доме Н.А. Бугрова, у которого была своя домовая молельня — Никольская. Общине принадлежало отдельное старообрядческое городское кладбище, именуемое как «Бугровское», на территории которого находился скит при Вознесенской церкви. Никольская община содержала общежитие монахинь, богадельню и 5 школ. (С 1905 г. старообрядцы имели право обучать своих детей Закону Божьему у начетчиков своего толка.) В 1925 г. бывшая церковь-часовня Мало-Пицкого

женского монастыря была передана Никольской общине, и на углу переулка Всесвятского и улицы Полевой (примерно напротив нынешнего кинотеатра «Спутник») появилась старообрядческая церковь-молельня. В 1928–1930 гг. Бугровский скит был переоборудован под туберкулезную колонию при больнице Нижегородского изолятора спецназначения (тюрьме). Бугровское кладбище было закрыто. Сегодня кладбище это полностью уничтожено, и территория его застроена жилыми домами. В 1929 же году «по просьбе трудящихся» была закрыта и старообрядческая церковь-часовня на углу пере-

улка Всесвятского, а в 1970 г. — снесена.

Когда в 1928 году в состав города вошли села Сормово и Копосово, в городе появились еще 4 старообрядческие общины: самокрещенского согласия и старообрядцев брачного согласия (помещались в доме Заможина в 1923 г.), а также белокриницкой иерархии во имя образа Спаса Нерукотворного и Успенской общины, приемлющей священство Православной

Архиепископ Горьковский и
Арзамасский Сергий (Гришин)

церкви (на улице Старая Канавка). Успенская молельня была закрыта в 1938 г. ввиду отказа общины от ремонта здания. (Она была передана под аэроклуб, а позже — под квартиры учителей школы № 8.)

III. Военный и послевоенный периоды

Во время и сразу после Великой Отечественной войны в Горьковской епархии началось возрождение церковной жизни.

С началом войны отношение правительства к Православной Церкви изменилось. В 1941 году была открыта Троицкая Высоковская церковь. А когда в 1943 г. по Горьковской области начали открывать храмы, то четвертой по счету (в городе — второй) была открыта Спасо-Преображенская Карповская церковь и пятой — Старо-Печерская слободская церковь. Каждая церковь официально имела большое количество при-

Епископ Горьковский и Арзамасский
Зиновий (Красовский)

хожан — от 2500–5000 человек — со всей нагорной части города и частично Кстовского, Борского и других районов.

Троицкая Высоковская церковь была открыта 31 июля 1941 г. К 1943 г. церковь оказалась в состоянии сделать взнос в помощь фронту в 500 тыс. руб., и всего за войну — «не менее 6 миллионов рублей». При Высоковской церкви в 1943 г. жил первый после возрождения епархии епископ Сергей (Гришин). А с ноября 1944 г. настоятелем церкви являлся епископ Зиновий (Красовский). В период с 1943 и по 1974 гг. церковь в с. Высокове была кафедральным собором.

Спасо-Преображенская Карповская церковь была открыта 14 апреля 1943 года. Созданная после этого община привела в порядок храм. Настоятелем церкви был назначен священник Знаменский, который отслужил три службы 11, 12 и 13 июня 1943 года. Но в ночь с 13 на 14 июня налетом фашистских бомбардировщиков церковная жизнь поселка Карповки была прервана. В 15-ти метрах от паперти разорвалась бомба, «осколками и волной от взрыва на паперти было убито 5 человек из состава Церковного Совета, в том числе и его председатель». Богослужение в этой церкви возобновилось лишь 19 июля 1944 года. В 1955–1960 гг. церковь была отремонтирована и благоустроена: проведены водопровод и канализация, заасфальтирована площадка около храма, озеленен двор, капитально отремонтирована дорога от церкви

Пасхальный крестный ход вокруг Высоковской Троицкой церкви г. Горького.
1943 год

до шоссе. Еще в 1957 г. рядом со Спасо-Преображенской церковью был построен дом для епархиального управления и правящего архиерея. Они переехали туда с ул. Генкиной в июне 1965 г. (когда на ул. Генкиной сносилась подвысотная дома). В 1988 году, к 1000-летию крещения Руси, при Карповской церкви было построено новое здание епархиального управления.

Спасо-Преображенская Печерская церковь была вновь открыта в августе 1943 года. В 1944–1945 гг. храм был приведен в порядок и украшен, так что, по словам иерея Константина Лебедева, в нем можно «находить уют и успокоение». В 1955 году община выстроила на свои средства деревянную лестницу, связавшую верхнюю часть города со слободой Печеры. В 1956–1957 гг. при храме была построена каменная

сторожка-крестильня, было проведено центральное отопление. А в 1962 году в Печерскую церковь был проведен водопровод.

После войны смягчилось отношение и к другим религиозным конфессиям. Старообрядческая Успенская белокрыницкой иерархии церковь открылась 12 октября 1945 года, а 29 февраля 1946 года эта община приняла свое здание по Гоголевскому переулку, д. 16. Там община находилась до 1964 г. В марте 1965 г. здание Успенской старообрядческой церкви на ул. Суетинской снесли. Взамен 28 августа 1964 года этой общине предоставили здание бывшей православной церкви — Новокладбищенской Покровско-Сергиевской церкви (на Красном кладбище, по ул. Пушкина). Успенская община закончила основные работы по восстановлению переданной им церкви к 10 января 1965 года.

Высоковская Троицкая церковь г. Горького, открытая в 1943 году

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов).
Фото С. Лотырева

IV. Постперестроечный период (1988–1991 гг.)

После 1988 года, когда в стране отмечалось тысячелетие крещения Руси, в обществе наметилось движение к переменам. Совет по делам религий критиковал Горьковского уполномоченного по делам Церкви за затягивание регистрации 46 религиозных объединений области, а в Дивеево районный Совет даже зарегистрировал общину сам, минуя разрешение уполномоченного. Горьковского архиепископа Николая (Кутепова) пригласили выступить на местное телевидение, его речи печатались в областных газетах. В общественном сознании явно произошел перелом.

Стали возвращать православные церкви. Сормовский собор районное отделение ВООПИК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) с 1987 по 1990 г. предлагало реставрировать и реконструировать под концертный зал. Это решение «вызвало негативную реакцию со стороны верующих граждан», и «идя навстречу настойчивым просьбам верующих, Совет по делам религий передал здание церкви епархии 14 июня 1990 г.».

Спасо-Преображенская церковь Слободы Печеры. Фото 1950-х годов

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) во время приема в здании епархиального управления. Фото С. Лотырева

В 1990 г. архиепископ Николай просил у Горьковского облисполкома передать храм Спаса на ул. Трудовой верующим, но райисполком поначалу отказывал на том основании, что здание этой церкви уже было обещано консерватории под концертный зал. Тогда инициативная группа верующих написала письмо М.С. Горбачеву: «...это не соответствует духу времени, когда все усилия Партии и Правительства направлены на

возбуждение нравственности, которое не возможно без религии». Вскоре церковь была отдана епархии. 21 августа 1990 г. была передана православным Сергиевская церковь Благовещенского монастыря.

Дальнейшая судьба возродившихся нижегородских церквей прослеживается по местной периодической печати и современным епархиальным изданиям.

Архимандрит Паисий и русская Духовная миссия в Абиссинии в XIX столетии

Архимандрит Паисий, в миру Василий Балабанов, родился в 1834 году в Оренбургской губернии, в Каменно-Озерской станице в семье оренбургских казаков. Родители не могли дать Василию никакого образования, и вскоре он женился, но подпал под влияние разных учителей и начетников и был совращен в секту «шалапутов». Эта секта, иначе называемая «духовного сожительства» – одна из разновидностей хлыстовства. Члены этой секты именовали друг друга духовными братьями и сестрами и получали новых «духовных супругов». Василий бросил свою молодую красивую жену, завел «духовную» и стал одним из главных адептов этой секты. К оренбургским казакам «шалопутство» было занесено в самом грубом и невежественном виде.

Достигнув призывного возраста, Василий вступил в Казачье Оренбургское войско и вскоре стал участником походов в Среднюю Азию с 1840 по 1862 год. Благодаря своей природной смелке Василий Балабанов быстро приобрел авторитет в этой секте и стал её руководителем: *«Много я погрешил на своем веку, совращая людей с пути истинного в свою окаянную секту...»* — вспоминал впоследствии сам архимандрит. Неизвестно, сколько слез надо было пролить его супруге, сколько времени провести в молитвах к Богу, чтобы, наконец, вымолить своего супруга. В скором времени он опомнился и, сердечно раскаяв-

Архим. Паисій,
начальн. бывш. Абиссинской миссії.

шись в своем ослеплении, решился в иночестве искупить прегрешения молодости.

После долгих просьб и уговоров ему удалось получить согласие жены и в 1865 году, выправив все необходимые документы, он отправился на Святую гору Афон, где был принят послушником в Свято-

Пантелеимонов русский монастырь. Настоятелем обители в то время был известный старец, архимандрит Герасим, духовником — иеросхимонах Иероним. В 1867 году послушник Василий Балабанов был пострижен в монашество с именем Паисий. В том же году его назначили настоятелем и строи-

Настоятель Свято-Пантелеимонова
Афонского монастыря схиархимандрит
Герасим

6

телем Свято-Пантелеимоновского подворья в Константинополе. Назначая Паисия на столь ответственное послушание, Афонские старцы высоко оценили его природный ум, сметливость и строительный талант. С назначением в Константинополь новый настоятель принимается за строительство подворья, продлившееся около 20 лет.

В 1888 году в журнале «Русский паломник» так был описан этот период жизни инока Паисия: «... Неусыпными трудами, без особых денежных средств, отец Паисий прежде всего воздвиг огромное пятиэтажное подворье, которое скоро обратилось в великую русскую странноприимницу или, скажем более, настоящий своеобразный русский центр в Царьграде. Десятки чистеньких и удобных помещений, обставленных как отель средней руки, близость и удобство сообщения с русским агентством и пароходами, сердечный прием со стороны отца Паисия, добрая услуга монахов и постоянный наплыв русских пребывающих на подворье, — все это сделало его перепутьем для всякого русского, заезжающего в Царьград. Кто знает Константинополь и тот ад, который зовется Галатой и в который попадает прежде всего с парохода всякий европеец, посещающий Царьград, тот поймет, какую огромную услугу оказывал отец Паисий, который организовал вполне прием и уход для каждого русского, особенно для простого серого нашего паломника,

снимая его прямо с парохода, проводя через турецкую таможню, давая ему приют, угощение, пищу и даровую услугу, в какой бы форме она ни понадобилась; чисто под материнским крылышком считает себя простой русский паломник, как только после сутолоки пароходной жизни и Галатской суеты очутится среди добрых батюшек, заботящихся о нем, как о родном. Монахи не только приютят, но и выводят его по всем святыням Константинополя, а потом посадят на пароход и отправят его, куда следует. Всем этим обязаны паломники отцу Паисию, который ежегодно тысяч до 4–6 пропускал их через свои отеческие руки. Со всеми-то он поговорит, всякого утешит, иному и денег на дорогу даст — и все это единственно ради доброго сочувствия к нуждам заброшенного в Туретчину русского простого человека.

Но не одним простакам, а и всякому русскому человеку был готов всегда помочь отец Паисий; и ученый, и воин, и монах, и новый консул, и купец, и турист — всякий заглядывал в гостеприимную келлию отца Паисия, зная, что от него услышит всегда добрый совет и получит посильную помощь. Отец Паисий, в продолжении всего своего пребывания в Константинополе, служил вполне русскому делу, в какой бы форме оно ни выражалось, и можно смело сказать, что все наше консульство, за все время своего пребывания, не сделало столько для русского дела, сколько один отец Паисий. Кроме самой разнообразной помощи всякому русскому, за что скажут ему спасибо десятки тысяч русских, посетивших в последние 20 лет Царьград, смиренный труженик ратовал и за такие вопросы, которые по-видимому не касались его скромной миссии, но интересовали его, как доблестного русского патриота. Так он помогал некоторым русским купцам устроить их коммерческие дела в Константинополе, поддерживал молодых ученых в их специальных поручениях, оказывал помощь беднейшим членам нашей Константинопольской колонии, хлопотал в турецких таможнях и полиции, когда русскому приходилось плохо, входил в сделки с менялами и разными поставщиками, чтобы облегчить русскому первые шаги в Царьграде, поддержи-

Духовник Свято-Пантелеимонова
монастыря игумен Иероним

6

вал «майносцев» (казаков, бежавших в Турцию еще при Некрасове) и был одним из самых усердных ходатаев за русскую школу в Константинополе, для которой он добыл материальные средства. Отец Паисий таким образом почти 20 лет стоял твердо на страже русских интересов у самых ворот Востока; его дело было маленькое, но он успел из малого сделать великое. Еще ранее, чем основалось Палестинское общество, о. Паисий организовал один для Царьграда такую разнообразную и полную помощь паломникам, что позднее Палестинское общество не нашло нужным прибавлять ничего.

Когда в середине XIX столетия началась война России с турками за освобождение Балкан, то монах Паисий не покинул Стамбула, хотя турки не раз грозили ему смертью. Он как мужественный воин остался исполнять свое послушание, твердо и бесстрашно исповедовал тогда «...русское имя и не отрекался от него, как то делали другие православные к их вечному позору и стыду».

В то время, когда русские войска терпели неудачи, отец Паисий молился о даровании победы русскому оружию, не боясь беснования турок и доносов греков, служивших тогда благодарственные молебны. Громко и радостно в Свято-Пантелеимоновском подворье праздновал отец Паисий русские победы и поражение турок, хотя это грозило ему неминуемой смертью. «...Страшные дни пережил отец Паисий, когда русская

армия шла быстро к Босфору, а взбешенные турки клялись разорить ненавистное им русское подворье, где ликовали по поводу победоносного шествия русских войск. Не боялся отец Паисий идти и к русским пленным, привезенным в Константинополь; в то время, когда от них отвергивались даже православные греки и болгары, отец Паисий не только утешал их словом, но и помогал им чем мог, не боясь навлечь на себя новую злобу мусульман. А когда пришла и остановилась под воротами Стамбула победоносная армия русского Царя, отец Паисий как будто забыл о своем сане и, вспоминая свою прежнюю казацкую удачу, готов был служить проводником для русских колонн в случае штурма Стамбула. Ради св. Софии и водружения на ней креста Христова доблестный монах готов был погибнуть, хотя бы в качестве простого солдата, если бы это могло оказать какую-нибудь помощь святому делу. К сожалению, мы не можем еще говорить о некоторых других фактах высоко патриотической деятельности отца Паисия во время Сан-Стефанского стояния, но и сказанного, полагаем, достаточно для того, чтобы оценить эту выдающуюся личность. Пусть он не отличается образованием, пусть в обращении его не видно изысканного обхождения и лести, пусть для многих и внешний вид его не произведет какого-нибудь особенно привлекательного впечатления; но пусть же и не забывают, что это простой Афонский монах, рожденный казаком, прошедший тяжелую лямку и в течение многих годов выдерживавший суровый Афонский искус...».

После окончания войны настоятель Свято-Пантелеимонова монастыря отозвал Паисия обратно на Святую гору. Монах Паисий уже думал в тиши иноческого уединения провести остальные годы своей жизни, но афонские старцы хотели благословить его на строительство на берегах Черного моря Симоно-Канонитского монастыря в Абхазии под названием Новый Афон, однако по промыслу Божию ему было назначено новое многотрудное послушание.

Архимандрит Паисий (Балабанов)

3 августа 1888 года, по распоряжению Святейшего Синода, прибывший в Россию монах Паисий был определен насельником в Александро-Невскую Лавру, где практически сразу же был рукоположен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха. По распоряжению обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, 13 августа иеромонах Паисий был посвящен в сан архимандрита с назначением начальником православной Духовной миссии, отправляющейся с добровольцами атамана вольных казаков Николаем Ивановичем Ашиновым в Абиссинию. Архимандрита Паисия и Н.И. Ашинова уже давно связывали дружеские отношения ещё по Константинополю и тем более, что Ашинов, посетивший в 1886 году Абиссинию, своими рассказами, переданными во всех газетах, заставил в России заговорить серьезно об этой стране. Как ни мечтательны казались его грандиозные планы об утверждении там русского влияния при помощи вольных русских казаков, но важным результатом всего этого оказалось поднятие вопроса о русской Духовной миссии в Абиссинии, к которому с вниманием отнеслись в Святейшем Синоде.

После доклада Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) бла-

гословил архимандрита Паисия заняться сбором средств для этой экспедиции. Несмотря на свои преклонные уже годы и немощи телесные, он самоотверженно взял на себя тяжелый и ответственный пост строителя и начинателя русской Духовной миссии в Абиссинии и «возгорелся снова как юноша сердцем и душою, готовый всецело отдаться новому великому и святому делу». С благословения Святейшего Синода архимандрит Паисий выпустил воззвание к россиянам с просьбой пожертвовать средства на постройку храма на территории будущей миссии во имя Иоанна Крестителя Господня: «...Православные христиане! С благословения Святейшего Синода я отправляюсь на восточный берег Африки в Абиссинию. Там к юго-западу от французского порта Обок и к северо-западу от английской колонии Зейла, на Индийском океане, наши православные казаки заложили станицу под дорогим нам именем «Москва» и подняли там русский флаг.

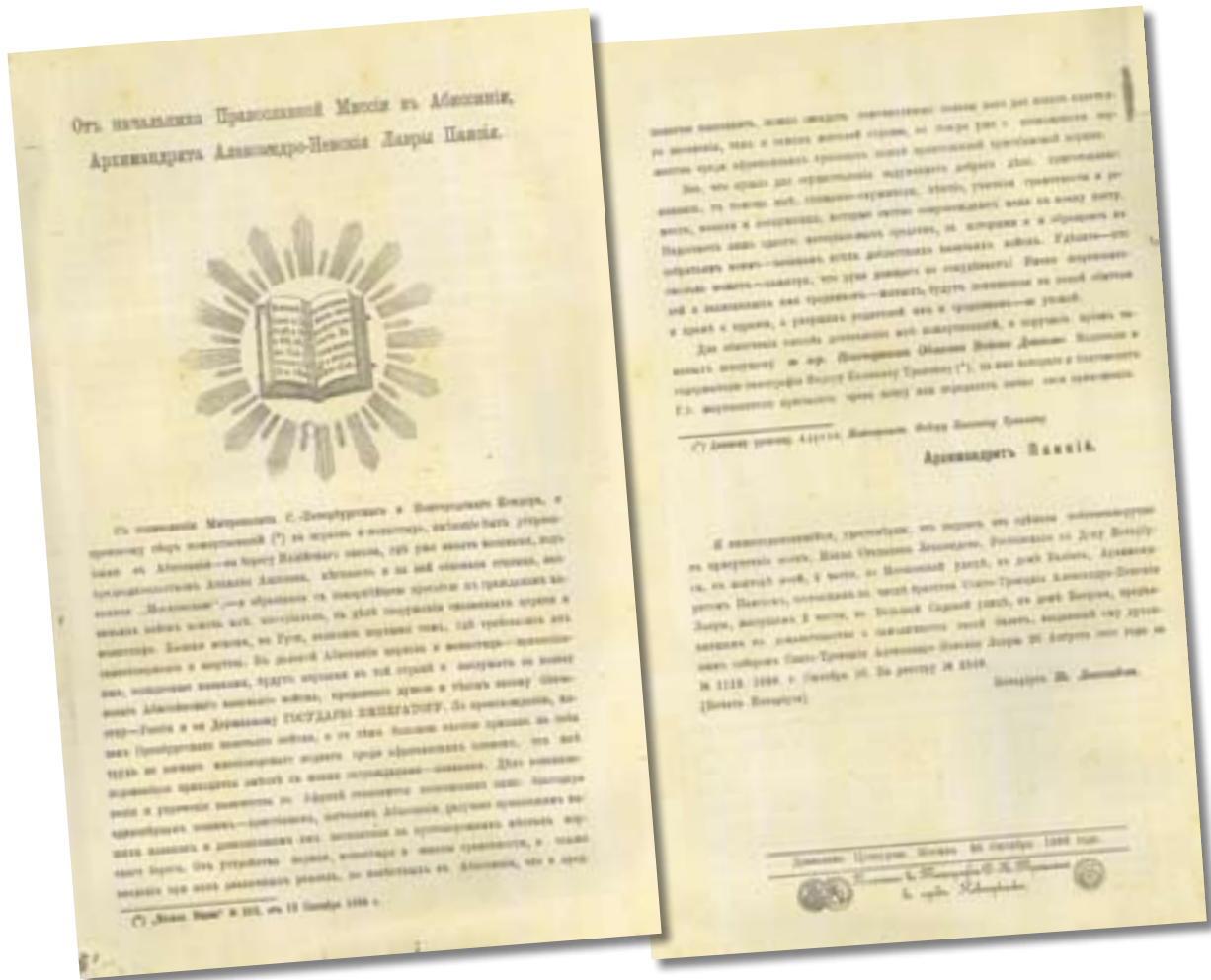
Во вновь возникшей Москве, на приличном для святыни месте, с соблюдением всех правил, принятых православною Церковью, мы получили благословение Святейшего Синода приступить к устройству храма во имя св. Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна.

Помогите, православные русские люди, этому святому делу!

Всякому понятно, что значит жить русскому человеку без православного храма и вдали от отечества. Храм вообще для русского человека тихое пристанище и в горе и счастье, но вдали от отечества храм для русского человека и твердыня и оплот.

Католики и протестанты, преследуя свои политические интересы и задачи, шлюют в свои порты и поселения своих епископов, строят храмы, основывают семинарии и различные школы, с тем, чтобы завлечь в последние абиссинцев и, склонив их в свое лежучение, сделать их орудиями своей политики.

Мы же едем туда без всякой задней мысли с единственной целью выполнить там святую задачу — построить в Абиссинии благолепный православный храм, при помощи русских людей, укра-

сильно его так, чтобы он в той Москве напоминал нам златоглавую нашу Москву и показал абиссинцам наше православное богослужение, наши в нем порядки и нерушимость сохранившаяся в нем древнего многовекового предания. Сам абиссинский народ со своим царем прислал к нам своих послов и через них просил нас стать к абиссинцам в близкие религиозные отношения, пожалеть их как родственных нам по вере братьев, в течение многих веков разобщенных с истинным православием.

Православная Россия всегда откликнулась на нужды религиозные. Она и теперь может пособить своей младшей сестре, находящейся от нее на несколько тысяч верст, но обращающей к ней свои взоры, полные ожидания той благодати, которая осенит ее из св. православной русской Церкви.

При храме, конечно, должна быть и колокольня и колокола, священные одежды и облачения, иконы и вся церковная утварь. А потому все, как и чем кто ни

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский)

пожертвует, будет принято с глубокой благодарностью. Дело уже близко к осуществлению. Сделаны уже необходимые заказы для того,

чтобы воздвигнуть достойным и благолепным образом новый русский православный храм на берегах Африки. План храма уже готов, а на заводе господина Финляндского уже отливаются колокола как для нашего русского храма в Абиссинии, так и для абиссинского в Иерусалиме, который примет московские колокола, как первый драгоценный дар из рук православной России.

А потому время не терпит и все истинно православные русские люди, несомненно, поторопятся принести свою посильную лепту на это святое дело.

Пожертвования с разрешения Св. Синода и с благословения высокопреосвященнейшего Исидора, Митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского, и архиепископа Харьковского и Ахтырского Амвросия, могут быть присылаемы мне: Одесса, Пантелеймоновское подворье, или Москва, в редакцию «Московских Ведомостей». Архимандрит Паисий.

Н.И. Ашинов с архимандритом Паисием, находясь в Москве, а также на ярмарке в Нижнем Новгороде, выступали с лекциями и занимались сбором средств. Наведаясь Ашинов и к казакам на Дон, на Кавказ и в Крым. В русских газетах того времени были опубликованы специальные подписные листы. Начинания Николая Ашинова и отца Паисия особенно поддерживали газеты «Новое время» и «Свет». Горячо поддерживал идею экспедиции и издатель «Московских ведомостей» и журнала «Русский вестник» Михаил Катков.

Подписку на сбор средств для экспедиции открыл и генерал Лермонтов, секретарь Русского Палестинского общества, а генерал-губернатор Москвы Великий князь Сергей Александрович стал почетным председателем этого фонда.

Нижегородский генерал-губернатор Н.М. Баранов 29 сентября 1888 года направил Императору Александру III большую записку, в которой изложил свое мнение об идее создания африканского форпоста. Он писал: «Заселение русскими выход-

цами африканского побережья только тогда принесет России всю массу возможной пользы, когда правительство твердо будет руководить устройством колонии и ее сношениями с соседями, а главное, с Абиссиниею. Только при этом условии колония получит подобающее ей государственное значение». Нижегородский губернатор предлагал также: «При некотором содействии правительства образовать Российско-Африканскую компанию».

Государь переслал этот документ министру иностранных дел Николаю Карловичу Гирсу с пометкой: «Я переговорю с Вами об этом». И написал также: «Я желал бы знать мнение И.А. Шестакова, который, кажется, сочувствовал Ашинову».

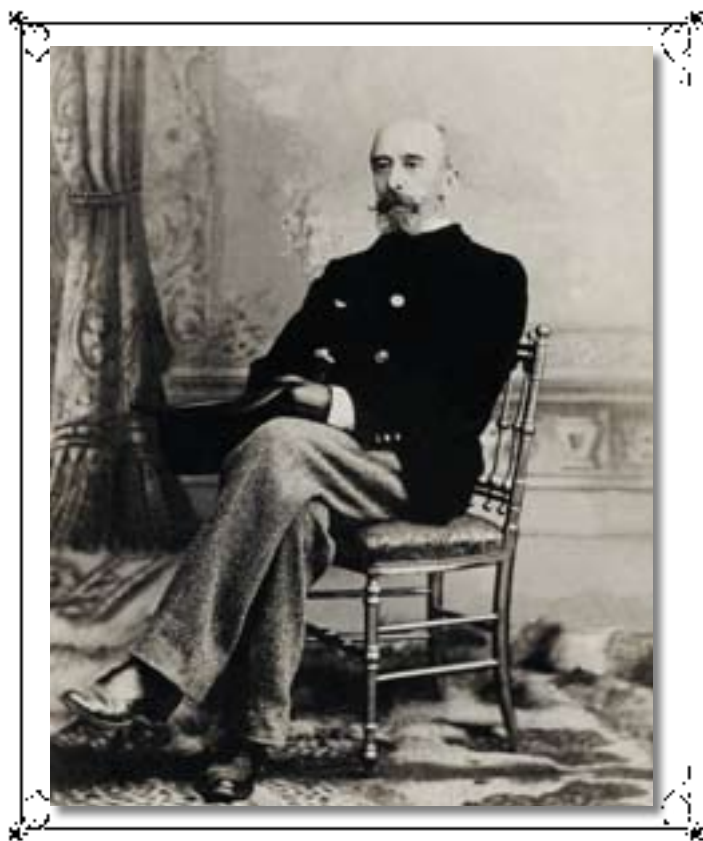
Архимандрит Паисий проездом в Одессу остановился на время в Новочеркасске и имел там встречу с архиепископом Ростовским и Новочеркасским Макарием (Миролюбовым), который также сочувственно отнёсся

Архиепископ Донской и Новочеркасский Макарий (Миролюбов). РНБ

к идее создания Духовной миссии в Абиссинии. Местная газета по этому поводу писала: «Эта остановка имеет чисто экономический характер: среди донцов многие высказывались сочувственно кабиссинскому делу и выражали готовность помочь ему материально. Отец Паисий получил дозволение от митрополита новгородского и Санкт-Петербургского Исидора собирать по России пожертвования на благое дело — основание казачьей промышленной станции на пустынном африканском берегу и устройство при ней монастыря с церковью, певческим хором, школою грамотности для детей туземцев и мастерскою при ней, в которой туземцы могли бы научиться ремеслам: столярному и токарному, кузнечному и строительному, мельничной механике и прочим знаниям, неразлучным с простою жизнью абиссинцев. Можно надеяться, что донцы не отстанут от добрых примеров в этом движении, проявленных и известными и малоизвестными людьми.

В сборной книге архимандрита Паисия, засвидетельствованной собственноручно митрополитом Исидором, мы встретили, между прочим, имена жертвователей: К.П. Победоносцева, митрополитов: Исидора, Платона, Иоанникия; В.К. Саблера, С.В. Керского, В.Н. Хитрово, генерала Юрковского, командиров донских полков; № 7 — Максимова и № 8 — Дуткия;

Нижегородский губернатор В.С. Баранов. АрхАДНО

Государь Император Александр III

Ф.Н. Плевако, князя Гагарина, московского головы Алексеева, епископа Михаила и многих других. Среди них имеются записи: высокопреосвященнейшего Амвросия, архиепископа харьковского и ахтырского, пожертвовавшего для означенной цели двести рублей, архиепископа херсонского и одесского Никанора, бывшего епископа аксайского — «благословляю всякую жертву на сие богоугодное дело», и архиепископа Донского и Новочеркасского: «донской архиепископ Макарий благословляет жертвы по Донской области на святое и спасительное дело в Абиссинии для прославления имени Господня».

В реализации задуманного изначально деятельное участие принимал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, и благодаря его предприимчивым действиям Император Александр III принял

решение об отправке архимандрита Паисия вместе с его братией в Абиссинию. Николай Ашинов со своими казаками выступали в данном случае в качестве охраны миссии. Архимандрит Паисий формировал Духовную миссию, а Н.И. Ашинов — «конвой» для экспедиции. По секретному указанию адмирала И.А. Шестакова Ашинов получил в военно-морском арсенале в городе Николаеве двести винтовок системы Баранова, двести кавалерийских сабель, четыре пуда пороха и пять пулеметов. Оружие было доставлено в Одессу. 7 ноября 1888 года посол в Константинополе Нелидов направил министру иностранных дел Н.К. Гирсу секретное послание, в котором сообщил, что рассказ Ашинова об основании им «станции Новая Москва» на берегу Таджурского залива оказался

вымыслом. На самом деле атаман попросту оставил своих попутчиков, приказав им ждать своего возвращения. К донесению прилагались протоколы допроса двух казаков, которые после многих злоключений сумели добраться до Константинополя и явиться в российское посольство. Данное донесение быстро попало к Императору Александру III. Потрясенный вскрывшимся обманом, царь приказал отправить эти материалы для ознакомления К.П. Победоносцеву и управляющему Морским министерством адмиралу Н.М. Чихачеву.

Обер-прокурор был, вероятно, разочарован в Ашинове не меньше государя, но бросать начатое дело ему не хотелось. Подготовка миссии продолжалась, хотя с этого момента он практически устранился от помощи архимандриту Паисию. Уже 15 ноября 1888 года было выпущено решение об отмене выдачи ста современных винтовок Николаю Ашинову. В конце ноября готовящаяся экспедиция попала в тяжелое положение. Специальный рейс парохода был отменен, уже погруженное на него имущество оказалось на берегу. По требованию министра иностранных дел, озабоченного возможными протестами со стороны других держав, архимандриту Паисию было запрещено публиковать в газетах воззвания о сборе пожертвований на экспедицию и постройку храма в Абиссинии. Руководство Министерства иностранных дел организовало утечку информации в прессу о казаках, брошенных в Таджуре атаманом Николаем Ашиновым, и скандал стал известен широкой публике. Однако император Александр III не отдал приказа о роспуске миссии и ее «конвоя». Царь принял компромиссное решение: миссия продолжала готовиться к путешествию, но государство полностью устранялось от участия в ней. Экспедиция должна была иметь статус исключительно частного предприятия атамана Ашинова и архимандрита Паисия. По всей вероятности, на решение о продолжении подготовки к экспедиции повлияли отчаянные усилия Нижегородского губернатора Н.М. Баранова. Тридцатого ноября 1888 года он писал К.П. Победоносцеву: «*Простите, что снова возвращаюсь к Ашинову.*

Жалобы на него Нелидова и Гирса меня нисколько не удивляют. Слишком хорошо знаю манеру наших великих деятелей никогда не относиться к делу по существу его, а лишь обсуждать его с анекдотической стороны. Быть может, началом моих действий в Абиссинии была бы постанова виселицы для Ашинова. Что Ашинов плут — это многие знают, но из-за этого странно не воспользоваться берегом Черного моря и не завязать сношений с Абиссинией.

Николай Ашинов и архимандрит Паисий попытались вернуть расположение сановников к своему предприятию. Семнадцатого ноября отец Паисий отправил из Одессы к К.П. Победоносцеву письмо, в котором сообщал, что Духовная миссия в количестве 50 человек уже сформирована, но для успешного осуществления путешествия собранных по подписке средств было недостаточно, и он просил обер-прокурора хотя бы заимообразно выделить 15 тысяч рублей. Однако помощи на это прошение никакой не последовало.

21 ноября Ашинов написал лично императору Александру III, запрашивая всего 5 тысяч рублей на данную экспедицию, но и это письмо не было удостоено никакого ответа. Экспедиция больше не получила никакой помощи от правительства, и подготовка к отъезду завершалась полностью самостоятельно.

К началу декабря 1888 года приготовления к экспедиции были закончены. Экспедиция, как и планировалось, состояла из двух частей. Духовная миссия, предназначенная для путешествия в Абиссинию, насчитывала около 40 человек. Кроме архимандрита Паисия, в нее входили иеромонахи Антонин и Аристарх, архидьякон Ювеналий, три афонских монаха, хор певчих и послушники. С собой миссия брала большое количество православной литературы, икон и богослужебной утвари для запланированного к постройке русского храма в Абиссинии. Охранять миссию на всем протяжении ее пути должен был отряд под командованием самого Николая Ашинова. Вместо обещанных атаманом нескольких сот казаков в отряде насчитывалось всего около 150 человек. Прямого рейса по Красному морю мимо Таджурского

залива в ближайшее время не было. Экспедиция была вынуждена отправиться на пароходе Добровольного флота «Корнилов», шедшем до Александрии, в качестве рядовых пассажиров.

10 декабря 1888 года, в праздничной обстановке, при скоплении большого числа горожан и в присутствии одесского градоначальника, перед отправкой путешественников на берегу был отслужен торжественный молебен. Однако в российской печати отплытие Духовной миссии и ее охраны прошло почти незамеченным. Газеты к тому времени уже получили внушение от цензурных властей и ограничились только лишь скухими информационными материалами.

Православный журнал «Русский паломник», в основании которого стоял протоиерей Иоанн Сергиев (Кронштадтский), провел четкую грань между атаманом Ашиновым и архимандритом Паисием и поставленными перед ними целями: «...В действительности однако правительство наше, конечно в виду возможных политических осложнений и понятного скептического отношения к предприятию Ашинова, держится совершенно в стороне от этого предприятия, и задача миссии — чисто духовная. Следовательно, единственно от такта, умения, энергии и доблести отца Паисия будет зависеть не только постанова, но и вся судьба этой последней, если не навсегда, то на долгие времена. Отец Паисий должен будет свое святое дело поставить так, чтобы, не отклоняясь от прямой цели, не давать возможности иностранцам приписывать русской миссии иное, чем духовное, значение, и вместе с тем все-таки делать исподволь и русское дело. Москва, казачество и весь русский народ поддержат тогда Абиссинскую миссию и не дадут ей замереть. Пусть Ашинов строит свою станицу «Москву» на Африканском берегу, пусть казахи и вольные дружины воюют с итальянцами, суданцами и неграми данакильцами, о которых постоянно трактует вольный атаман, — мы вовсе и не думаем смешивать дел Ашинова с задачами первой русской миссии в Абиссинии. Русское общество вправе еще сомневаться в водворении казачества на берегах Африки, давно уже разобран-

ных европейцами; но надо помнить, что не для целей Ашинова и его колонии в Абиссинию отправляется отец Паисий и те иноки, которые составят первую русскую миссию в Габеше. Самое название этой последней указывает, что она назначена для такой же деятельности в Абиссинии, какая совершается и другими русскими миссиями в далеких странах. Разумеется, если бы в самой Африке оказались русские колонии, то в Абиссинской миссии они могли бы иметь свою религиозную опору, но пока существование их не доказано, вся деятельность отца Паисия должна быть направлена на соответственное своему назначению. Во всяком случае лучшего выбора для просветительной деятельности в далеком крае нельзя было сделать, потому что только в отце Паисии можно было найти монаха-подвижника, труженика-созидателя, борца за русскую идею, человека огромной практической подготовки, казака душой и пастыря знающего и понимающего Восток. Пожелаем же ему и первой русской духовной миссии в Абиссинии полного успеха и удачи. Даст Бог, она сделает свое дело, и тогда мы первые порадуемся столько же за Абиссинию, как и за Россию.

Из Александрии в Порт-Саид экспедицию доставил также российский корабль «Лазарев». В Порт-Саиде путешественники задержались в связи с поисками подходящего судна. После недолгих поисков, Николай Ашинов за 36 тысяч франков удалось нанять австрийский пароход «Амфитрида», который должен был доставить миссию и добровольцев до Таджуры. Путь их лежал через Джедду и Суакин. Вскоре после выхода из Суэцкого канала с «Амфитриды» заметили, что за кораблем неотрывно следует итальянская канонерка. Несмотря на то, что миссия носила общественный характер, итальянское правительство увидело в ней попытку России завоевать Африку. Противодействие итальянских военных судов не помешало миссии высадиться на берегу Красного моря недалеко от французского порта Обок. Если учесть завоевательные планы итальянцев в отношении Абиссинии, их интерес к экспедиции Ашинова был вполне понятен, и не случай-

Атаман вольных казаков
Николай Ашинов

но именно в итальянской прессе появлялась самая скандальная информация, призванная всячески опорочить это предприятие.

6 января 1889 года пароход «Амфитрида» прошел мимо торговой фактории Обок, административного центра новой французской колонии на берегах Африканского Рога, и на следующий день в 9 часов утра пароход вошел в Таджурскую бухту и бросил там якорь. Вдали на берегу виднелось небольшое селение племени данакиль, где Николай Ашинов высадился ещё в апреле прошлого года. Таджура, обрамленная заросшими кустарником горами, выглядела как деревня средних размеров. С борта «Амфитриды» в бинокль можно было разглядеть ее довольно детально. Около пяти-шести сот сплетенных из прутьев хижин жались друг к другу так тесно, что казалось, между ними вовсе не было улиц. Кое-где из-за хижин выглядывали низкорослые пальмы, возвышавшиеся над крышами, это и была обещанная Николаем Ашиновым казакам вольная станция Москва. Ашинов отдал приказание готовиться к разгрузке и на первой шлюпке к берегу отправился с двенадцатью вооруженными казаками. Среди местных жителей были трое русских, оставленных здесь Ашиновым в прошлом году. Радость по случаю встречи была неподдельной, так как оставленные Ашиновым припасы подходили к концу и дальнейшие перспективы пребывания русских в

Таджуре представлялись весьма невеселыми.

Среди толпы встречавших находился и местный племенной вождь Магомет-Сабех, который предложил Ашинову и архимандриту Паисию проследовать для торжественной церемонии встречи в своё жилище. Вождь посоветовал русским обосноваться во владениях его соседа, такого же племенного вождя по имени Магомет-Лейта.

Магомет-Лейта сам приехал в Таджуру и имел разговор с Николаем Ашиновым. Территория, которую уступил русским Магомет-Лейта, не была полностью пустынной. Ее центром являлась старая полуразрушенная крепость Сагалло, находящаяся в 40 верстах к юго-западу от Таджуры. Это укрепление было построено еще египтянами, вплоть до 1860-х годов предъявлявшими претензии на все побережье Африканского Рога. После ухода египетских войск крепость никак не использовалась, и она могла оказаться идеальным местом для размещения русской Духовной миссии.

Николай Ашинов вместе с Магомет-Сабехом и двумя десятками своих казаков отправился осматривать предложенные владения. Он остался очень доволен увиденным и отдал приказ о начале переселения. Уже 11 января началось перемещение из Таджуры в Сагалло.

13 января у развалин крепости архимандрит Паисий отслужил первую Божественную литургию, а затем благодарственный молебен с провозглашением многолетия Государю Императору. Казаки во время богослужения стояли в строю при полном вооружении с непокрытыми головами, а затем по очереди подходили под благословение архимандрита Паисия. После службы все присутствующие вошли в крепость. Первым шел отец Паисий с высоко поднятым крестом в руках, за ним шёл атаман Николай Ашинов, держащий в руке флаг Российской империи. За атаманом следовали монахи и депутация от отряда. Поднявшись на плоскую крышу крепостной казармы, Николай Ашинов поднял на заранее приготовленном шесте флаг и заявил о присоединении этого края к России. «Отныне и вовеки веков — аминь!» — прибавил архимандрит Паисий и осенил

крестным знаменем все четыре стороны занятой ими земли.

Довольно неплохо сохранившаяся крепость была сориентирована для отражения нападения с моря и поэтому главный корпус форта, имевший около 20 бойниц для стрельбы, был обращён в эту сторону. Здесь же находились крепостные ворота и остатки старой башни. Внутренний двор крепости составлял приблизительно 200 квадратных сажен и был вымощен камнем. В ста шагах от крепости начинался небольшой лесок, а за ним в четырех верстах начинались горы, покрытые колючими деревьями. Прибывшие принялись обживать и обустроить свою Духовную миссию. В комнатах каменного корпуса разместились архимандрит Паисий и Николай Ашинов со своей супругой. Здесь же было устроено жилье для женатых казаков и для размещения самой Духовной миссии. В других помещениях были обустроены оружейная и слесарная мастерские. На пологой крыше форта, как на самом возвышенном месте, была устроена из парусины походная церковь с деревянным крестом, освящённая отцом Паисием во имя святителя и чудотворца Николая. Каждый день, утром и вечером, в домовую церковь проходило богослужение по монастырскому уставу.

Николай Ашинов деятельно распоряжался по обустройству Духовной миссии. Едва его отряд устроился на новом месте, началось освоение окрестностей Сагалло. Прямо за крепостным ровом переселенцы разбили сад из привезенных с собой саженцев. Здесь были посажены несколько вишневых деревьев, черешни, лимонные и апельсиновые деревья, было высажено около 15 тысяч черенков винограда. Сзади крепость окружили огороды. Казаки и монахи, трудившиеся здесь, смогли обработать большой участок земли, на котором посадили огурцы, помидоры, капусту нескольких сортов. В отдельном углу огорода на импровизированной бахче посеяли семена арбуза и дыни. Каждый день на охоту в горы, где водилась живность, отправлялись несколько человек. Члены экспедиции не испытывали недостатка в продуктах питания. В заливе имелось большое количество кефали, и для рыбной ловли был

Николай Ашинов во время экспедиции в Абиссинии

сплетен невод в 20 аршин длиной. При отливе можно было буквально руками ловить угрей, прятавшихся за камнями. В результате исследования местной территории казаками были найдены выходы на поверхность земли каменной соли и железной руды, а также был открыт горячий серный источник.

Атаман Николай Ашинов, вероятно, собирался прочно обосноваться в Сагалло, и его подчиненные воспринимали это совершенно спокойно. Большинство из казаков, возможно, и не думали отправляться в далекую Абиссинию, а напротив, с самого начала ориентировались своим атаманом на оседлую жизнь на берегу теплого моря. Думал ли так сам архимандрит Паисий или все-таки намеревался отправиться в Абиссинию, неизвестно, но именно это и сыграло свою пагубную роль. Им необходимо было двигаться дальше в Абиссинию, туда, куда и была послана Россией эта Духовная миссия.

После того как крепость в Сагалло стала всё более и более обживаться, это не могло остаться незамеченным. Высадка русских на африканский берег положила начало крупному замешательству в международных отношениях.

Интересы великих держав слишком тесно переплелись на Африканском Роге, и появление здесь еще одного соперника не было нужно никому, даже французам с их симпатией к России. Между столицами крупнейших европейских держав началась лихорадочная дипломатическая переписка. Первой беспокорностью проявила Италия. Когда стало известно об использовании казаками австрийского судна, итальянский посол в Вене граф Нигра выразил официальный протест, представив это как явно недружественные действия против своего партнера по Тройственному союзу. Венский кабинет был вынужден принести итальянцам извинения, и директор австрийского пароходства, которому принадлежала «Амфитрида», был снят со своего поста.

В Петербурге итальянский посол Маркетти весьма настойчиво требовал от министра иностранных дел Н.К. Гирса объяснений по поводу этой экспедиции в Африку. Французское правительство вело себя в этой ситуации непоследовательно. Прекрасно зная намерения атамана Ашинова появиться в зоне их влияния, оно не сделало ничего, чтобы воспрепятствовать высадке русских в Таджур. По некоторым

данным, в момент выгрузки экспедиции рядом находилась французская канонерка «Метеор», но ее экипаж только наблюдал за происходящим. Более того, колониальные власти Обока никак не прореагировали и на занятие ашиновцами крепости Сагалло, хотя эта местность была приобретена ими у местного племенного вождя еще в 1882 году. Скорее всего, французское правительство, а вслед за ним и власти Обока всерьез полагают, что настоящей целью русской экспедиции действительно является Абиссиния. Против религиозной миссии, пусть даже и в сопровождении большой охраны, французы ничего не имели. Поэтому кратковременное пребывание русских на их территории по пути в Абиссинию не представлялось им опасным.

Спустя неделю после переезда русских в крепость французы решили напомнить атаману Ашинову о том, что он находится на чужой территории. В «Новую Москву» был отправлен из Обока легкий крейсер «Пэнгвэн». Прибывший в крепость офицер Люи передал Ашинову требование обокского коменданта в кратчайшие сроки покинуть Сагалло. В ответ на это Ашинов заявил, что будет считаться

Н.И. Ашинов

только с мнением настоящего хозяина этой земли — вождя Магомет-Лейты. Тогда офицер потребовал от русских сдать лишнее оружие, на что Ашинов ответил категорическим отказом.

Получив известия об этом, 25 января 1889 года французский министр иностранных дел Гобле запросил русского посланника в Париже Коцебу об отношении России к данной экспедиции. На экстренный запрос посла осторожный Н.К. Гирс сам отвечать не решился и оставил это на усмотрение императора Александра III. По его приказу министр телеграфировал в Париж: *«Императорское правительство не принимает никакого участия в предприятиях Ашинова, который действует на свой собственный страх, нам ничего не известно о заключении будто бы означенным лицом соглашения с местным туземным начальником, и если Сагалло находится в пределах французского протектората, то, как само собой разумеется, Ашинов обязан подчиниться существующим в этой местности правилам».*

Получив необходимые разъяснения, французское правительство решило продемонстрировать находившимся в крепости свою военную силу. 13 января к Сагалло подошли три французских военных судна —

«Метеор», «Пэнгвэн» и «Примогэ». Они не спеша прошли бухту и затем выстроились в боевую линию, открыто демонстрируя враждебные намерения. На шлюпке в крепость вновь прибыл лейтенант Люи. Он передал Николаю Ашинову распоряжение коменданта Обока прибыть к нему. Не понимая серьезности положения, и самое главное того, что он ставит под удар саму суть Духовной миссии, ради которой они и прибыли в Африку, он отказался прибыть к нему, предложив, в свою очередь, коменданту посетить русскую крепость. Получив такой ответ, лейте-

нант во исполнение инструкции потребовал спустить русский флаг и тем самым отказаться от претензий на эту территорию. Но на это предложение Ашинов ответил: *«Мы русские подданные, и спускать флаг перед кем бы то ни было считаем унизительным».* Однако он указал французам на место рядом с крепостью, сказав ему: *«Если вам так хочется водрузить свой флаг, можете вывесить его там, мы не тронем».* Получив такой ответ, французы ушли из бухты обратно в Обок.

Придерживался ли такой позиции сам архимандрит Паисий, остаётся неизвестным. 2 февраля, узнав от французов о поведении Ашинова, русский посланник в Париже отправил в Санкт-Петербург телеграмму: *«Ашинов продолжает сопротивляться. Французское правительство не решается применить силу, но должно будет на это решиться, сожалея, что религиозная миссия осложнилась военной авантюрой. Пароход «Царица», по-видимому, грузит для него еще оружие и продовольствие. Французский крейсер воспринимает разгрузку. Не запрашивая этой услуги официально, Гобле сообщил мне, что был бы счастлив, если бы императорское правительство взяло на*

себя прямо предложить Ашинову сдать. Если он сдаст излишнее оружие и признает французскую власть в Сагалло, его оставят в покое». Император Александр III, получив это донесение, был крайне недоволен. Он наложил на шифрованной телеграмме резолюцию: *«Непременно надо скорее убрать этого скота Ашинова оттуда, и мне кажется, что и духовная миссия Паисия так плохо составлена и из таких личностей, что нежелательно его слишком поддерживать; он только компрометирует нас, и стыдно будет нам за его деятельность».*

После такой шифрованной телеграммы, в инструкции русскому посланнику в Париже Н.К. Гирс также информировал и французского посла в Петербурге, что Россия найдет естественным и законным, если Франция примет меры доказать Ашинову свои права на территорию, занятую русским отрядом.

5 февраля 1889 года возле Сагалло вновь появились военные суда — «Метеор», «Пэнгвэн», «Примогэ» и «Скорпион». Суда медленно прошли мимо крепости, затем выстроились напротив нее в боевую линию. От ближайшего судна отделилась шлюпка и направилась к берегу. На этот раз в лодке находился не знакомый уже Ашинову офицер, а туземец. Он передал вышедшему навстречу из крепости атаману требование коменданта Обока Лагарда немедленно очистить крепость. В противном случае против русских будут приняты самые решительные меры. Но Ашинов отказался говорить с туземцем и передал через него свою просьбу, чтобы для переговоров прибыл кто-либо из офицеров. Командующий французской эскадрой адмирал Ольри некоторое время выжидал. В бинокль с кораблей было прекрасно видно, что казаки и не думали выполнять ультиматум. Около трех часов пополудни командование эскадрой наконец отдало приказ об обстреле крепости. Первый выстрел из корабельного орудия был предупредительным и одновременно выполнял роль пристрелочного. Снаряд прошел довольно далеко от крепости. Второй же снаряд угодил точно в цель. Он попал в главное здание форта, где находилось помещение для семей

казаков. Затем туда же попали еще два снаряда. Здание обрушилось, похоронив под своими обломками двух женщин и троих детей. Тем временем на территории крепости продолжали методично падать снаряд за снарядом.

Среди людей поднялась невообразимая паника. Все бросались из стороны в сторону, не зная, что делать. Женщины и дети подняли страшный плач и крик. Выстрелы и взрывы продолжались. Казаку Делету раздробило кисть правой руки, казака Шевченко прямым попаданием буквально разорвало на куски. В ногу была ранена Рубцова, у которой минутами раньше завалило двоих детей в помещении для семейных. В здании казармы возник пожар. Находясь далее в осыпаемой снарядами крепости было бессмысленно и опасно. Половина ашиновского отряда пустилась бежать в лес. Оставшиеся верными своему атаману примерно семьдесят человек укрылись в крепостном рву. Как обычно бывает в подобных ситуациях, трусость одних сочеталась с хладнокровием и даже настоящим героизмом других. Под выстрелами доктор Добровольский и фельдшер Ланде подбирали раненых и оказывали им помощь в палатке-лазарете. Им помогала жена Ашинова. Невзирая на смертельную опасность казаки Ингистов, Соловьев, Родионов вынесли из порохового погреба боеприпасы и закопали их во рву. Иеромонахи Антонин и Ювеналий спасали из разбитой церковной палатки богослужебную утварь. По воспоминаниям участников миссии, один только архимандрит Паисий оказался на высоте положения. Он стоял на берегу и не спускал печального взгляда с кораблей. Рядом с ним разорвалась бомба, но он продолжал спокойно стоять, только с побледневшим лицом. Видя, что крепость уже полуразрушена, Ашинов решил поднять белый флаг. Поскольку такового в крепости не имелось, казак Иванов снял с себя нателную рубашку. Она была водружена на флагшток, но обстрел продолжался еще несколько минут. Наконец на кораблях убедились в том, что находящиеся в крепости люди действительно капитулировали, и орудия замолчали. Всего обстрел продолжался 15 минут. Двадцать два человека получили ранения.

Архимандрит Паисий

Было убито шесть человек: казак Шевченко, Дарья Марченко, Мария Мартынова, ее шестилетний сын Роман, дети казака Петра Рубцова — четырехлетняя Матрена и двухлетний Степан. После прекращения обстрела люди стали вылезать из-под дымящихся развалин, из крепостного рва, выходить из леса. Все собрались на берегу залива, сюда же вынесли трупы и раненых. Люди находились в крайне подавленном состоянии. Многие из них всерьез ожидали настоящей расправы со стороны французов, но шлюпка с кораблей прибыла только через полчаса. На встречу с французскими офицерами вышел архимандрит Паисий как глава духовной миссии. Переводчиком ему служила супруга Ашинова, сам же Ашинов предпочел остаться в крепостном рву. Архимандрит Паисий и Софья Ашинова попытались было выразить французам протест против варварской бомбардировки, но те никак не отреагировали на гневные слова. Как заявил один из офицеров, русские сами были виноваты в том, что случилось. Они осмотрели берег и развалины крепости и отплыли обратно. Расставаясь, отец Паисий попросил прислать на берег корабельных медиков для помощи многочисленным раненым. Однако вместо докторов еще через полчаса появился другой офицер, передавший, что без разрешения обокского коменданта никому помощь оказана не будет. Для консультаций в Обок отправился корабль «Пэнгвэн». Тогда архимандрит Паисий и Софья Ашинова сами поплыли на корабль «Скорпион», чтобы телеграфиро-

вать обо всем произошедшем в Россию. Но им отказали и вернули обратно на берег.

Вечер и ночь люди провели на развалинах крепости. Слышались стоны раненых, плач женщин и молитвы монахов. Наутро плотники сколотили гробы, и была выкопана одна общая могила. После отпевания, убитых при обстреле похоронили под скорбное молчание. В подавленном состоянии все ждали решения своей участи.

В 10 часов утра к Сагалло подошел из Обока фрегат «Синьоле». Французы объявили архимандриту Паисию, что берут всю Духовную миссию на борт своих кораблей и отвезут русских в Джибути, откуда начиналась прямая сухопутная дорога в Абиссинию. Они клятвенно пообещали, что помогут с организацией каравана для отправки миссии и даже оплатят все расходы, связанные с этим. Единственное требование, которое выдвинули французы, заключалось в полной сдаче всего оружия. Отец Паисий согласился на это предложение, сам же атаман Ашинов в этих переговорах не участвовал, мотивируя своё поведение контузией, полученной при обстреле.

Капитан фрегата «Синьоле» от имени адмирала Ольри потребовал, чтобы Ашинов с супругой и Паисий тут же поднялись на борт его судна. После недолгих переговоров было решено, что французы гарантируют русским сохранность их вещей, остающихся на берегу. Тогда супруги Ашиновы перебрались на «Синьоле», а архимандрит Паисий остался на берегу присматривать за процессом перевозки церковного имущества миссии на французские корабли.

Около трех часов пополудни к берегу пристали два паровых катера и восемь гребных шлюпок с вооруженными матросами. Высадившись, они заняли все выходы из крепости и оцепили всю территорию вплоть до опушки леса. Раненых осмотрел судовой врач, но, по уверению казаков, он не оказал им никакой помощи. Тотчас началась перевозка людей и грузов на корабли. Казаков переправили на суда первыми. Для контроля за сохранностью их вещей у крепости были оставлены Николаев, Ингистов, Цейль и Алексеев. За церковным имуществом смотрели отец Паисий, иеромонах Антонин

Воспитанник Н.И.Ашинова
Авар Микаэль

6

и монах Михаил. Перевозка грузов на корабль заняла много времени. Постоянно возникали неизбежные в таком деле эксцессы, связанные с посягательством французских матросов на содержимое багажа. Пока было светло, порядок в целом соблюдался. Грузы переносились бережно, их не трогали. Но когда стемнело, вскоре началось мародерство. По утверждению Николаева, матросы без стеснения разбивали ящики, воровали церковную утварь и личные вещи. Бочки со спиртом и вином были разбиты, и некоторые матросы были уже пьяны. На все протесты русских и рядовые матросы, и офицеры отвечали, что якобы правительство России разрешило им обращаться с ними как с пиратами.

К утру 7 февраля все самое ценное было погружено. Берег был усеян поломанными вещами и разбитыми ящиками. К 10 часам утра всех оставшихся на берегу русских перевезли на «Примогэ». Инженерная команда французов выкопала припрятанный казаками порох и заложила заряды под развалинами крепости. Вскоре все, что еще могло быть использовано кем-либо в качестве утепления, взлетело в воздух. Под этот печальный салют эскадра вышла в море. Станица «Новая Москва» перестала существовать.

Вечером 7 февраля французские корабли пришли в Обок. Руководителя миссии архимандрита Паисия, Николая Ашинова с супругой, иеромонахов Антонина и Ювеналия и шестерых ближайших помощников атамана разместили в госпитале. Остальных казаков распределили по частным квартирам. Багаж экспедиции был также выгружен и помещен в портовые склады. Всем стало очевидно, что французы нарушили свое обещание отвезти русских в Джибути, откуда они могли отправиться в Абиссинию. Поняв этот обман, отец Паисий пробовал было послать телеграммы с протестом французскому правительству и с изложением всего произошедшего в Санкт-Петербург, но местные власти отказались принять их. Затем Ашинова с супругой вновь перевели на борт военного судна. От рядовых членов экспедиции французы потребовали отмежеваться от действий их предводителя и раскаяться. Многие пошли на это, но 42 человека отказались предать своего атамана. Их изолировали от общей массы и заперли в бараке под вооруженной охраной. По свидетельству Л. Николаева, бывший в числе арестованных, кормили их чрезвычайно плохо. Два раза в день давали только жидкую рисовую кашу без всяких ложек. Также, по свидетельству Л. Николаева, французы склоняли некоторых членов экспедиции дать показания, обвиняющие Ашинова в намерении захватить и разграбить Обок. Архимандрит Паисий и монахов поместили в цейхгауз на другом конце города.

Через несколько дней тюремщики сменили свою тактику. Теперь они заявляли, что, расстреливая русских, они имели целью только остановить авантюру Ашинова по захвату их территории. Против Духовной же миссии они ничего не имеют и готовы ее свободно пропустить в Абиссинию. Архимандрит Паисий отказался принять это предложение. Он уже знал, как французы держат свои обещания. Он просил теперь только одного — возможности ему и его спутникам вернуться домой, в Россию. Вскоре все арестованные были выпущены на свободу, их питание значительно улучшилось. Теперь изменилось и отношение рядовых французов к доставленным в Обок русским.

Офицеры приносили им пиво, сардины, табак, выражали искреннее сожаление о случившейся трагедии. Обокские власти явно не знали, что им дальше делать с задержанными. В ожидании решения русские провели в поселке несколько томительных дней. Все это время между Парижем и Петербургом продолжалось обсуждение того, как быть с членами экспедиции дальше. Французское руководство, по-видимому, в глубине души чувствовало себя неловко. Пролитая в Сагалло кровь могла быть оправдана лишь в случае вооруженного сопротивления русских. Те же покорно сдались в руки колониальных властей и вели себя вполне послушно. Следовательно, оснований для какого-либо преследования экспедиции у французов не было. Париж не меньше Петербурга был заинтересован в сохранении взаимных дружеских отношений. На всем протяжении этой эпопеи не только русское, но и французское правительство воздерживалось от резких публичных заявлений и предпочитало не предавать огласке свои контакты. После расстрела в Сагалло французское информационное агентство Гавас распространило сообщение, в котором подчеркивалось различие между казаками, предводимыми атаманом Ашиновым, и Духовной миссией архимандрита Паисия: *«Франция могла преследовать военное предприятие. Что же касается до предприятия религиозного, то оно заслуживало полного уважения с нашей стороны».*

В России, 10 февраля 1889 года, В.Н. Ламздорф записал в дневнике: *«Вчера на балу в Эрмитаже государь говорил с г. Гирсом об инциденте с Ашиновым, который, по его мнению, получил только то, чего заслуживал. В этом же смысле государь высказался перед тем в беседе с французским послом».*

Цензурное ведомство получило строгое указание не пропускать в печать материалов, где Николай Ашинов и его экспедиция выставлялись бы в сочувственном свете, чтобы избежать нагнетания страстей.

Наконец, к середине февраля была достигнута договоренность о судьбе членов экспедиции. Французские власти согласились отвезти всех и их имущество в Суэц и передать там в руки представи-

телей российского правительства. Никаких претензий на наказание русских за вторжение в пределы французской территории высказано не было. Это, по мнению француз, должно было компенсировать учиненное кровопролитие. Теперь настала очередь для русских дипломатов и военных решать, что делать с оскандалившимися «миссионерами». Советник российского консульства в Каире Кояндер прислал в МИД паническую телеграмму, где высказал опасение в успешности транспортировки ашиновцев через Суэц на попутном иностранном судне: *«Доставка русских из Суэца до Порт-Саида представит крайние затруднения. К тому же египетской полиции в Суэце мало, и русские могут разбежаться»*. Он предложил выслать в Суэц специально для приема миссии русское военное судно. На этой телеграмме Александр III написал: *«Действительно, это было бы лучше, и в особенности нельзя выпустить Ашинова»*. В результате было решено задействовать в перевозке экспедиции сразу несколько русских кораблей. 18 февраля началась погрузка казаков и членов Духовной миссии на французские корабли. Плавание по Суэцкому каналу заняло немного времени. Уже 23 февраля корабль «Забияка» встретился в порту Порт-Саида с торговым пароходом «Лазарев». Поскольку клипер не был рассчитан на перевозку столь значительного количества людей, основная группа рядовых казаков и монахов была пересажена на пароход. На «Забияке» же остался сам Ашинов с женой и наиболее активные члены его отряда. «Атаман» и его сподвижники находились на положении арестованных. Попавшие на «Лазарев» казаки встретили там самый плохой прием. Капитан и команда относились к ним как к настоящим арестантам — держали взаперти, кормили крайне плохо. В Александрии пассажиры «Лазарева» пересели на другой пароход Русского общества пароходства и торговли, «Чихачев», где отношение к ним было уже гораздо лучше. На «Чихачеве» 136 человек неудавшейся экспедиции 4 марта 1889 года, в 7 часов утра благополучно прибыли в Одессу. Руководство же экспедиции ожидал другой марш-

рут. Николай Ашинов, архимандрит Паисий и его Духовная миссия на «Забияке» были доставлены до пролива Дарданеллы, где их передали на шхуну «Туапсе». По распоряжению морского министра она отправилась, не заходя в Одессу, прямо на военно-морскую базу Севастополь. Скорее всего, таким разделением экспедиции власти хотели изолировать верхушку отряда от рядовых членов. Здесь, в спокойных условиях, по делу «атамана Ашинова» должно было начаться следствие.

Судьба участников экспедиции была решена императором Александром III еще задолго до прибытия их в пределы России. Еще 18 февраля В.Н. Ламздорф записал в своем дневнике: *«Государь повелел, чтобы Ашинов был отправлен в один из самых отдаленных уездов Саратовской губернии и интернирован там на три года, чтобы товарищи его были сосланы и подверглись аресту, произвести строгое расследование для выяснения всей этой истории и нахождения виновников, и наконец, предоставить о. Паисия и сопровождавших его монахов в распоряжение Св. Синода»*.

Следствие проходило довольно быстро. 7 марта Северное телеграфное агентство сообщило, что иногородних рядовых казаков решено отдать на поруки приехавшим родным. Четырнадцать раненых находились на излечении в Севастополе, двое тяжелораненых лечились в Одессе. Бывшее с Ашиновым духовенство вскоре обрело свободу и было отпущено для проживания в Севастополе. Архимандрит Паисий на допросах объяснял все злоключения миссии интригами французского католического духовенства в Обоке. Самого же Николая Ашинова держали и допрашивали в целях безопасности на военном корабле. По распоряжению императора рядовые казаки подлежали возвращению в места постоянного проживания. Те же, кто отказывался сделать это или не имел средств на проезд, отправлялись на родину этапным порядком за казенный счет.

Находясь в полном неведении относительно своей судьбы и, вполне возможно, ожидая самого сурового наказания, Николай Ашинов решил обратиться напрямую к министру внутренних дел

Д.А. Толстому. 15 марта он отправил министру пространное письмо с жалобами на действия французских и русских властей и особенно — дипломатов. Ашинов взывал: *«Прошу Вас, Ваше сиятельство, как родного нашего русского патриота, встать за правду и приказать снять всякое насилие, сделанное на нас, ничем не заслуженное, дабы мы могли рассказать всю правду....Я прошу Ваше сиятельство, так как Вы меня знаете, заступиться и позволить прибыть в Петербург и публично заявить о вопиющем русском деле, поруганном французами благодаря дипломатии»*.

Казаков стали отправлять в разные места. Самого Николая Ашинова еще некоторое время в полном соответствии с полученными инструкциями севастопольские власти держали под домашним арестом. Супруга Ашинова поехала в Петербург, где принялась обивать пороги высоких кабинетов, хлопоча о смягчении наказания своему мужу. Наконец выпустили и самого Ашинова под гласный надзор полиции.

Архимандрит Паисий выехал в Симферополь и после встречи с местным архиепископом отправился в Петербург для окончательного решения своей судьбы. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, еще недавно стремительно продвигавший отца Паисия по служебной лестнице и всячески поддерживавший идею Духовной миссии в Абиссинии, теперь стремился всемерно откеститься от причастности к ней.

По приезде в Россию архимандрит Паисий был прикомандирован в число братии Свято-Успенской Саровской пустыни, Тамбовской епархии. Через четыре года указом Святейшего Синода он был назначен в распоряжение экзарха Грузии и затем был поставлен настоятелем Сафарского Саввинского монастыря, но вскоре был уволен на покой с проживанием в числе братии Свято-Успенской Флорищевой пустыни, Владимирской епархии. В 1906 году архимандрит Паисий указом Святейшего Синода был перемещен на покой в Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь, в котором фактически поселился еще годом раньше.

Всю свою жизнь архимандрит Паисий оставался человеком высокой религиозной настроенно-

Свято-Успенская Саровская пустынь. Литография. 1903 г.

сти и многих поражал своей прозорливостью. Несмотря на свое кратковременное пребывание в Печерском монастыре, он и здесь успел сделаться очень известным среди нижегородских жителей. Скончался архимандрит Паисий в возрасте 72 лет, в своей уединенной келье. Его нашли мертвым в положении молящегося на коленях человека.

Разбитые его мечты относительно Абиссинии остались до конца жизни дорогими для него, и он хра-

нил у себя знамя, с которым ездил в Абиссинию. Это знамя вместе с некоторыми старинными предметами церковной утвари, оставшимися после усопшего, было отправлено в музей Санкт-Петербургской Духовной академии. Тело усопшего архимандрита погребено возле монастырской Успенской церкви.

Экспедиция Духовной миссии, несмотря на свою неудачу, имела большое значение для развития российско-эфиопских отношений. События, связанные с ней, пробу-

дили в русском обществе и правительстве интерес к установлению связей с далекой африканской страной. Сразу после событий в Сагалло в Абиссинию отправился в одиночку русский поручик В.Ф. Машков. В отличие от Николая Ашинова, ему действительно удалось достигнуть абиссинской столицы и побывать у нового негуса Менелика. Поскольку Машков не ставил перед собой никаких колониальных целей, а его путешествие было вполне бескорыст-

Свято-Успенская Флорищева пустынь.
Фото начала XX века

Вознесенский Печерский монастырь. Фото М.П. Дмитриева. АрхАДНО

ным, он действовал с санкции императора. Поручик получил на время поездки отпуск со службы, ему было выплачено жалование за год вперед. По возвращении, в январе 1890 года, Машков был принят Государем Александром III и передал ему письма и подарки от Менелика. В 1891 году Машков предпринял новое путешествие в Абиссинию, на этот раз получив государственную помощь. Эта экспедиция фактически установила между двумя государствами официальные отношения. В 1895 году в Абиссинии побывала новая группа под предводительством капитана А.Ф. Елисеева. Негус Менелик устроил прием в честь русской Духовной миссии в Абиссинии, а многих членов миссии наградил почетными знаками отличия. Когда миссия возвращалась в Петербург, с ней вместе отправилась делегация от Эфиопской Церкви, в составе которой были родственники негуса и епископ Харрарский, чтобы поздравить с восшествием на престол нового российского императора Николая II. В следующем, 1896 году, в Абиссинию отправился медицинский отряд, а в 1897 году в ее столице обосновалась русская Дипломатическая миссия.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Елисеев А. Отец Паисий и русская Духовная миссия в Абиссинии // Русский паломник. 1888. № 44. С. 522—523; № 45. С. 535—537; № 47. С. 563—567.
2. Феодосий, иеромонах. История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря // К свету: Альманах. 2000. Вып. № 18. С. 88.
3. Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград: Изд-во Волгоградского Государственного университета, 1999.
4. Петр Пахомов, диакон. Атаман Ашинов и архимандрит Паисий в подлинном освещении. Internet: сайт храма Святого Димитрия, митрополита Ростовского в Очакове г. Москвы. www.hram-sdr.ru
5. Архимандрит Паисий. Некролог // Нижегородский церковно-общественный вестник, 1906. № 38.

В.Е. Шматов

Село Пурех и его владельцы

(Чкаловский район, Нижегородская область)

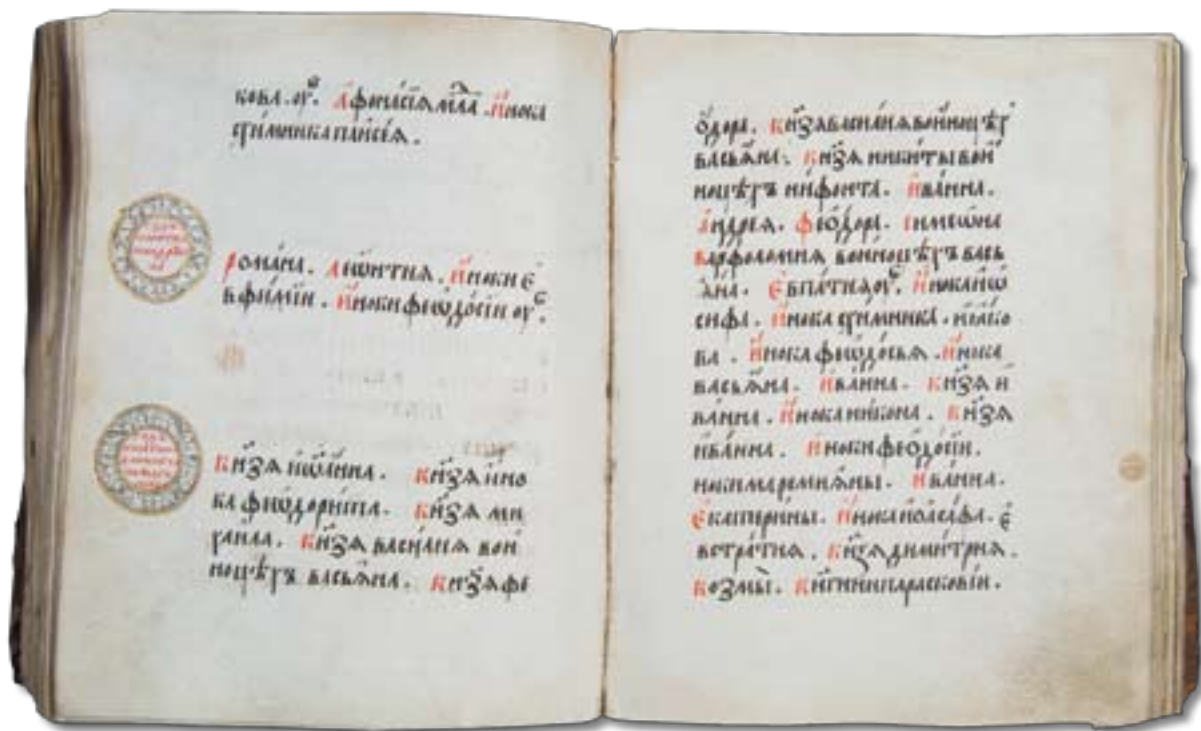
Старинное русское село Пурех расположено в северо-западной части Нижегородской области, в Чкаловском районе, вблизи его границ с Владимирской и Ивановской областями. Село находится на старинном почтовом тракте, ныне не действующем, соединявшем ранее Нижний Новгород с Шуей и Ярославлем. Часть этого тракта еще со времен великого княжения Юрия Всеволодовича (1218—1238) использовалась для проезда в Суздаль и Владимир сначала из Городца, а затем и из Нижнего Новгорода. При этом летом путь из Нижнего в Суздаль лежал через сегодняшние Балахну, Гумнищи, Тимонькино, Пурех (Макарьевскую слободку), далее на Белую и Пестяки (Пестяково). А зимой – через Бурцево, Юрино,

Пурех, Белую, Пестяки, Нижний Ландех, Мугреево (Волосьино), Холуй, Клязьминский Городок (Стародуб Ряполовский, центр Стародубского удельного княжества), Камешково. В XVI—XVII веках эта часть тракта носила название «*балахонка*» [1].

По мнению нижегородского краеведа XIX века А.С. Гациского, какая-то часть второго (нижегородского) народного ополчения могла идти в феврале 1612 года из Нижнего Новгорода в Ярославль именно по этому пути – через Пурех, Пестяки, Мыт, Палех, Васильевское и Шую, а не только через Сицкое, Катунки, Юрьево и Кострому. Мое мнение такое же, и, кроме того, я присоединяюсь и к мнению владимирского краеведа XIX века И.А. Голышева о том, что весьма большая вероятность того, что сам князь Д.М. Пожарский

стоял во главе этой части ополченцев, чтобы пополнить их ряды за счет жителей своих нижегородских и суздальских вотчин и запастись необходимым провиантом [2].

Эта версия косвенно подкрепляется тем, что, согласно преданиям, князь Д.М. Пожарский во время зимнего перехода из Нижнего в Ярославль дал, по крайней мере, три обета: построить после победы над поляками в своей старинной родовой нижегородской вотчине, Жарской волости, церковь в честь святителя Николая Мирликийского Чудотворца; построить в Нижегородском уезде монастырь в честь покровителя земли Нижегородской, преподобного Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца; построить в Суздальском уезде вблизи местечка Холуй обитель с церко-

Фрагмент Синодика XVII века с записью рода князя Дмитрия Пожарского.
ЦАНО

вью в честь святителя Николая Мирликийского Чудотворца. А по одному из преданий, около Холуй он ночевал со своими ополченцами.

Два первых своих обета он выполнил лично, построив на свои средства церковь Николая Чудотворца в родовой Жарской волости (Суховатов Погост) и Преображенский Макарьевский монастырь с церковью Преображения Христова на Петряевской пустоши в Пурецкой волости Нижегородского уезда. Третий

обет после смерти Д.М.Пожарского выполнил по завещанию отца его сын, князь окольный Иван Дмитриевич Пожарский, построив в 1650 году Борковскую Николаевскую пустынь около посадца Холуй в Суздальском уезде [3].

Главной достопримечательностью села Пурех в настоящее время является уникальный по своей архитектуре памятник постройки первой половины XVII века, Спасо-Преображенская церковь, ранее входившая как церковь Преображения Христова в состав Преображенского Макарьевского мужского монастыря, упраздненного в конце XVII века [4]. И монастырь, и церковь, как и само село, знамениты тем, что их основателем является национальный герой нашего Отечества – князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Монастырские строения до сегодняшнего дня не сохранились, а пуреховская Спасо-Преображенская церковь включена как памятник архитектуры федерального значения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации по Нижегородской области [5].

Преображенский Макарьевский мужской монастырь был построен князем в 1613–1615 гг.

«своим иждивением» в честь победы второго народного ополчения, военачальником которого он являлся «по приговору всей земли», над литовскими и польскими войсками и «кощичения» от них Москвы в 1612 году. Основу ополчения составляли представители всех сословий земли Нижегородской. Монастырь был основан князем и как прибежище для ратников ополчения, получивших увечья в освободительной войне 1612 года. Имя монастырю было дано в честь его церкви, Преображения Христова, и в честь чудотворца Макария Желтоводского и Унженского, весьма почитаемого в те времена святого не только на Нижегородской земле [6].

Благодаря тому, что князь Пожарский наделил монастырь пахотными землями и крестьянами, около монастыря образовалось поселение, получившее название, созвучное построенному им монастырю, Макарьевская полуслободка. Согласно сведениям из метрических книг Спасо-Преображенской церкви, упомянутое название возникшего населенного пункта просуществовало до второй половины XVIII века. Со временем быстро развивающаяся слободка стала называться слободой, затем селом Макарий-Пурех и просто Пурех.

Фрагмент синодика Зилантова монастыря с записью рода князя Петра Дмитриевича Пожарского. XVII век

1. Основателем села и первым его владельцем был князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1613 – 1642) [7]

После смерти Д.М. Пожарского царь Михаил Федорович распорядился разделить все его вотчинные и поместные земли в соответствии с завещанием князя следующим образом: «...старинные и выслуженные вотчины боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского детям его князю Петру да князю Ивану, да им же отдать их данные поместья, а жене его боярыне княгине Федоре мужа ее Ряское и Серпейское поместья». [8] При этом Пурецкая волость со всеми селами, деревнями и починками была передана в совместное владение поровну сыновьям Пожарского, князю Петру и князю Ивану. Лишь село Кубенцово было завещано князю Петру. Таким образом, после первого раздела Пурецкой вотчины владельцами Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения стали:

- 2. Князь Петр Дмитриевич Пожарский (1642–1647).**
- 3. Князь Иван Дмитриевич Пожарский (1642 – 1668)**

В 1647 году после смерти князя Петра, старшего сына князя Пожарского, произошел второй раздел вотчинных и поместных земель князя, в том числе в Пурецкой

волости, уже по указу нового царя, Алексея Михайловича. Так, по второму разделу «...во 155-м году [1647 год – прим. автора] по государеву указу роздана та Пурецкая волость в роздачу, а им же от той волости выделено в поместье княгини Федоре на триста на дватцать чети, а князю Ивану в вотчину на пятьсот чети, а княгине Марфе з дочерью в вотчину ж на пятьсот же чети...» — (княгиня Марфа и дочь Анна: жена и дочь умершего князя Петра Дмитриевича Пожарского – прим. автора) [9]. При этом была передана во владение наследникам Д.М. Пожарского и часть земель с крестьянами Преображенского Макарьевского монастыря: «...в роздельных книгах розделу Микиты Доможирова да подъячего Ивана Михайлова 155-го году написано: отделено в Пурецкой волости из монастырской вотчины Макария Желтовотцково боярыне вдове княгине Федоре боярина князь Дмитреев жене Михайловича Пожарского шесть дворов, да сыну его стольнику князю Ивану тритцать семь дворов, да сына ж его князь Петрове жене вдове княгине Марфе дватцать девять дворов крестьянских и бобыльских...» [10].

Таким образом, из записи в раздельной книге следует, что в 1647 году из монастырского владения было изъято и передано во владение наследникам Д.М.Пожарского 72 крестьянских и бобыльских двора. В этом же году монастырской церкви

Преображения Христова был выдан антиминс как церкви Макария чудотворца и она вошла в число приходских церквей Пурецкой волости. Церковь стала платить дань в патриаршую казну в размере девяти алтын десятильничих и одной гривны заезда. В 1652 году церкви сверх старой дани было прибавлено один рубль четыре алтына десять денег. А в 1654 году церковь была снова переименована, уже в Преображение Спасово, «Макария в придел», а дани с церкви стали брать значительно больше – одиннадцать рублей десять денег [11].

Князь И.Д.Пожарский продолжил строительство монастырской церкви, и к 1654 году она имела дополнительно еще три придела: Иоанна Предтечи, святых отцов Гурия и Варсонофия Казанских, преподобных жен Марфы и Параскевы [12]. Таким образом, уже во второй половине XVII века церковь имела восемь алтарей: шесть в верхней части и два – в нижней.

После второй «роздачи» Пурецкой волости в 1647 году, совладелицей Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения стала:

4. Феодора Андреевна Пожарская (урожденная княжна Голицына), вторая жена князя Д.М. Пожарского (1647 – 1651)

Кроме шести дворов из бывших монастырских владений «...155-го августа в 29 в памяти ис Помесного приказу за приписью дьяка Ивана Владычкина написано за вдовою княгинею Федорою боярина князя Дмитреевою женою Михайловича Пожарского в Пурицкой волости в поместье по полюбовному разделу деревня Смольева на ключу з деревнями и с починки, а в них сто сорок три двора крестьянских да двор бобыльской...» [13].

Из записей в Нижегородских раздельных книгах видно, что в числе поместий княгини Феодоры Андреевны значилась и деревня Фомино: «...вроздельных книгах розделу никиты доможирова да подъячего ивана михайлова 155 году июня в 3 написано розделена внижегородском уезде в пурецкой волости вотчина боярина князь дмитрея михайловича пожарского розных

чинов людям в том числе отделено вдове княгине федоре андреевне боярина князя дмитрееве жене михайловича пожарского по полюбовному розделу деревня фомино на речке на югу... всего семь дворов крестьянских людей в них шеснацать человек, [14] пашни паханые середние земли шеснацать четей да перелогом пять четей и обоего пашни паханые и перелогу двадцать одна чети вполе а вду потомуж сена сорок копен, [15] лесу пашенного двенатцать десятин...», и еще три деревни и починок: деревня Зельево («Скорынино тож») на болоте – 10 дворов крестьянских, людей в них 28 человек, земли 30 четей в поле «а в дву потому ж», сена 60 копен и леса 9 десятин; деревня Воронцово на суходоле – 6 дворов крестьянских, людей в них 14 человек, земли 32 чети в поле «а в дву потому ж», сена 100 копен и леса 9 десятин; деревня Прудки («Малинино тож») на суходоле – 7 дворов крестьянских да двор бобыльский, людей в них 17 человек, земли 30 четей в поле «а в дву потому ж», сена 60 копен и леса 15 десятин; починок Комареев «Щелкунов тож» на суходоле – 10 дворов крестьянских, людей в них 24 человека, земли 18 четей в поле «а в дву потому ж», сена 40 копен и леса 10 десятин [16].

После смерти Феодоры Андреевны принадлежавшая ей часть Пурецкого имения в марте 1651 года была разделена по царскому указу между служилыми дворянами. При этом шесть крестьянских и бобыльских дворов, ранее принадлежавших Преображенскому Макарьевскому монастырю, с крестьянами и угодьями были переданы во владение оставшимся наследникам Д.М.Пожарского, а остальные 185 дворов с крестьянами и земли в количестве трехсот двадцати четей поделены между стольником Андреем Васильевичем Бутурлиным, князем Андреем Михайловичем Сонцовым и дворянином Григорием Борисовичем Нащекиным [17].

5. Княгиня Марфа Семеновна, вдова старшего сына Д.М. Пожарского князя Петра (1647 – 1653)

Из упомянутых нами ранее нижегородских отдельных книг

следует, что в Пурецкой волости ей и ее дочери Анне было выделено в 1647 году по указу царя в вотчинное владение из наделов Преображенского Макарьевского монастыря двадцать девять крестьянских и бобыльских дворов и отдельно пятьсот четей земли, в которые входила «...деревня Осташова, а Остапова тож, з деревнями и с починки, а в них сто восемьдесят шесть дворов крестьянских, три двора бобыльских...» [18]. В 1653 году княжна Анна Петровна Пожарская вышла замуж за князя Афанасия Борисовича Репнина, получив в приданое от своей матери, княгини Марфы, ее часть Пурецкого имения и села Мыт и Волосынино («Мургреево тож») в Суздальском уезде [19].

6. Княгиня Анна Петровна Милославская (княгиня Репнина, урожденная княжна Пожарская), внучка Д. М. Пожарского (1653 – 1669)

В 1654 году княгиня Анна овдовела и спустя некоторое время вышла замуж за боярина, князя Ивана Андреевича Милославского, который в 1662 году умер, не оставив наследника. В 1669 году умерла бездетной и княгиня Анна. После смерти княгини Анны ее приданое, состоящее из указанной части Пурецкого имения и сел Мыта и Волосынино в Суздальском уезде, перешло к ее сестре Евдокии, которая после замужества в 1661 году со стольником князем Иваном Васильевичем Шереметевым (умер в 1667 году) вышла замуж в 1670 году за стольника, впоследствии боярина, князя Юрия Алексеевича Долгорукова [20].

7. Княгиня Евдокия Петровна Долгорукова (княгиня Шереметева, урожденная княжна Пожарская), внучка Д.М.Пожарского (1669 – 1680)

После десяти лет совместной жизни с князем Ю.А.Долгоруковым княгиня Евдокия Петровна в 1680 году умерла [21], не оставив детей, и все, унаследованное ею от покойной сестры Анны, перешло во владение князя Юрия Алексеевича Долгорукова.

8. Князь Юрий Алексеевич Долгоруков (1680 – 1682) [22]

Ю.А. Долгоруков – знаменитый московский боярин и воевода, сын князя Алексея Григорьевича Долгорукова. Родился в самом начале XVII века. Стольник с 1627 года, в 1643 году – воевода в Веневе. В 1645 году после воцарения Алексея Михайловича (1645—1676) был послан в Дубровну приводить к присяге стоявшие там войска. Впоследствии один из ближайших друзей и соратников царя. Талантливый военачальник – одержал ряд побед в русско-польской войне 1654—1667 гг.: разбил под Вильно гетмана Гонсевского и взял его в плен; в 1661 году под Могилевом разбил гетмана Сапегу. В 1670 году в районе Арзамаса и Нижнего Новгорода подавил восстание, которым руководил Степан Разин. В 1676 году был назначен опекуном молодого царя Федора Алексеевича. Во время стрелецкого бунта в мае 1682 года был убит стрельцами в тот же день, когда стрельцы убили его сына, боярина князя Михаила Юрьевича Долгорукова (от первого брака с Е.В.Морозовой). После злодейского убийства стрельцами сына и отца Долгоруковых, их часть Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения перешла по наследству внуку Ю.А. Долгорукого – князю Владимиру Михайловичу Долгорукову.

9. Князь Владимир Михайлович Долгоруков (1682 – 1716) [23]

В.М. Долгоруков – комнатный стольник царя Петра I, женился в 1692 году на юной княжне Анне Михайловне Черкасской (родилась в 1676 году), дочери боярина князя Михаила Алегуковича Черкасского и его второй жены – княгини Евдокии Ивановны Пожарской, дочери младшего сына спасителя Отечества – князя Ивана Дмитриевича Пожарского [24]. После смерти В.М. Долгорукова в 1716 году его часть Пурецкого имения и Макарьевской полуслободки перешла к его вдове, княгине Анне Михайловне Долгоруковой.

**10. Княгиня
Анна Михайловна
Долгорукова
(урожденная княжна
Черкасская),
правнучка Д.М. Пожарского
(1716 – 1759)**

А.М. Долгорукова владела частью Макарьевской слободки и деревней Осташина «Остапова тож» с деревнями и починками до 1759 года — года своей смерти [25]. Поскольку она была бездетна и наследников у нее не оказалось, то ее часть Пурецкого имения вместе с Макарьевской полуслободкой в 1760 году перешла в приказ Большого Дворца.

**11. Княгиня Прасковья
Михайловна, жена князя Ивана
Дмитриевича Пожарского
(1668 – 1669)**

После смерти 15 февраля 1668 года князя И.Д. Пожарского его часть Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения перешла к его жене Прасковье Михайловне, которая, в свою очередь, передала ее в качестве приданого своей дочери Аграфене Ивановне, вышедшей замуж в 1669 году за стольника князя Дмитрия Алексеевича Голицына [26].

**12. Княгиня Аграфена
Ивановна Голицына
(урожденная княжна
Пожарская), внучка
Д.М. Пожарского
(1669 – 1671)**

А.И. Голицына прожила в замужестве недолго, родив своему мужу двух дочерей, Мавру в 1670 году и Прасковью в 1671-м, и умерла 1 декабря 1671 года при родах дочери Прасковьи [27]. После ее смерти принадлежавшая ей часть Пурецкого имения с Макарьевской полуслободкой перешла к ее мужу, князю Д.А. Голицыну.

**13. Князь Дмитрий Алексеевич
Голицын (1671 – ?)**

Судьба князя Дмитрия Алексеевича Голицына в исторической хронике не прослеживается. Из ряда источников можно понять, что после смерти жены он прожил недолго. Неясно, как складывалось после его смерти и владение частью Макарьевской полуслобод-

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын

ки и Пурецкого имения. Можно лишь предположить, что данное наследство принадлежало все это время семье Голицыных, так как из источников известно, что представители третьей ветви мощного рода Голицыных, к которой принадлежал Дмитрий Алексеевич, имели весьма прочное положение при дворе царя Алексея Михайловича.

Так, родной брат Дмитрия Алексеевича, Борис Алексеевич Голицын, был «дядькой» (воспитателем) у будущего российского императора, Петра Великого. Но кто именно воспитывал сестер-сирот и опекунов над ними, доподлинно не известно. Следует лишь отметить, что время, в которое они воспитывались, было весьма беспокойным. После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году царский трон занял его старший сын, Федор Алексеевич. Но правил он недолго и умер 20 лет от роду в апреле 1682 года. Поскольку старший из царевичей, Иван, был слаб здоровьем и слабоумным от рождения, на царство «выкликнули» крепкого и умного Петра. Однако этому воспротивилась старшая из царевен Софья и при помощи семьи Милославских (родственников умершей в 1669 году первой жены царя Алексея Михайловича, Марии Ильиничны Милославской), привлечших на сторону Софьи московских стрельцов, она стала правительницей русского государства при двух одновременно царствующих наследниках – малолетних царях Иване и Петре. Это очередное смутное для московского государства время (1682—1689 гг.)

закончилось лишь при достижении царем Петром совершеннолетия 30 мая 1689 года, после чего царевна Софья и ее приближенные были лишены власти и фактически правительницей русского государства (при одновременно царствующих царях Петре и Иване) стала мать Петра I, царица Наталья Кирилловна (дочь дворянина Кирилла Полуэктовича Нарышкина, вторая жена царя Алексея Михайловича с 22.01.1671 г.).

Однако, несмотря на тяжелые годы, сестры Голицыны выросли, получив соответствующее по тем временам княжеское воспитание и образование, и благополучно вышли замуж: княжна Мавра (умерла 21.09.1743г.) – за князя Куракина Михаила Ивановича; княжна Прасковья (умерла 04.01.1703г.) – за князя Нарышкина Федора Кирилловича (умер в 1691 году) [28], кравчего царя Петра I, родного брата его матери, царицы Натальи Кирилловны (умерла 25.01.1694 г.). Прасковье Дмитриевне и перешла в наследство эта часть Пурецкого имения с частью Макарьевской полуслободки.

**14. Княгиня Прасковья
Дмитриевна Репнина (княгиня
Нарышкина, урожденная
княжна Голицына), правнучка
князя Д.М. Пожарского
1693 – 1703) [29]**

Дальнейшая судьба части Макарьевской слободки и Пурецкого имения, принадлежавших князю Дмитрию Алексеевичу Голицыну, прослеживается благодаря сведениям из царской грамоты от 20 октября 1693 года [30]. Суть сведений, изложенных в этой грамоте, такова.

До 1693 года Преображенский Макарьевский монастырь не был приписан к созданной в 1672 году Нижегородской и Алатырской епархии. И чтобы устранить препятствия в решении этого вопроса, преосвященный Павел, митрополит Нижегородский и Алатырский, 19 июля 1693 года через иеромонаха Герасима подал челобитную Великим Государям о приписке Преображенского Макарьевского монастыря к названной епархии со всеми землями, крестьянами и угодьями. В ответ на эту челобитную, 5 августа 1693 года

нижегородскому воеводе Павлу Леонтьеву была послана Грамота от Великих Государей о приписке Преображенского Макарьевского монастыря со всеми землями, крестьянами и угодьями к Нижегородской и Алатырской епархии.

Здесь следует отметить, что часть земель Пурецкой вотчины князя Д.М. Пожарского с крестьянами и угодьями по разделу 1647 года отошла к боярину Василию Петровичу Шереметеву (триста четей земли с деревнями и крестьянами, в том числе село Вершилово) [31]. А после его смерти в 1659 году – к его сыну, боярину Петру Васильевичу (Большому) Шереметеву. После смерти П.В. Шереметева в 1690 году эту часть Пурецкого имения унаследовал его старший сын – князь Борис Петрович Шереметев, в то время боярин, а впоследствии первый российский граф (1707), родоначальник графской линии рода Шереметевых, знаменитый генерал - фельдмаршал при Петре I. Узнав, по-видимому, от нижегородского воеводы Павла Леонтьева, о возвращении бывших монастырских земель Преображенскому Макарьевскому монастырю по царскому Указу, боярин Б.П. Шереметев подал 22 сентября 1693 года Великим Государям челобитную, в ответ на которую была послана в Нижний Новгород царская Грамота об отсрочке в приписке к монастырю деревень, земли и угодий, принадлежащих боярину Б.П. Шереметеву. Далее события развивались следующим образом.

О действиях нижегородского митрополита Павла узнала и княгиня Прасковья Дмитриевна Нарышкина, которая была в то время верховой боярыней у царицы Натальи Кирилловны, матери царя Петра. В ответ на ее челобитную от 20 октября 1693 года Великим Государям, нижегородскому воеводе Павлу Леонтьеву была направлена 2 ноября 1693 года Царская грамота с запретом проводить какие-либо действия в отношении вотчинных земель боярина князя Д.М. Пожарского, переданных в 1647 году его наследникам и другим родовитым дворянам, в том числе полученных в порядке наследования Прасковьей Дмитриевной Нарышкиной: «...а тому вотчинному монастырю при-

Князь Аникита Иванович Репнин

писным быть не возможно, потому что построен на вотчинниковой земле...не велеть тому вотчинному Макарьевскому монастырю в приписке быть к епархии богомолца нашего, преосвященного Павла митрополита Нижегородского и Алатарского, а велети б тому монастырю быть особ мирским приходом, по прежнему, чтоб ее вотчина от вымыслу строителя черного попа Герасима не разорилась, и того строителя из монастыря выслать». Таким образом, и княгиня П.Д.Нарышкина сохранила за собой вотчинные земли своего прадеда, князя Д.М.Пожарского, доставшиеся ей по наследству.

В 1694 году царь Петр выдал свою вдовую бездетную тетушку, княгиню Прасковью Дмитриевну Нарышкину (ей было всего лишь 23 года), замуж за такого же бездетного вдовца, князя Аникиту

Ивановича Репнина, будущего генерал - фельдмаршала (1725), которому в то время тоже было только 25 лет. Она прожила с ним счастливо до 4 января 1703 года, дня своей смерти, родив ему четверых сыновей и став родоначальницей всех последующих князей Репниных.

После смерти П.Д.Репниной владельцем ее части Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения стал князь А.И.Репнин.

15.Князь Аникита Иванович Репнин (1703 – 1726) [32]

А.И. Репнин – с юношеских лет один из сподвижников Петра I, стольник (1683), поручик потешной роты (1685). Во время Азовского похода отличился захватом береговых башен у турок. С 1698 года – генерал.

Княгиня Дарья Федоровна Репнина

Участвовал во взятии Шлис-сельбурга и Ниеншанца и в битве под Нарвою (1704). В 1707 году потерпел поражение при Головчине от Карла XII, за что был разжалован царем в солдаты, но за отличие в битве при Лесном восстановлен в прежнем чине. В Полтавском сражении командовал центром армии. При взятии Риги первым вошел в город, за что был назначен Петром I рижским генерал - губернатором. После смерти Петра I (28.01.1725) поддержал князя А.Д.Меньшикова, благодаря чему возведение на престол Екатерины I произошло без осложнений. Значение поступка Аникиты Ивановича было по достоинству оценено императрицей, и он получил богатые подарки, а в день коронации произведен в генерал - фельдмаршалы с оставлением в должностях президента Военной коллегии и генерал -

губернатора Лифляндии. Умер Аникита Иванович в 1726 году, будучи в командировке в Риге. После него остались четверо сыновей, старший из которых, Василий, и унаследовал его часть Пурецкого имения с частью Макарьевской полуслободки.

16. Князь Василий Аникитович Репнин (1726 – 1748) [33]

В.А.Репнин – генерал, начал военную службу с юных лет, участвуя в отряде своего отца во время Северной войны. В 1717 году был отправлен Петром I волонтером в союзную армию австрийского фельдмаршала, принца Евгения Савойского, для изучения военного искусства. В 1736 – 1739 гг. участвовал в русско-турецкой войне. В 1745 г. был назначен генерал-

фельдцейхмейстером и одновременно обер-гофмейстером двора великого князя Петра Федоровича и его воспитателем. В 1747—1748 гг. был главнокомандующим русских войск, направленных для помощи австрийской императрице Марии-Терезии, и способствовал заключению Аахенского мира.

В ряде источников ошибочно указывают на его женитьбу с Марией Ивановной Головиной. Нами достоверно установлено, что этого не могло быть, так как он, еще служа в Ливонии, женился на дочери бедного лютеранского пастора, Дарье Федоровне Поль. С нею он прожил до конца своей жизни, не имея детей. Умер он первым, 30 июля 1748 года, находясь с войсками в военном походе, и был похоронен женой на ее родине – в Риге. Дарья Федоровна и унаследовала его часть Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения.

17.Княгиня Дарья Федоровна Репнина (урожденная Поль), вдова князя В.А.Репнина (1748 – 1759)

Последние сведения о владении княгиней, вдовой Дарьей Федоровной Репниной, частью Макарьевской слободки и Пурецкого имения относятся, согласно сведениям из метрических книг Спасо-Преображенской церкви Макарьевской полуслободки, к 1759 году, по-видимому, году ее смерти. Поскольку наследников у нее не оказалось, ее часть Макарьевской полуслободки и Пурецкого имения в 1760 году

Князь Василий Аникитович Репнин

тоже перешли в ведение Приказа Большого Дворца.

Таким образом, вся Макарьевская полуслободка в 1760—1762 гг. оказалась в ведении Приказа Большого Дворца.

18. Сенатор Иван Перфильевич Елагин (1763 – 1789) [34]

И.П. Елагин – государственный и политический деятель, писатель, родился 30.11.1725 г. в Санкт-Петербурге и умер 22.09.1796 г. там же. Из дворян. Учился в шляхетском кадетском корпусе (1738 – 1743). С 1750 года до конца своей жизни состоял в Русской провинциальной масонской ложе и был ее Великим наместным мастером (с 1777 г.). В 1750-х гг. был близок ко двору великой княгини Екатерины Алексеевны. Произведен в полковники (1757). В 1758 году арестован по делу А.П. Бестужева-Рюмина и в 1759 году сослан в имение в Казанскую губернию. После переворота 1762 года был щедро награжден императрицей за преданность: получил чин действительного статского советника и несколько имений во владение, в том числе Пурецкое имение вместе с Макарьевской слободкой. Стал членом Дворцовой канцелярии и «статс-секретарем у принятия прошений» (до 1768 г.). Пользовался полным доверием императрицы Екатерины II. Тайный советник (с 1767 г.), сенатор, обер-гофмейстер (с 1782 г.).

Императрица говорила о нем, «что он хорош без пристра-

Сенатор Иван Перфильевич Елагин

Граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов

стия». Елагин был приближенным наследника престола и, вместе с А.П. Сумароковым, его постоянным гостем. Литературную деятельность начал в 1748 г., помогая Сумарокову. Написал комедию «Русский француз», представляющую собой сатиру на галломанов. Наиболее яркой стороной деятельности Елагина являлось управление театрами (1755 – 1779 гг.). В это время учрежден русский публичный театр (1774 г.), основано театральное училище (1779 г.), заложен Большой театр. Знаменит И.П.Елагин и тем, что в течение ряда лет (1762 – 1769 гг.) у него в канцелярии работал будущий гениальный русский писатель Д.И.Фонвизин.

В 1789 году Елагин был отправлен императрицей в отставку, которую многие объясняли тем, что Екатерина II была всегда

нетерпима к масонам и эта неприязнь сильно обострилась к концу ее жизни. Наряду с образованностью и хлебосольством Елагина, современники отмечали его высокомерие, корыстолюбие и лесть Екатерине II и ее фаворитам. Не случайно, что в 1789 году он был забаллотирован при выборах в предводители петербургского дворянства. При отставке Елагин лишился ряда имений, в том числе и Пурицкого вместе с селом Макарьевская слободка.

19. Граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1789 – 1814) [35]

А.М. Дмитриев-Мамонов (19.09.1758—29.09.1803), фаворит императрицы Екатерины II, граф (1788), генерал-поручик (1788), генерал-адъютант (1788). Из рода

Граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов

дворян Дмитриевых-Мамоновых. Получил домашнее образование, в детстве был записан в лейб-гвардию в Измайловский полк. С 1786 года – поручик, адъютант Г.А. Потемкина, который способствовал его приближению ко двору. Потемкин, заботясь о том, чтобы во время его продолжительных отлучек около государыни находился человек ему преданный и покорный, представил в 1786 году Дмитриева-Мамонова Екатерине II, которой тот очень понравился своей внешностью и скромностью. Постепенно стал играть заметную роль при дворе, оказывая влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Благодаря пожалованиям Екатерины II А.М. Дмитриев-Мамонов стал обладателем одного из крупнейших состояний в России. Положение Дмитриева-Мамонова казалось

достаточно прочным при дворе, но на свою беду он влюбился во фрейлину императрицы, княжну Дарью Федоровну Щербатову. 20 июня 1789 года Екатерина сама обручила графа Мамонова с княжной Щербатовой и, подарив ему на свадьбу 100 тыс. руб. и свыше 2200 душ крестьян (село Макарьевская слобода с деревнями и пустошами в Пурецкой волости Нижегородского наместничества), удалила от двора.

В июле 1789 года Дмитриев-Мамонов уехал в Москву, после чего неоднократно обращался к императрице с просьбой разрешить ему вернуться в Санкт-Петербург, но получал отказы. Император Павел I по воцелении своем на престол возвел его в 1797 году в графское достоинство Российской империи, но не вызвал ко двору. Умерев в 1803 году, он числился владель-

цем села Макарьевская слобода вплоть до 1814 года, после чего имением стала владеть по достижении совершеннолетия его дочь, графиня Мария Александровна Дмитриева - Мамонова.

20. Графиня Мария Александровна Дмитриева-Мамонова (1815–1851)

О графине М.А.Дмитриевой - Мамоновой из некоторых источников известно лишь то, что она умерла в 1857 году. Но это сведение недостоверно. Из записей в метрической книге Спасо-Преображенской церкви села Пурех следует, что графиня М.А. Дмитриева-Мамонова скончалась в 1851 году. Рождение графини, исходя из года вступления ее в наследство (1815), можно отнести к концу XVIII – началу XIX века. После смерти Марии Александровны село Макарьевская слобода (Макарий-Пурех) перешло по наследству к ее брату, графу Матвею Александровичу Дмитриеву-Мамонову.

21. Граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов (1852 – 1864) [36]

М.А. Дмитриев-Мамонов родился в 1790 г., умер в 1864 г. Человек трагической судьбы, он оставил заметный след в истории русского дворянства первой половины XIX века. «Человек изящных и редких качеств, скромный, нравственный. Математик и рисовальщик», как о нем говорили современники. Он пробовал свои силы и в поэзии. В 1812 г. вооружил и содержал за собственный счёт целый казачий полк, получивший официальное название «Московский казачий графа Дмитриева-Мамонова полк». В его полку служили, в частности, В.А.Жуковский и князь П.А. Вяземский. В декабре 1812 года Матвей Александрович был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» и произведен из камер-юнкеров сразу в генерал-майоры. Участник Бородинского сражения и заграничных походов русской армии.

М.А. Дмитриев-Мамонов был причастен к деятельности дека-

бристских тайных обществ. В 1816 г., выйдя в отставку, поселился в своём подмосковном имении Дубровицы, где решил организовать тайное общество под названием «Орден русских рыцарей», чему способствовали и его масонские связи. Его современники полагали, что он намеревался основать в России рыцарский орден по типу Ордена тамплиеров. К своим соратникам он причислял очень разных людей. Среди них были М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев, граф Ф.П. Толстой (впоследствии вице-президент Академии Художеств), Денис Давыдов и даже А.Х. Бенкендорф. Желание графа Дмитриева-Мамонова окружать всё ореолом тайны порождало неверное представление его современников о якобы разветвлённой и сильной организации, готовой к решительным действиям.

Постепенно деятельность Матвея Александровича стала носить отчётливый донкихотский характер. Он приступил к строительству в Дубровицах крепостных стен, вооружил своих крестьян и начал свозить в имение пушки. «Военные забавы» графа окончились его арестом, поводом к которому послужило избиевание им своего управляющего. Мамонов при аресте оказал бурное сопротивление полиции. Его доставили в Москву и подвергли медицинскому освидетельствованию, а потом и принудительному лечению.

У него началась мания величия, он провозгласил себя истинным наследником русского престола и в 1826 году отказался принести присягу императору Николаю I. После этого он был взят под опеку и помещён под медицинский надзор. Последние 30 лет его жизни прошли на Мамоновой даче на Воробьёвых горах. Здесь же он и погиб 11 июня 1864 г., вылив на себя спирт, который загорелся. Считается, что личность М.А.Дмитриева - Мамонова послужила прототипом для Л.Н.Толстого при создании им образа Пьера Безухова.

После смерти Матвея Александровича продолжателей рода Дмитриевых-Мамоновых не осталось и село Пурех с частью окрестных деревень перешло в наследование их родственникам, дворянскому роду Фонвизиных.

22. Дворяне Фонвизины (1865 – 1917) [37]

Первым владельцем села Пурех из рода Фонвизиных был действительный статский советник И.С. Фонвизин. Сколь долго был он владельцем Пуреха – неизвестно. Сведения о нем в метрических книгах Спасо-Преображенской церкви заканчиваются 1873 годом – годом полного освобождения помещичьих крестьян от крепостной зависимости. К кому из его детей перешло по наследству село – тоже неизвестно.

Иван Сергеевич Фонвизин родился 17 мая 1822 года и приходился правнучатым племянником великому российскому писателю-сатирику Денису Ивановичу Фонвизину. Мать Дениса Ивановича, Екатерина Васильевна, урожденная Дмитриева-Мамонова, была родной теткой графа Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова. Отсюда и родственная связь между дворянами Фонвизиными и графами Дмитриевыми-Мамоновыми. А сам И.С.Фонвизин приходился праправнуком Екатерине Васильевне. В бытность свою он был московским губернатором, женат на Варваре Ивановне Погониной, от которой имел двоих сыновей и дочь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гациский А.С. Нижегородский летописец. Н.Новгород, 2001. С. 585.
2. Там же. С. 538.
3. Голышев И.А. Борковская Николаевская пустынь. Владимир, 1871. С. 4—5.
4. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1842. Т.5. № 225. С. 395—396.
5. Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.60 № 1327 и Указ Президента Российской Федерации от 20.02.95 № 176.
6. Преподобный Макарий, чудотворец Желтоводский и Унженский, родился в Нижнем Новгороде в 1349 году. В возрасте 12 лет ушел из дома в Вознесенский Печерский монастырь и был пострижен в монахи основателем обители архимандритом Дионисием, будущим архиепископом Суздальским. Скончался в 1444 году (по другим источникам, см. Нижегородские губ. Ведомости, 1846, № 66, в 1454 году – прим. автора) в Макарьевском Унженском монастыре в возрасте 95 лет. Жития русских святых: месяцеслов – М., 2005.
7. В скобках везде после владельцев указаны годы их владения селом Пурех и Пурецким имением.

8. Отечественная история. М., 2000. № 1. С. 157.
9. Нижний Новгород в XVII веке: Сборник документов. Горький, 1961. С. 103. Четь-древняя мера площади, примерно равна половине гектара.
10. Там же. С. 104.
11. Балахнинской десятины жилища данья церкви и пустовья земли. Материалы для истории церкви Нижегородской епархии. Выпуск второй. 1736 (1628) – 1746 г. М., 1903. С. 28. Антиминс, по некоторым сведениям, в настоящее время находится в Вознесенском Печерском монастыре.
12. Архимандрит Макарий. Памятники церковных древностей. Н.Новгород, 1999. С. 513 – 514.
13. Нижний Новгород в XVII веке: Сборник документов. Горький, 1961. С. 104—105.
14. Считались только лица мужского пола.
15. При расчете было принято, что на одной десятине луга накашивали десять копен сена.
16. Труды Нижегородской губернской архивной комиссии. Н.Новгород, 1900. Т. 4. С. 3 – 13.
17. Там же.
18. Нижний Новгород в XVII веке: Сборник документов. Горький, 1961. С. 105.
19. Савелов Л.М. Князья Пожарские. М., 1906. С. 31 – 33.
20. Там же.
21. Русский биографический словарь под ред. А. А. Половцева. СПб., 1901. Т. 7. С. 565 – 569.
22. Там же.
23. Родословная роспись князей Долгоруковых (третья ветвь). — Internet rurik. genealogija.ru/Rospisi/Dolg3/htm
24. Поколенная роспись рода князей Черкасских. — Internet community. livjournal.com./cherkasskiy/30865.html
25. После 1759 года княгиня А.М.Долгорукова в метрических книгах Спасо-Преображенской церкви села Пурех уже не упоминается.
26. Савелов Л.М. Князья Пожарские. М., 1906. С. 31 – 33.
27. Голицына Аграфена Ивановна. — Internet rodovid.org/wk/
28. Голицыны князья. История русских родов и дворянства. — Internet russianfamily.ru/g/golich.html
29. Русский биографический словарь под ред. А.А. Половцева. СПб., 1912. Т. 19. С. 69.
30. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1842. Т.5. № 225. С. 395—396.
31. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. С.Петербург, 1838. № 53. С. 96 – 97.
32. Русский биографический словарь под ред. А.А. Половцева. СПб., 1912. Т. 19. С. 74 – 83.
33. Там же. С. 85 – 89.
34. Елагины дворяне. История русских родов и дворянства. — Internet russianfamily.ru/e/elagin.html
35. Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов. — Internet biografija.ru/show_bio.aspx?id=36081
36. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов. — Internet biografija.ru/show_bio.aspx?id=36083
37. Фонвизины дворяне. История русских родов и дворянства. — Internet russianfamily.ru/f/fonvizin.html

Преподаватель Таврической Духовной семинарии
Евгений Иванович Князев

Торжество открытия святых мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца

Предлагаемые читателю воспоминания и свидетельства преподавателя Таврической Духовной семинарии Евгения Князева (будущего нижегородского священномученика Лаврентия, епископа Балахнинского), по своему содержанию дополняют те многочисленные духовные переживания, которые испытали все, кто в 1903 году участвовал в торжествах прославления великого угодника Божия Серафима Саровского.

Впервые эти строки были опубликованы автором на страницах Таврических епархиальных ведомостей (Т.Е.В. 1903. № 17. С. 987—991; № 19. С. 1097—1100). Публикуемый текст частично адаптирован.

В глуши дремучих лесов, вдали от шумных городов и селений приютилась смиренная обитель Саровская. Сравнительно недавно возникшая (основана в начале XVIII века) и ничем особенным не заявившая о себе в истории, обитель эта до наших дней, можно сказать, оставалась неизвестной миру... Только строгость и святость жизни насельников пустыни, отличавшие ее с самого основания, привлекали сюда взоры ищущих благодатной жизни и собирали толпы богомольцев. Но вот настал момент, и эта смиренная обитель явила себя миру, явила миру в тех многочисленных и разнообразных знамениях и чудесах, которыми сопровождалось великое и священное торжество ее, торжество открытия многоцелебных мощей новоявленного угодника Божия, преподобного Серафима! Здесь воочию для всех присутствующих как бы повторилась евангельская история с ее чудесами, с ее бесчисленными

Святой преподобный
Серафим Саровский

исцелениями и врачеваниями. Казалось, снова сошел на нашу грешную землю Сам Христос - Спаситель и снова простирает Свои Божественные объятия ко всем, во множестве собравшимся сюда, страждущим и обремененным скорбями, чтобы успокоить и уврачевать их... Поистине «Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки» (Евр. XIII, 8). И как в первенствующей Церкви «...руками апостольскими быша знамения и чудеса в людех многа» (Деян. V, 12), так и теперь, в наши дни, спустя почти две тысячи лет, Господь продолжает совершать в своей Святой Церкви знамения и чудеса «веляя» к неизреченной радости и утешению всех верных чад ее и к утверждению и вразумлению всех сомневающихся и колеблющихся...

Великое торжество Саровской обители носило особенно торжественный характер вследствие того, что на нем соизволил присутствовать сам Державный хозяин земли Русской с своей Августейшей семьей. Умилительно и трога-

1 Сентября.

№ 17.

1903 года.

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Часть неофициальная.

I.

Торжество открытия св. мощей преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца.

Въ глуши дремучихъ лѣсовъ, вдале отъ стѣпныхъ городковъ и селеній пріютилась смиренная обитель Саровская. Сравнительно недавно воздвигнута (основана въ началѣ XVIII в.) и ничѣмъ особеннымъ не замѣненная о себѣ въ исторіи, обитель эта до нашихъ дней, можно сказать, оставалась безвѣстной міру... Только строгость и святость жизни въ сельнявонъ пустыни, отличавшія ее съ самаго и основанія, привлекала сюда взоры ищущихъ благодатной жизни и собирали толпы богомольцевъ. Въ ночь инаваго момента, и эти смиренная обитель издалека въ себя міру, явила міру въ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, исторіи которыхъ издается великое и священное торжество и торжество открытия многочисленныхъ мощей великаго угодника Божія, преподобнаго Серафима Саровскаго. Забѣло очію всѣхъ присутствующихъ какъ бы поворачалась евангельская исторія и прочувствовалась ея безчеловѣчностію и грѣшную землю. Казалось, снова сошелъ на нашу грѣшную землю Самъ Христосъ—Спаситель и снова простиралъ Свои Божественныя объятія ко всѣмъ, во множествѣ собравшимся сюда, страждущимъ и обреченнымъ

смертью, чтобы успокоить и утѣшить ихъ... По лѣтній „Иисусъ Христосъ вчера и днесъ, Той же и во вѣки“ (Евр. XIII, 8)! И какъ въ первоисточникѣ Церкви чудеса

за всѣ 4 іерарха въ сослуженіи съ многочисленными духовными. При вѣнчаніи: „Принимте покаяніе“ мощи преподобнаго были внесены священнослужителями въ алтарь, обнесены вокругъ престола и поставлены въ уготованную благоуханными усеянную въ подножьи иждивеніяхъ Нш Императрицы Величества раку. Въ моментъ возложенія въ раку честныхъ мощей заговорилъ батюшка 2 года перешъ тѣмъ епскою, гласно*)—Но о жданіи лѣтъ гдѣ началъ молиться преподобному и при инаваго тронари св. мощи его были вынуты изъ раки и при торжественномъ крестномъ ходѣ обнесены вокругъ монастырскихъ перней. Но окрестныя арестанты хода мощей преподобнаго были ищущими въ раку, и всѣ присутствующіе многообразно и слушали трогательно-прочитанную митрополитомъ молитву угоднику Божію. Молитва сопровождалась крестными знаменіями, сопровождавшаяся великими лѣтими. Эту ночь, предшествовавшую лѣтнимъ всѣмъ днямъ, всѣмъ начинали собою Пастырь Святыни чудная инаваго какъ бы инаваго раздала великое церковное торжество.

Всѣ торжества закончились освященіемъ храма и инаваго преподобнаго Серафима, которое было совершено 21-го числа самимъ митрополитомъ въ сослуженіи архіепископа Казанскаго и Инокентія Тамбовскаго.

При раки преподобнаго предшествовавшее совершено многообразныя и разнообразныя чудеса, и вѣра густою толпою спешить въ обитель поклониться мощамъ преподобнаго и обесчеловѣчать ихъ.

Евгеній Белом.

Саровъ.
21-го числа.

*) Митрополитъ крестнымъ ходомъ, Като Митрополитомъ, 21-го числа.

тельно было видеть, как он — Повелитель мировой державы — смиренно молился здесь вместе со своим народом, как смиренно совершал пешимъ путь свой в ближнюю и дальнюю пустыньки преподобного, как, наконец, нес на раменах [т.е. плечах — прим. ред.] своих честнейшие его останки. Народ, со слезами радости и умиления взиравший на это царственное паломничество, никогда не забудет этого момента и самым светлым ореолом окружит в памяти своей образ столь горячо любимого им монарха и навсегда будет хранить в сердце своем этот дорогой образ, как святыню...

Но вот настал, наконец, давно желанный, всей православной Россией ожидаемый, радостный день, день открытия святых мощей преподобного Серафима. Накануне этого дня (18-го числа) в 6 часов вечера начался благовест к всеобщему бдению, которое в главном, Успенском

соборе совершал сам владыка — митрополит Антоний в сослужении с Преосвященнейшими: Дмитрием, архиепископом Казанским, Назарием, епископом Нижегородским и Инокентием Тамбовским и двенадцатью архимандритами и многочисленным духовенством. На правом клиросе пел хор митрополичьих певчих, прекрасно исполнивший положенные песнопения, на левом — местный архиерейский хор. На богослужении присутствовали их величества Государь Император и Государыни Императрицы Александра Феодоровна и Мария Феодоровна, их высочества: Великая княгиня Ольга Александровна, Великий князь Сергей Александрович с Августейшей супругой Великой княгиней Елизаветой Феодоровной, Великий князь Николай Николаевич, Петр Николаевич с Августейшей супругой Великой княгиней Милицей Николаевной, князь Георгий Максимилианович и княгиня Анастасия Николаевна

Романовские, герцог и герцогиня Лейхтенбергские, принц Петр Александрович Ольденбургский. Здесь же находились высшие придворные чины, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, сенатор В.К. Саблер, министры внутренних дел и путей сообщения. Народ густой толпой окружал обитель и сам храм, в котором шло богослужение. Сюда внесено было много больных, и было два случая исцелений во время самого богослужения.

В семь часов началось торжественная лития, и все священнослужители вместе с Августейшей фамилией при торжественном крестном ходе направились из Успенского собора к церкви святых Зосимы и Савватия, где временно были поставлены мощи преподобного. Изнесенные отсюда и поставленные на особо изготовленные носилки честные останки его Государь Император и великие князья вместе с духовенством взяли на рамена свои и

Императорская семья на Саровских торжествах. 1903 год. РГАКФД

таким образом шествовали во все время литии. Величественную и вместе трогательную картину представляло это торжественное шествие при колокольном звоне, с многочисленным сонмом духовенства и с тянувшимися бесконечной цепью рядами хоругвей. У всех в руках были вожжены свечи, спокойно горевшие при совершенно тихой погоде. Народ падал ниц, поклоняясь мощам преподобного, и молился, и плакал в умилении. Это торжественное шествие очень напоминало собой ход с плащаницей вокруг церкви в Великую субботу.

По окончании литии мощи преподобного были внесены и в собор и поставлены пред солеей на особо устроенном помосте. Они еще оставались заключенными и были покрыты сверху парчой. Но вот запели «Хвалите имя Господне» и все священнослужители во главе с митрополитом двинулись из алтаря на средину храма. Совершив троекратное каждение вокруг гроба, митрополит затем снял с себя митру и приблизился к нему с северной

(боковой) стороны... Среди воцарившейся тишины послышался стук отпираемого замка, крышка с гроба была снята, и все присутствовавшие, во главе с монархом и Августейшей фамилией, держа в руках возженные свечи, пали на колени при торжественном умиленном пении: «Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов». Минута была торжественнейшая, и трудно было сдерживать слезы... Какой-то небесный восторг наполнял душу: казалось, что стоишь за Пасхальной утреней. После прочтения евангелия все присутствовавшие прикладывались к святым мощам и помазывались освященным елеем. От мощей распространилось тонкое благоухание.

Богослужение окончилось в 11-м часу. Стояла чудная тихая, теплая ночь. Собравшийся вокруг храма и обители народ, казалось, совершенно забыл об отдыхе и сне: стоя с возженными в руках свечами, он воспевал тропари и стихиры преподобному и в порыве восторга и радости славословил

даже Пасху. И действительно, эта ночь была как бы пасхальная: лица у всех светились небесной радостью и все готовы были обнимать друг друга.

19-го числа в 8 часов утра начался благовест к Божественной литургии, которую совершали все четыре иерарха в сослужении с многочисленным духовенством. При пении «Приидите поклонимся» мощи преподобного были внесены священнослужителями в алтарь, обнесены вокруг престола и затем положены в уготованную благоговейным усердием и щедрым иждивением их Императорских Величеств раку. В момент положения в раку честных мощей заговорила бывшая два года перед тем немой девочка. По окончании литургии начался молебен преподобному и при пении тропаря святые мощи его были вынуты из раки и при торжественном крестном ходе обнесены вокруг монастырских церквей. По окончании крестного хода мощи преподобного были вновь спущены в раку, и все при-

УЧЕБНЫЙ

Вот здесь, в этой комнате, жил и работал великий русский ученый, писатель и педагог Иван Иванович Пестель. Он был одним из основателей тайного общества "Священная Русь" и автором "Русской правды".

ИСТОРИЯ

Вот здесь, в этой комнате, жил и работал великий русский ученый, писатель и педагог Иван Иванович Пестель. Он был одним из основателей тайного общества "Священная Русь" и автором "Русской правды".

Иван Иванович Пестель в детстве. Рисунок работы художника И. Пестеля.

ВНИМАНИЕ ОТЪ ТЕ СВЯТЫХЪ ЖЕНЩИНЪ ПРЕП СЕРАФИМЪ САРОВСКАГО ЧУДОТВОРИЦЪ

Надъ Святою Православною Русью съ новою благодатною силою проявилось Божіе благословеніе въ свѣтлые дни прославленія и открытія честныхъ мощей великаго подвижника — Преподобнаго Серафима Саровскаго; несчетныя вочюю всѣхъ совершившихся чудотвореній: слышны отъ рожденія прозвѣтали, нѣмые получали даръ слова, страждущіе другими неизлѣпимыми недугами исцѣлялись.

Достоинно и праведно встрѣтила Благочестивая Россія эту неизрѣченную благодать Господа.

Во главѣ сотенъ тысячъ народицкихъ, собравшихся со всѣхъ концовъ нашей необъятной страны, прибылъ въ смиренную Саровскую пустынь Самъ Православный ЦАРЬ съ ЦАРИЦАМИ — Родительницею и Супругою, въ сопутствіи Царственнаго Родственникаго Свѣтъ.

По Свято-Русскимъ завѣтамъ нашей старины Царственныя Богомольцы приготовились къ Святому торжеству Церкви не только постомъ и молитвою, но и исповѣдію и причащеніемъ Святыкъ Тайнъ.

БЕЗПЛАТНО.

Окруженный Семьею Своею и сонмомъ Святителей, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ первичъ подъялъ на Свои плечи гробъ Новоспраславленнаго Угодника Божія и, на глазахъ умиленно плакавшихъ отъ радости набожныхъ русскихъ людей, несъ его останки до самой драгоценной раки, первичъ затѣпилъ неутолимую лампаду черезъ раку Угодника и первую свѣчу за Свое Царство Православное и Своихъ вѣрныхъ подданныхъ, первичъ преклонилъ Свои колѣна передъ Великимъ Монастырникомъ за Русскую Землю.

Со слезами радости и теплою вѣрой молился и народъ единымъ сердцемъ съ Возлюбленнымъ Благочестивѣйшимъ ЦАРЕМЪ своимъ и казалось самъ Святой Серафимъ — какъ нѣкогда жижо говорилъ — теперь говорить молящемуся Божію Помощнику: „Радость моя, — Царственная Надежда всяя Россіи... Слышу молитву Твою о народѣ Твоемъ и вознесу ее къ Вседержителю, и дастъ Господь за вѣру Твою по сердцу Твоему и благія желанія Твоя исполнить“.

Отъ Валентина Лебедева Живописнаго Собора — на память о восторженіи Саровскаго подвижника.

сутствующие коленопреклоненно выслушали трогательно прочитанную митрополитом молитву угоднику Божьему. Молебен закончился торжественным многолетием, сопровождавшимся колокольным звоном. Этот звон, продолжавшийся затем весь день, весьма напоминал собой

Пасху. Стоявшая чудная погода как бы вполне разделяла великое церковное торжество.

Все торжества закончились освящением храма во имя преподобного Серафима, которое было совершено 21-го числа самим митрополитом в сослужении пресвященных: Дмитрия, архиепи-

скопа Казанского, и Иннокентия Тамбовского.

При раке преподобного продолжают совершаться многочисленные и разнообразные чудеса, и народ густой толпой спешит в обитель поклониться мощам преподобного и облобызать их.

**Евгений Князев.
Саров. 21-го июля**

ЧУДЕСА ВЕРЫ ХРИСТОВОЙ

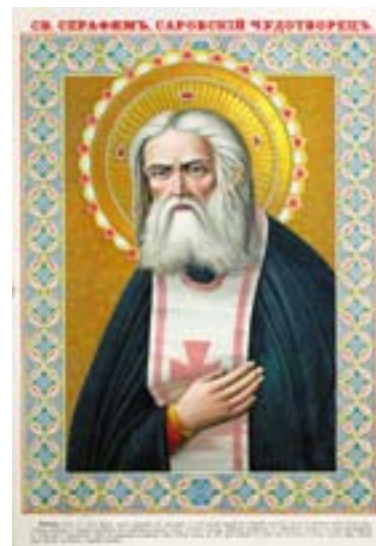
(ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ САРОВСКОГО ПАЛОМНИКА)

Велика сила религии, непостижимо могуче ее влияние на человека! Нет ничего в мире, что могло бы препобедить ее, нет тех препятствий и невозможностей, которые бы преодолели ее! Правда, не всегда люди пользуются этой силой, не всегда хотят прибегать к ней за помощью; ослепленные неверием или, скорее, неведением иногда даже прямо глумятся над ней... Но зато, когда это облако тьмы спадает с людских очей, когда под влиянием тех или иных обстоятельств человек, наконец, сознает свою беспомощность и чисто-сердечно и искренно обращается к религии, что тогда происходит? Тогда воочию для всех исполняются слова Спасителя, что «вся возможна верующему» (Марк. IX, 23). Тогда слепые начинают

прозреть, немые — говорить, хромяе ходят и бесы изгоняются. Так было во времена Спасителя, так было в древнейшие времена Церкви Христовой, то же Господь совершает по великой своей милости в святой Своей Церкви и в наши дни. И в наши дни Господь воздвиг нам великого молитвенника и чудотворца в лице преподобного Серафима, совершающего, по данной ему от Бога благодати, поистине «славная и ужасная» над притекающими к нему с верою.

Эти великие дела Божии, и прежде во множестве совершавшиеся по молитве к преподобному Серафиму, полились, так сказать, многоводным потоком с того момента, когда его честнейшие останки были извлечены из недр земли. Чувствовалось, что какая-то особая, благодатная атмосфера наполняет обитель, носится над нею и незримо вливается в души

всех, приходящих сюда с верою. Точно воскрес сам преподобный и снова явился здесь, чтобы благодатью всем и всюду. Тысячи собрались сюда искать у него благодатной помощи и врачевания

недугов, душевных и телесных, и не были они посрамлены от чаяний своих и упований. Всех благодатных исцелений было так много (много продолжает совершаться их и теперь), что подробное описание их составит, вероятно, целую книгу. В качестве же иллюстраций мы приводим только перечень чудес, совершившихся 13-го, 14-го и 15-го дней минувшего июля (тогда же нами и записанных).

Крестьянин Михаил Тивкин (Вятской губ.), 65 лет от роду, 23 года был расслаблен и не владел шеей — голова у него, по его словам, была как на мочале, — после купанья в источнике преподобного стал совершенно здоровым. Крестьянин Саратовской губернии Прокопий Коблов, два месяца перед тем лишившийся зрения, искупавшись в источнике, прозрел. Крестьянский мальчик (11 лет) из Тобольской губ. Василий Ильин, не владевший ногами от самого рождения, после купанья встал на ноги и к вечеру того же дня пошел. Крестьянская девица (18 лет) из Симбирской губернии Агрипина Табаева не владела зрением со дня рождения, после купанья получила исцеление и стала видеть. Солдатская вдова (Казанской губ.) Вера Васильева, 15 лет не владевшая рукой, искупавшись, стала совершенно здорова. Крестьянка Вятской губернии Анастасия Полякова (29 лет) три года не владела руками и левой ногой, после купанья стала здорова. Крестьянин Псковской губ. Петр Сургучев (36 лет), 3 года тому назад лишившийся слуха, после купанья стал слышать. Крестьянин Тамбовской губернии Иван Кузмин (27 лет), семь лет не владевший ногами, стал ходить. Казак Феодор Веденеев (19 лет), девять лет страдавший припадками безнования, получил совершенное исцеление на источнике преподобного. Крестьянский мальчик Енисейской губернии Василий Иовлев (14 лет), немой от рождения, после купанья стал произносить слова. Тобольской губернии крестьянский мальчик Иван Захаров (11 лет), с двух лет вследствие падения лишившийся зрения, после купанья стал видеть. Крестьянка Вятской губер-

нии Евдокия Михалева (59 лет), 17 лет не владевшая зрением, после купанья получила исцеление. Подобное же исцеление получила и крестьянка Самарской губернии Мавра Толмачева (60 лет), 37 лет болевшая глазами. Мещанская дочь из Кубанской области Екатерина Зубченко (18 лет), с девяти лет переставшая владеть ногами, стала ходить. Крестьянин Симбирской губернии Емельян Ситьянкин (30 лет), три года не владевший руками и ногами, искупавшись в источнике, стал здоров. Крестьянский мальчик Пензенской губернии Степан Ерофеев (1,5 года), слепой от рождения, прозрел после купанья. Рязанской губернии мещанин г. Спасска (50 лет), семь лет лежавший в параличе, после купанья

стал говорить, слышать и ходить. Ко всему этому следует добавить, что 14-го числа на берегу Саровки было сожжено 15 костылей, брошенных исцеленными.

На человеческом языке нет слов описать ту радость, какую испытывают получающие исцеления, особенно — после тяжких недугов. Не только у них, у всех присутствовавших при этих знамениях, но и у всех, слышавших из уст очевидцев об этих чудесах, как-то невольно лились из глаз слезы, следы радости, умиления и восторга... Да и какая душа, в которой сохранилась хотя бы только одна искорка веры, не была в состоянии умилиться, когда перед глазами совершались столь дивные, столь поразительные знамения и чудеса!

А.Н. Панин

Старец Серафим Саровский и Царский Дом Романовых в воспоминаниях Анны Федоровны Тютчевой

Анна Федоровна Тютчева. 1862 год

Анна Федоровна Тютчева (1829—1889) — старшая и любимая дочь Фёдора Ивановича Тютчева, великого русского поэта. Она родилась 21 апреля 1829 года в городе Мюнхене, где ее отец состоял на дипломатической службе.

Федор Иванович женился в Германии на графине Элеоноре Федоровне Ботмер, от которой имел трех дочерей: Анну (1829—1889), Дарью (1834—1903), Екатерину (1835—1882). Анна получила прекрасное образование в Германии, окончив католический Мюнхенский королевский институт: «В Мюнхенском королевском институте, где я окончила свое образование, я находилась под влиянием католических священников; они старались, поскольку это доступно нашему возрасту, привить нам благочестие, правда, несколько узкое и фанатическое, очень ригористическое, очень мелочное и в достаточной степени иезуитское, тем не менее это религиозное воспитание внушило нам душевспасительный страх перед тщеславием, легкомыслием, светскими удовольствиями, спектаклями, нарядами, чтением дурных книг; в течение своей молодости я никогда не стремилась ни к развлечениям, ни к нарядам, и, несмотря на полную

свободу в чтении и на любопытство, которое живо возбуждали во мне нарядные книжки романов, я никогда не находила удовольствия в французской литературе, в то время имевшей большой успех и оказавшей такое развращающее влияние на мысли многих молодых девушек» [1].

В 1845 году баварский период ее жизни резко сменился. Отец закончил службу в Германии, вернулся на родину и поселился в своем имении Овстуг в Орловской губернии. Здесь, в Орловской губернии, у выпускницы женского католического заведения, даже еще плохо говорившей по-русски, проявилась сильная любовь к России. Для Анны дивным и чарующим открытием стали широкие горизонты, обширные степи, необозримые поля, почти девственные леса Брянского уезда, звуки русской речи, русские народные песни. Благодаря полученному воспитанию и природным склонностям религиозный интерес стал в Анне преобладающим и с годами лишь усиливался. Проживая в Мюнхене, она подвергалась влиянию католических пасторов, желающих вовлечь ее в католичество: «Но та несколько искусственная экзальтация, которую они сумели мне внушить, не имела характера глубокого и сознательного убеждения и не могла не рассеяться под влиянием умственного развития. Вначале, не понимая по-русски, я не могла следить за нашей службой, которая мне казалась длинной и утомительной. Но потребность в молитве постоянно приводила меня в церковь, и я постепенно стала понимать молитвы и проникаться красотой православных обрядов» [2].

Все это привело вскоре Анну Федоровну в лагерь «славянофилов», она стала очень почитать А.С. Хомякова и прониклась его глубоко национальными идеями. Она считала, что «славянофилы» фактически «были первыми мыслящими людьми, дерзнувшими поднять свой протестующий голос во имя самобытности России, и первыми поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная

Император Александр II с Императрицей Марией Александровной и детьми Марией (у дерева), Сергеем и Павлом. 1866 год

масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть вылитой в любую форму европейской цивилизации и покрытой по желанию лоском английским, немецким или французским; они верили, и они доказали, что Россия есть живой организм, что она таит в глубине своего существа свой собственный нравственный закон, свой собственный умственный и духовный уклад и что основная задача русского духа состоит в том, чтобы выявить эту идею, этот идеал русской жизни, придавленный и не понятый всеми нашими реформаторами и реорганизаторами на западный манер» [3].

Летом 1845 года Ф.И. Тютчев, мечтающий о переезде дочерей в Санкт-Петербург, писал Анне: «Льщу себя надеждой, что с Божией

помощью ты найдешь в России больше любви, нежели где бы то ни было в другом месте. До сих пор ты знала страну, к которой принадлежишь, лишь по отзывам иностранцев. Впоследствии ты поймешь, почему эти отзывы, особливо в наши дни, заслуживают мало доверия. И когда потом ты сама будешь в состоянии постичь все величие этой страны и все доброе в ее народе, ты будешь горда и счастлива, что родилась русской» [4]. И Анна действительно всей своей благородной и истинно русской душой приняла и Россию, и православную веру. В 1853 году, когда Анне исполнилось 23 года, она была назначена ко двору. Тютчева стала фрейлиной Великой княгини Цесаревны

Марии Александровны, супруги наследника престола Великого князя Цесаревича Александра Николаевича, старшего сына Императора Николая I (1825—1855). И нравственно высокая Тютчева очень сблизилась с Цесаревной Марией Александровной.

В 1841 году семнадцатилетняя дочь герцога Людвиг II Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария стала женой наследника русского престола Цесаревича Александра Николаевича, перешла в православие и получила имя Марии Александровны. И веру, и обычаи народа, ставшего ей родным, она приняла по глубокому сердечному убеждению и совершенно органично. После беседы с ней прославленный русский святитель митрополит Филарет (Дроздов) со слезами на глазах произнес: «Слава Богу, это истинно православная Царица». Истинную радость Мария Александровна находила в христианском служении. По ее инициативе, при ее непосредственном финансовом участии было создано много больниц, богаделен и приютов, а также было основано Общество Красного Креста. В ведении Императрицы находилось 459 учреждений, среди которых было немало институтов, гимназий, воспитательных домов. Свыше 12 миллионов рублей шло только на содержание этих учреждений.

Значение личности матери было очень велико для всех детей царской четы, и это сыграло большую роль в формировании внутреннего облика ее детей. Она всегда вникала во все подробности воспитания: «Сколько было разговоров самых разнообразных, душевных, всегда Мамá выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побороть, одобрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения», — вспоминал Государь Император Александр III [5]. Мария Александровна сама воспитывала своих семерых детей в строгой, прежде всего, церковной дисциплине, в соблюдении всех церковных установлений. Император Александр III вспоминал: «Мамá постоянно нами занималась, приготовляла к исповеди

и говению; своим примером и глубоко христианскою верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мамá мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру, и Церковь» [6].

Именно глубокая христианская вера послужила тем основанием, благодаря которому возникла дружба между Анной Федоровной Тютчевой и Цесаревной, впоследствии Императрицей Марией Александровной. В своих воспоминаниях Анна Федоровна дала блистательную оценку Императору Александру II (1855—1881). Император Александр II, прозванный в народе Царем - Освободителем, обладал редкими личными качествами: «Его основной дар — было сердце, доброе, горячее, человеколюбивое сердце, которое естественно влекло его ко всему щедрому и великодушному, и одно побуждало ко всему, что его царствование создало великого... Его сердце страдало за крепостных, и он даровал свободу 18 миллионам людей... Его сердце возмущалось неправосудием и взяточничеством, и он даровал России новые судебные учреждения... В его душе было что-то такое, что сделало его для России избранным орудием Божьего благословения, а имя его не только навеки прославленным, но и возлюбленным даже теми, кто видел вблизи его слабости и недостатки» [7].

Воспоминания А.Ф. Тютчевой можно смело поставить в ряд литературных памятников XIX века. В этих мемуарах открывается читателю внутренний мир Анны Тютчевой, здесь подробно описаны важнейшие события политической и придворной жизни России, даны разносторонние сведения о жизни и деятельности Императоров Николая I и Александра II, а также их приближенных и родственников. Не менее важным и главным в воспоминаниях Тютчевой является тема любви к Родине, ее самобытности, глубокой веры в Бога русского народа. Есть в воспоминаниях и много интересных деталей о дружбе Анны Федоровны с насельницами Серафимо-Дивеевского и Серафимо-Понетаевского монастырей, о ее вере в святость старца Серафима Саровского, которого

уже в то время многие почитали за святого.

В воспоминаниях Тютчевой в 1856 году под датой 1 января записано: «Я послала Императрице маленький образ Серафима, который должен был быть ей передан ровно в 12 часов. Я очень верю для нее в молитву этого святого и уверена, что он оказывает ей особое покровительство, ибо он предсказал о ней еще прежде, чем она прибыла в Россию, что она будет благодатная и матерью для России, и для православной церкви» [8].

В 1857 году, сразу после рождения Великого князя Сергея Александровича, Анна Федоровна отдала бриллиантовое украшение для ношения на шее «...на покупку потира и Евангелия для малой церкви, которую добрые люди задумали построить близ Дивеева, если роды Государыни закончатся благополучно. Возле этой церкви задумано устроить скит Дивеевского монастыря. Там будет престол, посвященный св. Сергию, покровителю великого князя» [9].

Летом 1857 года по указанию Императрицы А.Ф. Тютчева начинает исполнять обязанности воспитательницы при маленькой Великой княжне Марии, подойдя к своим обязанностям крайне серьезно. Воспитание Великой княжны Анна Федоровна проводила в атмосфере, близкой к величайшей русской культуре, постоянно акцентируя внимание на религии. Вместе с воспитательницей они совершили много паломничеств к духовным центрам, везде поклоняясь мощам святых угодников, чудотворным иконам и знакомясь с историей и бытом русского народа. Летом 1857 года они совершили большое путешествие по Волге, посетив Тверь, Кострому и Нижний Новгород.

В 1860 году Великая княжна Мария Александровна тяжело и опасно заболела. Исцеление от заболевания пришло к Великой княжне через мантию Серафима Саровского, которого Анна Федоровна и Царская Семья считали святым старцем. Под покровом этой мантии отец Серафим проводил в молитве многие ночи; он был в ней, когда, коленопреклоненный, совершал свое последнее зем-

ное моление, во время которого его душа вознеслась к Престолу Всевышнего. В воспоминаниях А.Ф. Тютчевой сохранились подробности этого случая, где перед нами предстает образ величайшего святого старца Серафима Саровского и всея Руси чудотворца. По молитвенному обращению к старцу исцелилась от заболевания не только Великая княжна Мария Александровна, но и вдовствующая Императрица Александра Федоровна, супруга покойного Государя Николая I, которая перед своей смертью нашла полное успокоение, когда была покрыта мантией старца. Свидетелями этих чудес стали многочисленные придворные Императора Александра II и вся Царская Семья. На Императорскую Семью это произвело неизгладимое впечатление. О чудесах в Царской Семье, связанных с именем отца Серафима, было написано не только в воспоминаниях А.Ф.Тютчевой, это вызвало живейшие отклики и в периодической печати. Об этом писали в «Тульских епархиальных ведомостях», «Московских Ведомостях» и журнале «Русский Архив», позднее была издана и отдельная книга «Святой Серафим Саровский в Царской Семье».

Хотелось бы отметить тот факт, что величайший святой земли Русской, преподобный Серафим Саровский за много лет до официального прославления стал предстателем за Царствующий Дом Романовых. Многие представители династии стали почитателями старца, и конечно, прославление угодника Божия в 1903 году при деятельной поддержке Царя Николая II явилось духовной вершиной единения Царской Семьи и всего народа в вере в святость отца Серафима.

Мантия святого старца будет храниться у Великой княжны до ее замужества с герцогом Эдинбургским, впоследствии Кобургским, когда, покидая Россию, она оставит ее своей матери. В 1881 году по кончине Императрицы Марии Александровны мантия старца хранилась как величайшая святая у Великого князя Сергея Александровича. В 1903 году

Император Александр II с детьми
Марией и Сергеем. 1861 год

Великий князь Сергей Александрович вместе с супругой, Великой княгиней Елисаветой Феодоровной, присутствовал на торжествах прославления старца Серафима Саровского. Великая княгиня Елисавета Феодоровна написала в письме своей сестре, принцессе Виктории Баттенбергской об этом: *«В этот день тысячи и тысячи людей собрались со всей России, чтобы помолиться. Больные приехали из Сибири, с Кавказа. Какие несчастья и болезни нам удалось увидеть и какую веру! Как если бы мы жили во время Христова...Как они молились, как рыдали, эти бедные матери со своими больными детьми, и, слава Богу, многие исцелялись! Мы сами были свидетелями того, как маленькая немая девочка заговорила, но как ее мать*

молилась за нее!» [10]. Это было поистине Всероссийское торжество, ставшее праздником Веры и Духа народного! Великий князь Сергей Александрович, отправляясь в Саровскую пустынь, заказал драгоценную лампаду для мощей старца Серафима и принял решение выставить для поклонения москвичей мантию Саровского Чудотворца в Успенском соборе: *«Получил мою лампаду в византийском стиле для мощей Пр. Серафима...Моя мантия Пр. Серафима будет выставлена в Успенском для поклонения»* [11].

В книге близкого друга Великого князя Сергея Александровича, генерала М.П. Степанова есть интересное описание, посвященное мантии Саровского старца: *«Когда в 1903 году 19 июля в Сарове было прослав-*

ление Преподобного старца Серафима, по желанию Великого князя Сергея Александровича полумантия Угодника Божия была выставлена для поклонения верующих в Успенском соборе в Москве за всеобщим бдением 18 и за литургией 19 июля. Всенощное бдение совершал высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский. Во время литии совершен торжественно вокруг собора крестный ход. После первой кафизмы настоятель Чудова монастыря архимандрит Иннокентий произнес назидательное поучение, в котором подробно передал о чудесах от полумантии прп. Серафима, совершившихся в Царской Семье. Поучение было выслушано всеми присутствовавшими с напряженным вниманием. После чтения кафизм были торжественно вынесены из алтаря на середину храма икона прп. Серафима и в особом драгоценном ковчеге — полумантия Угодника Божия; икона была положена на аналогий, а мантия — рядом на століке. После пения «Хвалите имя Господне» владыка-митрополит прочитал молитву на освящение иконы Новоявленного Чудотворца Саровского. При последовавшем величании прп. Серафиму все присутствовавшие в храме опустили на колени. По часам, приблизительно в то же самое время, в Сарове, в Успенском соборе, была поднята крышка от гроба Прп. Серафима, и духовенство пело ему величание. Митрополит и сослужащее ему духовенство прикладывались к св. иконе и мантии, после чего прикладывались богомольцы» [12].

В Москве после поклонения этой святыне стали фиксировать случаи чудесных исцелений: «Дворянин М.Н.Е. в течение 30 лет страдал желудочными и кишечными болями. Больной обращался ко всяким знаменитостям, но безуспешно. В последнее время положение его сделалось особенно тяжелым: он ослабел и едва мог ходить. С глубокой верой в заступничество Преп. Серафима Е. отправился 18 июля в Успенский собор ко всеобщей, где, невзирая на необычайную тесноту, духоту и спертость воздуха, он оставался на богослужении до конца, а оно про-

должалось четыре с лишком часа. Больной приложился к иконе и мантии св. Угодника и, когда вышел из храма, почувствовал себя совершенно выздоровевшим и бодрым, как будто и не страдал мучившими его столько лет болезнями. Он тотчас поехал в Саровскую пустынь вознести благодарение Богу у св. раки великого заступника и молитвенника — Преподобного Серафима. Рязанский помещик Ш. привез в Москву к этим знаменательным дням свою совершенно расслабленную родственницу; ее с трудом могли пронести и внести в Успенский собор; а на другой день ее видели в том же храме уже совершенно здоровой, коленапреклоненной, возносящей хвалу и благодарение Господу и Его Угоднику Преподобному Серафиму за свое чудесное исцеление. И ныне многие прибегают к св. мантии, и Господь по молитве верующих заступничеством своего Угодника посылает чудесные исцеления» [13].

После гибели Великого князя Сергея Александровича в 1905 году от руки террориста Каляева в Московском Кремле был сооружен храм-усыпальница, расположенный под Московским Чудовым монастырем, где Великий князь и был погребен. В этом храме было сосредоточено много святых, которые в своей жизни собирав с величайшим благоговением Великий князь Сергей Александрович. Там находилась и мантия отца Серафима: «Рядом с аналоием стоит другой с красочным изображением св. Преподобного Серафима; на аналоие — деревянный ковчег, и в нем, под слюдой, хранится полумантия Преподобного Серафима, Саровского Чудотворца... С разрешения Великой Княгини Елисаветы Феодоровны С.С. Перлов сооружает ныне драгоценный ковчег для полумантии св. Серафима. Серебряный ковчег с драгоценными камнями по рисунку Р.И.Клейна изготавливается в мастерской Шамординской женской общины, основанной о. Амвросием, старцем Оптиной пустыни» [14].

В 1865 году Анна Федоровна Тютчева вышла замуж за известного славянофила Ивана Сергеевича Аксакова, с которым состояла уже давно в высокоидейной переписке. Она испросила себе Высочайшее разрешение и оставила свою

службу при Царском дворе. Вместе с мужем они переехали на жительство в Москву, но Анна Федоровна не порвала связи со своими воспитанниками. Она писала письма Великой княжне Марии Александровне и Великому князю Сергею Александровичу, поддерживала хорошие отношения с Императрицей Марией Александровной, глубоко переживала и страдала за Россию. В 1886 году скончался И.С. Аксаков, а в августе 1889 года не стало и Анны Федоровны.

Случай исцеления Великой княжны Марии Александровны был подробно описан в книге «Святой Серафим Саровский в Царской Семье», изданной в 1903 году в Санкт-Петербурге уже после смерти А.Ф. Тютчевой. Мы приводим это повествование полностью с сохранением стилистики издания 1903 года.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тютчева А.Ф. Воспоминания. При дворе двух Императоров. М., 2008. С. 11.
2. Там же. С. 12.
3. Там же. С. 13.
4. Там же. С. 9.
5. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 709. Л. 15.
6. Там же.
7. Тютчева А.Ф. Воспоминания. При дворе двух Императоров. М., 2008. С. 31—32.
8. Там же. С. 319.
9. Там же. С. 384.
10. Буксгевден С. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, императрицы Всероссийской. М., 2007. С. 160—161.
11. ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 99, 101.
12. Степанов М.Е. Храм-усыпальница Великого князя Сергея Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре. М., 1909. С. 84—85.
13. Там же. С. 87.
14. Там же. С. 81, 87.

Въ С. Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатанъ. Довѣщается С. Петербургъ въ М. д. 1903 г. Старшинъ Ценовъ Архимандритъ Филаретъ. Лиг. Серванто Дьякъ Минагоу (Вн. л.)
явленіе вожіей матери прѣ. ссрафиму саровскому чудот. въ день благовѣщенія.

Святой Серафим Саровский в Царской Семье

(Из записок А.Ф. Аксаковой, урожденной Тютчевой)

Месяцы сентябрь и октябрь 1860 года были ознаменованы для Царской Семьи важными событиями и сильными душевными потрясениями.

18 сентября маленькая Великая княжна Мария Александровна заболела жабой, угрожавшей опасностью для ее жизни. 21 сентября, когда Великой княжне было плохо, Императрица родила Великого князя Павла Александровича и еще не оправилась от родов, как изнурительная болезнь, издавна подтачивавшая силы императрицы-матери, приняла тревожный характер.

18 сентября приходилось в воскресенье. Великая княж-

на, по обыкновению, гуляла рано утром с Государем, а когда вернулась домой, я нашла ее очень бледной, и она жаловалась на тошноту. К обеду я ее не повела. Ее маленькие подруги, Перовские и Гагарины, пришли, как всегда, провести с ней воскресенье; но она не захотела играть, легла в постель и проспала большую часть дня. Ночью ее лихорадило, но к утру ей стало лучше, и доктор позволил ей встать. В течение дня, однако, симптомы болезни усилились: все тело ее горело, и она находилась почти постоянно в усыплении; тем не менее, мне удавалось добиться от нее признания, чтобы у нее что-либо болело и что именно.

На другой день, 20 сентября, мне удалось, наконец, открыть, что у нее болит горло и только потому, что она отказывалась даже от питья, несмотря на снедавший ее жар. Исследовав ее, доктор Гартман нашел в горле свойственные жабе налеты, которые и были прижжены несколько раз, но болезнь не уступала. Государь и Императрица находились в крайнем беспокойстве, тем более что в возрасте Великой княжны, приблизительно около 7 лет, они потеряли свою старшую дочь, Великую княжну Александру. Императрица, несмотря на свое положение, ежечасно навещала малютку и пришла к ней еще в полночь. Доктор и я умоляли ее отдохнуть несколько часов. Вдвоем мы должны были следить ночью за великой княжной и

сообщать Императрице о малейшей перемене в ее состоянии. Императрица пошла отдохнуть, но в 5 часов утра спешно прибежали за Гартманом, а в 6 часов обычные сто пушечных выстрелов возвестили о появлении на свет Великого князя, нареченного Павлом. Это было 21-го числа, в день празднования памяти святителя Дмитрия Ростовского. Поистине странно, что за четыре дня до этого, Императрица выказывала мне свою уверенность, что она родит в праздник св. Дмитрия Ростовского, точно так же как перед рождением Великой княжны она предчувствовала, что ребенок родится в день св. чудотворцев московских, то есть 5 октября, к которому она всегда питала особенное благоговение.

Я увидела Императрицу 21-го в полдень. Она мне сказала: «Я совсем не занята моим бедным новорожденным, все мои мысли с моей маленькой». Открыть Императрице правду о положении больной я не посмела. Гартман был очень встревожен, так как болезнь, перепончатая жаба, все усиливалась, несмотря на прижигания и на рвотное, которое, подействовав, заставило ребенка жестоко страдать. К вечеру жар удвоился, больная малютка тяжело стонала, воздух при дыхании проходил через ее горло с сипящим свистом, похожим на хрип. В смертельной муке сидела я возле нее и поддерживала ее бедную головку. Она то закрывала глаза, словно засыпая, то через пять минут снова открывала их с судорожными движениями, как бы задыхаясь. Государь, бледный как смерть, с мучительной тоской, застывшей на лице, навещал ее каждые полчаса.

Около 10 часов вечера вошла к нам моя сестра Кити (Екатерина Федоровна Тютчева) и сооб-

шила, что монахиня Лукерья Васильевна здесь и хочет со мной говорить. Из Дивеевского монастыря, Нижегородской губернии, монахиня эта была дочерью простого крестьянина и приняла постриг в двенадцатилетнем возрасте. Теперь ей было 40 лет, и она находилась в Петербурге в качестве наблюдательницы за молодыми монахинями, посланными монастырем в столицу для изучения живописи. Великая княгиня Мария Николаевна, пораженная быстрыми успехами этих молодых девушек, вышедших почти все из простонародья, взяла их под свое покровительство и отвела им мастерскую в своем собственном дворце. Там-то я и познакомилась с Лукерьей, поразившей меня своим умственным развитием, совершенно непонятным в женщине, не учившейся ни чтению, ни письму. Слушая ее поэтические рассказы о жизни в Дивеевском монастыре, казалось, что переносишься среди XIX-го века в эпоху таинственных и прелестных легенд наших Четий-Миней. Она часто говорила мне об отце Серафиме, которого видела, будучи ребенком, в его уединенной келье, среди векового бора, окружающего Саровскую обитель. Мать Лукерьи, исцеленная от рака на губе молитвами и прикосновением святого отшельника, из благодарности дала обет посвятить на служение Богу младенца, рожденного ею после этого чудесного исцеления. Никогда Лукерья не ела мяса и с ранних лет своего детства была приучаема к молитве и к благочестивым навыкам. Ее большой радостью было сопровождать свою мать к хижине Серафима, к которой вела прелестная тропинка, извинаясь между гигантскими соснами вдоль прозрачной реки Саров. На этой тропинке каждодневно видны были сотни богомольцев, бредущих к жилищу отшельника, чтобы получить от него исцеление от болезней, утешение в скорби, мудрое руководство в жизни, и почти все возвращались излеченными, утешенными, просвещенными. Святой старец принимал всех с любовью. Приходящим к нему он раздавал частицы просфоры или церковные свечи, или немного чистой, как хрусталь, воды из

Великая княжна Мария Александровна, Анна Федоровна Тютчева и Великий князь Сергей Александрович. 1861 год

колодца, его трудами выкопанного в годы затворничества. Эти простые дары, полученные от него, обращались в источник благодати для тех, кто принимал их с верой. Его взгляд проникал в глубину сердца, его простая и краткая речь была запечатлена любовью и той таинственной мудростью, которую душа его приобрела от долгого общения с Богом в тиши природы. Там он получил дар прозорливости, поражающий спасительным страхом даже тех, кто приходил в Саровский бор больше из любопытства, чем из благочестия. Когда Лукерье минуло 12 лет, Серафим благословил ее на принятие пострига в Дивеевском монастыре, основанном под его покровительством в двенадцати верстах от Сарова. Предварительно, однако, Лукерья отправилась пешком в

Киев на поклонение мощам, почивающим в пещерах, а затем со временем принятия ею монашества вся жизнь ее была длинной вереницей трудов на служение монастырю. Часто исполняла она обязанности сборщицы подаяний и, благодаря ей, воздвигнут большой и благолепный монастырский храм. Эта девушка, никогда не читавшая ни одной книги и почерпнувшая все свое образование из церковных служб, обладала от природы удивительным красноречием, и ее слова по сладости были действительно подобны меду. Она имела дар, когда советовала или утешала, делать это, не впадая в проповеднический тон, и не употребляла, подобно лицам ее состояния, обычных общих мест, так мало говорящих чувству; ее речь, напротив, была ключом

Серафима и настоятеля дворцового храма в Гатчине. Эту - то святыню и доставила мне Лукерья со своими молитвами. Я тотчас отнесла ее к больной, которую спросила: «Хотите, я вас покрою мантией Серафима?» — «Дайте», — отвечала она и, перекрестившись, совершенно просто произнесла: «Отче Серафим, моли Бога обо мне». После этого она немедленно заснула, и немедленно же ослабел хриплый свист ее горле. Через пять минут она дышала так тихо, что ее не было слышно, а

прямо из сердца и проникала в душу. Поэтому то я и обрадовался ее приходу в час мучительной тревоги.

Лукерья принесла мне полу-мантию Серафима, под покровом которой он провел в молитве многие ночи и в которой, колено-преклоненный, он совершал свое последнее моление, когда душа его вознеслась к Богу. Мантия эта хранилась как священное наследие у старика протоиерея Назария Добронравина, друга

через десять появился обильный пот. Она едва открыла глаза и, сказав мне: «Горло почти совсем не болит», снова впала в глубокий и спокойный сон. Вошел Государь, я показала ему мантию и в немногих словах изложила ее происхождение. Государь осенил себя крестным знаменем. Девочка все продолжала спать. В 3 часа доктор, к своему удивлению, нашел ее всю в поту и без лихорадки. Лукерья, видя меня изнеможенной от трех дней мучительной тревоги

и от двух совершенно бессонных ночей, обратилась ко мне со словами: «Усните спокойно, святой Серафим охранит ребенка». Я заснула у кровати больной таким крепким сном, что не слышала прихода Государя, навестившего рано утром свою маленькую дочь. Мария Александровна проснулась поздно и спросила меня своим обыкновенным голосом: «Где Лукерья?» — «Она у меня и молилась за вас эту ночь». — «Я хочу ее видеть». Лукерью ввели в комнату и Великая княжна, протянув ей руку, сказала: «Благодарю за то, что вы молились обо мне. Горло у меня очень болело; когда же меня накрыли мантией, все прошло». Затем она тотчас заснула вновь и проспала почти весь день. Есть она не хотела, а просила пить, неизменно прибавляя: «Но, святой воды» — и, выпив, крестилась. Сколько искренности и чистоты в вере детей, и как понятны слова Спасителя, что их есть царство небесное! Какая была радость иметь возможность объявить Императрице, что ее дочь вне всякой опасности! Государыня слушала мой рассказ о том, что произошло ночью, много плакала. Впоследствии Государь пожаловал основанному Лукерьей Серафимо-Понетаевскому монастырю 600 десятин земли. Выздоровление Великой княжны пошло довольно быстро, и уже 25 числа она была в состоянии встать с постели в первый раз.

Невыразимо было счастье Императрицы при виде дочери, хотя слабенькой и бледной, но совсем выздоравливающей. Ухаживавшие за Великой княжной во время ее болезни служанка и две племянницы камер-фрау Тизенгаузен заболели скарлатиной, от которой служанка Пелагея даже чуть не умерла.

В первых числах октября месяца в состоянии здоровья Императрицы-матери стали обнаруживаться тревожные явления. Предшествующую зиму она провела в Ницце и вернулась в Россию 26-го июля, нося на лице отпечаток изнурительной болезни, которая вскоре и прекратила ее дни. Как только наступили первые осенние холода, симптомы недуга обострились; доктор Императрицы

ВЕДЪ СЕРАФИМО ДИВЪЕНА МОНАСТЪРН СЪ СЪКОМЪ МАЛАДЕЙ СТОРОНЫ

Карель объявил ей, что не может ручаться за ее жизнь, если она будет настаивать на проведении осени в Петербурге. «А если бы я уехала, могли бы вы поручиться за нее»? — «Жизнь в руках Божьих, ваше величество», — ответил уклончиво доктор. «Мой добрый Карель, — сказала ему Государыня с тем простым величием, которое ее отличало, — русской императрице не подобает умирать на больших дорогах: я остаюсь». Говорят, она много плакала, однако, в этот день, приняв же решение остаться, вскоре успокоилась.

16-го болезнь быстро пошла вперед. Императрица-мать подверглась припадкам удушья, за которыми следовал продолжительный и полнейший упадок сил. Очень беспокоились, что Государю, которого ожидали к 9 часам вечера, опоздает и не застанет своей матери в живых. Императрица Мария Александровна, плохо оправившаяся от родов, так как выздоровление ее замедлилось от почти постоянных душевных тревог, сильно волновалась и, вопреки мнению врачей, непременно хотела поехать в Александровский дворец. Получив же весьма тревожную записку от Великой княгини Марии Николаевны, сообщавшей, что Императрица-мать умирает, она, никого не слушая, поспешила к своей свекрови. Но тревога была напрасна: больная успокоилась и заснула.

Государь приехал вечером, очень усталый и по виду очень больной. Ночь он провел в Александровском дворце вместе с Императрицей, комната которой была холодная.

1-го октября приехали Великая княгиня Ольга Николаевна и Великий князь Михаил Николаевич; таким образом, все дети собрались около умирающей матери, чтобы получить ее последнее благословление.

18-го Государь предложил ей причаститься еще раз. «Возможно ли это? Какое счастье!» — сказала она и причастилась с большим умилением. Великая княгиня Ольга Николаевна и Великий князь Михаил Николаевич должны были приехать вечером. Она ждала их с нетерпением и

в минуты бреда с тоской призывала их обоих. Для приема Ольги Николаевны она велела подать себе нарядный чепец. Около семи часов больная почувствовала себя очень удрученно и пожелала перейти с кровати на кушетку. Государь и его братья перенесли ее на руках; когда же ее спросили, не утомило ли ее это перемещение, она ответила: «О нет, носильщики были такие милые!». В эту минуту Императрицу окружали все ее близкие; она издавала радостное восклицание и сделала движение рукой, как бы благословляя их всех. Государю она передала футляр с убором из аметистов, который предназначила Императрице Марии Александровне как крестильный подарок; но до передачи она некоторое время держала его в руках и внимательно рассматривала.

Ночь была очень беспокойна: Императрица совсем не уснула и в бреду призывала Императора Николая, дочь Александру Николаевну, зятя герцога Максимилиана Лейхтенбергского и других умерших членов семьи, и обращалась к ним, как бы видя их возле себя.

19-го Императрица Мария Александровна, хотя еще очень хворавшая, пожелала с утра вернуться в Александровский дворец. Около часа я получила от нее записку следующего содержания: «Просят мантию Серафима, чтобы успокоить сильное волнение Императрицы. Пришлите мне ее». Час спустя я отвезла Великого князя Сергея в Александровский дворец. Там мы застали всех коленапреклоненными в комнате, смежной с той, где лежала Императрица-мать. Читали отход-

Мантия св. прп. Серафима Саровского

ную. Впоследствии Императрица (Мария Александровна) рассказывала мне, что когда принесли мантию Серафима, Государь обратился к своей матери со словами: «Вот святыня, которую Мари вам посылает; она облегчила ее в болезни. Позволили ли возложить ее на вас?» — «С радостью», — ответила больная. Почти тотчас она успокоилась, и вдруг, как будто мысль о близкой кончине внезапно озарила ее душу, она сказала сыну: «А теперь я хочу тебя благословить и проститься со всеми!» Затем она довольно долго говорила с ним, но язык ее уже коснел, и речь ее была до того невнятна, что Государь разобрал только слова: «Теперь все ляжет на тебя одного!» Далее наступило одно из самых величественных и трогательных зрелищ, какое

Личные вещи св. прп. Серафима Саровского

когда-либо приходилось видеть. Умиравшая Императрица лежала на кровати посреди обширного покоя, боковые двери которого с двух сторон были настежь открыты. В течение часа проходили мимо ее смертельного одра один за другим медленно и торжественно не только все члены многочисленной Царской Семьи и друзья дома, но и лица свиты и вся прислуга, до простого истопника включительно. Каждый подходил и целовал в последний раз руку умирающей монархини. Слабым голосом она повторяла *«прощайте, прощайте все!»*! К тем, кто ее любил и знал, и кто служил ей в течение долгих лет ее молодости, счастья и величия, она обращалась с последним взором любви, с последним знаком благоволения. И это расставание, величественное и простое, было достойным завершением жизни королевской дочери и царской супруги, сохранившей среди обаяния могущества, которым окружила ее судьба, смирение, любящее, доброжелательное и детски чистое сердце.

Было 8 часов, я должна была вернуться к детям, которые вставали в это время; когда я вошла, меня остановил камердинер Императрицы и сказал: *«Для разрешения ее души прикажите открыть в церкви царские двери»*. Молитва перед открытыми царскими дверями облегчает и ускоряет борьбу души

с телом. Я зашла к отцу Иоанну Васильевичу (Рождественскому) и просила его отворить царские двери. На это утро я пригласила отца Добронравина, приславшего

мантию Великой княжне, отслужить у нее в комнатах панихиду по отцу Серафиму, и едва он приехал, как вошел камердинер и доложил: *«Ее величество скончалась!»*

При этом известии отец Добронравин сказал: *«Мы будем молиться за нее в одно время с отцом Серафимом; пусть первая панихида по ней будет под кровом его молитв»*. Божественную службу он совершил одновременно за упокой душ Серафима и Императрицы, и таким образом на самой первой панихиде по ней ее имя слилось с именем святого, который был современником царствования Императора Николая, в своем уединении, несомненно, призывал на него и на нее заступничество свыше. Императрица любила Серафима, верила в его святость, говоря о нем, называла его своим добрым старичком, и однажды призывала к себе одного из его учеников, иеромонаха Иоасафа, для того, чтобы он поведал ей о его жизни и кончине.

Императрица Мария Александровна с детьми Сергеем и Павлом. Фотограф С.Л. Левицкий

С.В. Демидов

Восстановление кельи преподобного Серафима в Саровском монастыре в 2003 году

Впервые о восстановлении храма в честь преподобного Серафима в Саровском Успенском монастыре я услышал от архимандрита Георгия (Данилова) в бытность его экономом Свято-Троицкой Сергиевой лавры. В это время уже состоялось заседание Священного Синода, на котором было принято решение о хиротонии отца Георгия во епископа Нижегородского и Арзамасского, и он постепенно входил в курс дел епархии. Особенно его заботили предстоящие торжества, связанные с празднованием столетия со дня канонизации преподобного Серафима. За весьма сжатые сроки необходимо было выполнить огромный объем ремонтно-

реставрационных работ и, в первую очередь, в Сарове и Дивеево. Незадолго до этого по центральному телевидению прошла информация об обнаружении в трапезной части церкви в честь преподобного Серафима в Саровском монастыре основания кельи этого угодника, в стенах которой он жил и отошел ко Господу.

Через некоторое время по просьбе владыки Георгия я в составе небольшой группы специалистов посетил Саров и Дивеево, где воочию увидел предстоящие объемы работ. По возвращении в Москву я получил от нижегородского архипастыря благословение на разработку проекта реставрации кельи [1].

Прежде всего, предстояло провести обследование основания

кельи и подобрать исторические иллюстративные материалы по ней.

Южный келейный корпус монастыря, в котором была келья преподобного Серафима, построили в 1779 году. Поскольку корпус стоял на крутом косогоре, то северный фасад, выходящий на монастырский двор, был одноэтажным, в то время как южный уличный фасад имел уже два этажа. Простоял этот корпус в обители до 1897 года, когда его разобрали за исключением кельи преподобного Серафима в связи со строительством на этом месте по проекту архитектора А.С. Каменского нового храма в честь Пресвятой Троицы. Мемориальная келья попала под своды трапез-

Э.Н. Поздышев, эконом Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Георгий (Данилов) и зам. эконома В.В. Дмитриев

ной части нового храма, который в связи с предстоящей канонизацией преподобного Серафима решили освятить в его честь [2]. Богослужения во вновь освященном храме совершались недолго. После закрытия Саровского монастыря в 1927 году, здание церкви в послевоенные годы (в 1949 году) было приспособлено под Саровский драматический театр, а келью разрушили.

Натурные исследования фрагментов кельи начались после разборки театрального оборудования. От неё сохранилась нижняя часть на глубину около одного метра ниже уровня пола храма. К сожалению, ко времени начала исследовательских работ по келье, из её сохранившегося подполья был удален весь строительный мусор. В реставрационной практике такие работы проводятся под надзором архитектора-реставратора, поскольку в этом мусоре могли встретиться фрагменты архитектурных деталей от убранства кельи: профили карнизов, обломки изразцов печи, оконных рам, штукатурки стен и так далее. Но, что утрачено – то утрачено.

После расчистки основания кельи было установлено, что в XVIII веке корпус был сооружен из большемерного кирпича размером 31x15,5x8 см на чистом известковом растворе. Внутренние габариты кельи составляли (см) 353 (север-юг) x 345 (восток-запад). Первоначально стены кельи имели разную толщину. Так, наружная южная стена была толщиной 94 см,

восточная, выходившая в сени, 72 см, западная 48—50 см и северная, у которой стояла изразцовая печь-лежанка, 62 см. После сломки корпуса южная стена осталась без изменений, а вот толщину других стен увеличили за счет устройства к ним прикладок из маломерного кирпича. Это позволило придать келье снаружи кубическую форму. Прикладка выполнялась на известковом растворе желтого оттенка из-за вкрапления в него крупного песка, толченого кирпича, комочков извести. По периметру стен кельи в полу были обнаружены следы от бронзового футляра над кельей и металлической ограды вокруг неё, которые были сделаны в 1908 году на московской фабрике Н.В. Немирова-Колодкина [3].

Наиболее тщательные исследования проводились по восточной и северной стенам. В первой находилась дверной проём, от которого могли остаться следы, а у второй стояла изразцовая печь-лежанка, отпечатки которой также могли сохраниться. Ожидания наснеобманули. После осторожного удаления поздних закладок и наслоений цемента в известковом растворе сохранившейся кладки восточной стены был обнаружен четко читающийся след-отпечаток нижней обвязки дверной коробки шириной 105 см (полтора аршина), выполненной из бруса сечением 13,5x13,5 см (3 x 3 вершка). Поскольку коробка была закладной, то она устанавливалась одновременно с кирпичной кладкой стен. Под коробку попал жидкий известковый раствор, кото-

рый после застывания и сохранил отпечаток коробки. Под северную сторону коробки при её монтаже был подбит деревянный выравнивающий клин, который, несмотря на все перепетии в истории кельи, сохранился. Ныне он находится в музее «Саровская пустынь». На этой же стене, ниже уровня коробки, были обнаружены сохранившиеся на известковой обмазке подполья кельи потёки копоти. Образовались они в тот момент, когда монахи тушили снегом и водой загоревшиеся книги и вещи в келье от упавшей свечи после смерти батюшки Серафима.

Северная стена кельи дошла до нашего времени с большими утратами и вычинками из силикатного кирпича. Поэтому на стене никаких следов от печи-лежанки обнаружить не удалось. Зато при расчистке свода подполья на нем нашёлся след от фундамента печи, который давал её габариты.

Поскольку южная стена кельи была уличной, то для реконструкции её первоначального вида были изучены другие сохранившееся в монастыре келейные корпуса. Сооружены они были если не одновременно с южным, то с очень небольшим временным разрывом. На дошедших до нашего времени корпусах наличники окон, карнизы и их габаритные размеры оказались практически одинаковыми. Это давало нам достаточно аргументированный материал для реставрации южного уличного фасада кельи преподобного Серафима и оконных проёмов. Более того, после сноса келейного корпуса и постройки церкви, оконные наличники нового корпуса келий конца XIX века, примыкающие к храму с востока и запада, повторили декоративную отделку XVIII столетия. Подобный приём сохранения декоративного убранства ранних памятников при их перестройке встречается довольно часто и связан, видимо, с деятельностью Императорского Археологического общества, которое довольно ревностно следило за переделками старинных зданий и ансамблей. Кроме того, были обследованы изнутри оконные проёмы в сохранившихся келейных корпусах XVIII века. Это дало дополнительный материал о высоте расположения подоконников от пола и потолка от верха арочного оконного проёма, что, в свою оче-

Часовня над кельей св. прп. Серафима Саровского.
Фото 1903 года. РГАКФД

редь, помогло определить высоту кельи преподобного Серафима изнутри.

По благословию епископа Нижегородского и Арзамасского Георгия восстановление кельи велось по реставрационной методике на период 1903 года— времени освящения храма. В таком виде мемориальная келья простояла пять лет, до сооружения над ней в 1908 году помпезного бронзового футляра, и более отвечала своему первоначальному назначению. Сначала был восстановлен весь объем кельи в том виде, как она была при жизни преподобного: стены выложены из специально изготовленного большемерного кирпича, применявшегося при сооружении корпуса в 1779 году, с соблюдением рисунка кирпичной кладки и порядовки. В тех местах, где стены кельи продолжались в смежные помещения, которые затем (при сооружении храма) были отломаны, оставались штрабы. После того как стены кельи были восстановлены в старых габаритах, северная и западная стены, как и на рубеже XIX—

XX веков, были доложены маломерным кирпичом, в результате чего келье были возвращены габариты на период начала XX века.

Говоря о восстановлении кельи, не могу умолчать об одном из нескольких случаев явной помощи батюшки Серафима в этой напряженной работе. Разрабатывая чертежи на кладку стен, я должен был выдать и рабочий чертеж на печной затоп, находившийся в сенях в северной стене, разделявшей смежные кельи, откуда осуществлялась топка печей как в келье преподобного Серафима, так и в соседней с ней. Просидев до позднего вечера над этим чертежом, я отправился спать, не имея полной уверенности в пра-

Кувуклия над кельей преп. Серафима.
Фото после 1908 г.

План кельи преподобного Серафима.
Проект реставрации

6

...Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келию его. Батюшка Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как во всех двойных кельях саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садитесь извольте. И усадив меня, прибавил:

— Ну, вот сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам [4].

Таким образом, буквально через несколько минут, мне стало ясно, на каком уровне и как был устроен печной затоп, на какой высоте находилась вышка для закрытия трубы дымохода.

Большой информационный материал содержали и старые фотографии кельи. Наиболее ценные фотографии прекрасного качества были предоставлены директором издательства «Отчий дом» М.Е. Шкатовым, который готовил к

вильности принятого решения. Перед сном взял почитать книгу о преподобном и, открыв её совершенно произвольно, увидел следующие строки из воспоминаний Н.А. Мотовилова: «Однажды... в начале зимы 1831 года, во вторник ... я стоял во время вечера в тёплом соборе Живоносного Источника... Тут подошла ко мне одна из сестёр Мельничной общины Дивеевской... Эта сестра сказала мне:

— Ты что ли хромёнький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну так, сказала она, — иди к батюшке, — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Остатки фундамента кельи св. прп. Серафима Саровского.
Фото В. Степашкина

6

выпуску большой альбом, посвященный преподобному Серафиму, и в связи с этим собрал интересный и довольно большой по объёму иллюстративный материал [5]. Благодаря этим фотографиям удалось максимально точно восстановить декоративное убранство шатрового завершения кельи и её фасадов, дверь в келью со скобяными изделиями, оконные блоки, изразцовую печь-лежанку. На фото достаточно четко просматривалась обтянутая изнутри холстом дверь, выполненная из двух широких досок с врезными шпонками и кованными петлями-жиковинами на металлических подставах. Последние, при восстановлении кельи, были изготовлены по образцу петли рубежа XVIII—XIX веков из Саровского монастыря, хранящейся в музее «Саровская пустынь». В дверь был врезан подлинный замок XIX века, изготовленный на заводе Баташовых. О том, что врезной замок в двери был, свидетельствуют как воспоминания современников батюшки Серафима [6], так и приведенные выше фото.

О восстановлении изразцовой печи следует сказать особо. Сохранилось две фотографии интерьера кельи, сделанные из храма через открытую дверь кельи. На них частично видна и изразцовая печь, но расположение на фотографиях изразцов разное, что свидетельствует о её ремонте до 1908 года, когда над кельей был устроен бронзовый футляр. Кроме того, сохранилось несколько литографий, гравюр и икон с изображением интерьера кельи с печью. Эти изображения довольно четко делятся на две категории: выполненные в Саровском монастыре и те, что изготовлялись вне его стен. Первые достаточно документированно передают интерьер кельи и даже количество и расклад изразцов на печи-лежанке, в то время как вторые изображают келью весьма условно. Для разработки документации на печь использовались фотографии и выполненные в монастыре гравюры. По фотографиям достаточно четко читался рисунок на изразцах. Описание интерьера кельи и печи, в частности, было опубликовано в хронике торжеств освящения храма в «Прибавлении к церковным ведомостям»: «... В келлии собраны сохранившиеся вещи преп. Серафима. Здесь сохранилась печка с лежанкою,

Епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий совершает закладку кельи св. прп. Серафима Саровского

6

Восстановление кельи св. прп. Серафима Саровского

6

облицованная зелёными изразцами с изображением цветка...» [7].

В XVIII столетии не только Нижегородскую, но и соседние губернии обеспечивали изразцами мастера из Балахны [8]. В фондах Балахнинского краеведческого музея собрана хорошая коллекция изразцов местного производства. Здесь и был обнаружен очень близкий по рисунку изразец (только синего цвета) к тем, что использовались при устройстве печи в келье батюшки Серафима. Раскладка изразцов по вертикали дала высоту кельи от пола до потолка, которая почти полностью совпала с аналогичными размерами, полученными в результате анализа габаритных размеров сохранившихся оконных проемов XVIII века в кельях Саровского монастыря. Изразцы для печи были в сжатые сроки изготовлены керамистами из Ярославской реставрационной мастерской (генеральный директор В.Д. Шаульский). Единственное, чем пришлось поступиться при изготовлении изразцов, так это толщиной полихромной эмали рисунка. Дело в том, что в старину балахнинские изразечники наносили рисунок толстым слоем, вероятно, в несколько приёмов, благодаря чему рисунок изразца получался рельефным.

Сложнейшую работу провели и специалисты ЗАО «Агей-7» (Москва), трудившиеся над изготовлением бронзовой кровли кельи. Необходимо было изготовить несколько сотен штук полукруглой черепицы для кровли шатра, вылепить модели тончайшего растительного узора в кокошниках, изготовить их декоративное обрамление и сами кокошники, провести контрольную сборку шатра в Москве, и уже после этого, за считанные дни, собрать завершение в Сарове. С этим заданием специалисты под руководством генерального директора В.А. Агейченко успешно справились. Специалисты этой же организации чуть позже получили другой почётный заказ – изготовить к юбилейным торжествам макеты кельи преподобного Серафима, которые в дни празднования были преподнесены Президенту России В.В. Путину и Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию [9].

Убранство интерьера кельи воссоздавалось по старым фото и воспоминаниям современников препо-

Епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий освящает купола для храма во имя св. прп. Серафима Саровского

Икона св. прп. Серафима Саровского

6

Келья св. прп. Серафима Саровского.
Фото 1903 г.

6

Потёки копоти на сохранившейся стене кельи.
Фото В. Руднева

добного. Все собранные ныне к келье вещи являются либо подлинными памятниками первой трети XIX века, то есть современными для батюшки Серафима, либо муляжами. К первой категории вещей относятся книги, церковная утварь, иконы, самотканые холсты. К сожалению, в предпраздничной спешке не удалось сделать спроектированный по старым литографиям столик в красный угол кельи и его место занимает ныне нелепый стол на точечных ножках. В комплекте со столом в келью были внесены скамья и подсвечники. Требуется переделка печного карниза, при протяжке которого был пропущен один профиль – валик. Изначально в келье были полы из более широких досок и без плинтусов. Кроме того, по воспоминаниям современников, пространство между рам у преподобного Серафима было заполнено до верхней фрамуги скрученными в трубочки записками.

С благодарностью вспоминаю совместную работу по воссозданию кельи под общим руководством епископа (ныне архиепископа) Георгия с протоиереем Германом Здоровым, И.И. Вардаковым, В.В. Гусаковым, В.А. Рудневым, Ю.А. Журавлёвым. Им прежде никогда не приходилось сталкиваться с производством реставрационных работ с подобными специфическими требованиями. Все

Изразцы XVIII века в экспозиции краеведческого музея г. Балахны – ближайшая аналогия для изразцов печи-лежанки в келье прп. Серафима

6

Фрагмент фотографии с интерьером кельи. Изразцовая печь

6

Интерьер воссозданной кельи св. прп. Серафима Саровского

возникавшие в ходе реставрации трудности они разрешали спокойно и по-деловому, благодаря чему работы по храму были выполнены в срок и на высоком профессиональном уровне. В результате проведённых работ келья получилась действительно мемориальной благодаря собранным в интерьере подлинным вещам времени преподобного Серафима, что не раз отмечалось совершенно разными людьми, начиная от Президента России В.В. Путина и Святейшего Патриарха Алексия II и кончая рядовыми верующими.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в келье батюшки Серафима. Фото А. Козориза

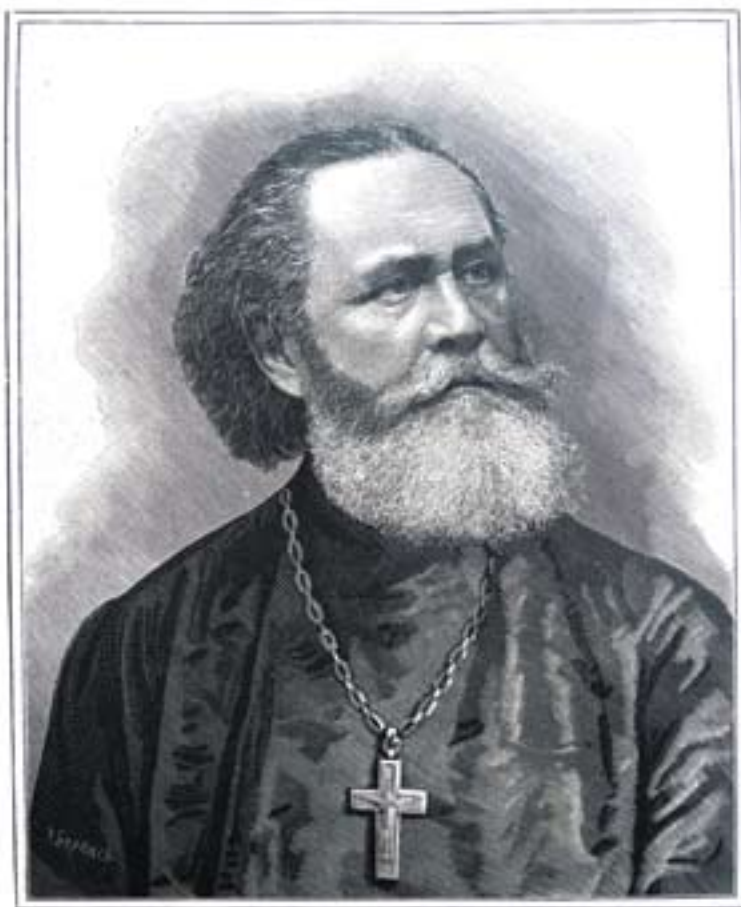
Примечания:

1. Ко времени моего приезда в Саров проект восстановления кельи преп. Серафима был сделан кем-то из местных архитекторов, никогда не работавших в области реставрации памятников. В связи с этим он был выполнен в весьма произвольной форме и не мог быть принят к осуществлению.
2. История строительства храма цитируется по книге Подурец А.М. Саров: памятники истории, культуры православия. Саранск, 1999. С. 199—201.
3. Подурец А.М. Указ. соч. С. 201.
4. Куломзина К. Преподобный Серафим Саровский – Великий старец Земли Русской. Без выходных данных. С. 58—59.
5. Издательством «Отчий дом» (г. Москва)

осуществляется издание целой серии книг под названием «Библиотека батюшки Серафима».

6. Детские воспоминания Надежды Аксаковой о преподобном Серафиме. Опубликованы в Серафимо-Дивеевском православном календаре-сборнике на 2003 год, с. 108. Когда Н. Аксакова с родителями подошла к келье преподобного Серафима, то они нашли её запертой. Подошедший к ним дежурный монах озабоченно проговорил: «Убёг!», поверачивая в руках ненужный теперь ключ от опустевшей келии».

7. Из Сарова и Дивеева. Серафимовский Дивеевский православный календарь-сборник 2003 года. С. 115.
8. Агафонов С.Л. Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987. С. 259—260.
9. Фото макета кельи опубликовано в книге «Саровская святыня». Авторы-составители: игумен Тихон (Затёкин), О.В. Дегтева, В.А. Степашкин. Нижний Новгород, 2004. С. 92.

Известные нижегородцы.

Протоиерей Михаил Раевский

Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский родился в 1811 году в городе Арзамасе Нижегородской губернии в многодетной семье иерея Фёдора Герасимова и его жены Евдокии. Федор Герасимов первоначально служил дьяконом в Арзамасском Николаевском женском монастыре, а затем после рукоположения в сан священника был определен в Благовещенский приход в качестве второго священника [1].

При составлении ревизии священнослужителей и их семейств по городу Арзамасу за 1815 год про иерея Федора Герасимова была сделана следующая запись: «Да к оной же церкви по 6-ой ревизии в штатное положение на означенное убылое священническое место поступил и ныне находится с его мужского пола духовного звания

семейством Священник Федор Герасимов – 34 лет, который в 6-ую ревизию писан был сего же города Арзамаса при Николаевском девичьем монастыре на штатное церковное место дьяконом.

Вид г. Арзамаса. Фото начала XX века

6

Фрагмент Ревизской сказки духовенства Арзамасского уезда с записью о семье священника Федора Герасимова. 1853 год.
ЦАНО

6

Священника Федора Герасимова дети: Николай 11 лет обучается в Нижегородской семинарии; Дмитрий – 6 лет и Михаил – 4 лет при отце состоят праздными» [2].

Так же, как и его старшие братья — Дмитрий и Иван в девятилетнем возрасте Михаил поступил в Нижегородскую Духовную семинарию, где ему по решению начальства была присвоена уже новая фамилия — Раевский. С этой же фамилией в первой половине XIX столетия из стен Нижегородской семинарии выпускались и другие воспитанники [3].

Получив первоначальное образование в Нижегородской семинарии, Михаил Раевский, как наиболее отличившийся и способный ученик, с благословения епископа Нижегородского и Арзамасского Афанасия (Протопопова) поступил в 1829 году в Санкт-Петербургскую Духовную академию.

Состав академического курса в то время образовывался из лучших семинарских воспитанников, которые были направляемы местными Преосвященными в Санкт-Петербург для получения высшего духовного образования преимущественно из столичного округа, остальные

же студенты принимались из прочих семинарий, исключая самые отдалённые регионы [4].

Направление Михаила Раевского именно в Санкт-Петербургскую академию было не случайным. Епископ Афанасий (Протопопов), давший свое благословение выпускнику Нижегородской семинарии на получение высшего богословского образования, будучи ещё иеромонахом, магистром богословия в период с 1814 по 1816 год являлся прежде инспектором в данной академии. Ректором же академии в то время был доктор богословия, архимандрит Иоанн (Доброзраков), назначенный на эту должность в 1826 году. Впоследствии архимандрит Иоанн будет возведён в епископский сан и в 1835 году назначен на нижегородскую кафедру [5].

Столичную академию Михаил Раевский окончил в 1833 году при ректоре, архимандрите Виталии (Щепотове) в звании кандидата богословия [6].

В этот же год, по поручению комиссии Духовных училищ, академию обозревал с инспекцией член Святейшего Синода, обер-священник армии и флота В.И. Кутневич. После знакомства

с академией он в своем рапорте в Синод написал: «...учебная часть в академии находится вообще в благоустроенном состоянии: наставники, частью по назначенным классическим книгам, частью по собственным запискам, преподавали назначенные им предметы с надлежащею полнотою и основательностью; воспитанники академии во всех преподаваемых предметах, равно как и в языках, оказали успехи очень хорошие, что можно было видеть как

Епископ Нижегородский и Арзамасский Афанасий (Протопопов)

6

Санкт-Петербургская Духовная академия. Гравюра конца XIX века

Государь Император Александр II

из устных их ответов, так и письменных сочинений...» [7].

Комиссия Духовных училищ имела своим правилом, что воспитанники, окончившие полный курс обучения в академии, были определяемы на наставнические места не ранее того, как получат ученые степени, чему всегда предшествовало рассмотрение их сочинений. Выпускникам при определении на службу выдавались на первое время «подъемные» в размере 28 рублей серебром [8].

После академического курса Михаил Раевский был определен губернатором и учителем в Дом воспитания бедных детей Императорского человеколюбивого общества, но прослужил здесь меньше года. 21 мая 1834 года он был рукоположен в сан иерея и назначен настоятелем посольской Спасо-Преображенской церкви в Стокгольме. Прослужил священником Михаил Раевский в Швеции в течение восьми лет [9].

В 1838 году, во время большого европейского

Епископ Порфирий (Успенский)

путешествия, Стокгольм посетил наследник-цесаревич, Великий князь Александр Николаевич, будущий Император Александр II. По этому случаю в церкви произвели ремонт и выписали из Санкт-Петербурга новые облачения, набор праздничных икон, пять больших икон в позолоченных рамах и плащаницу. 20 июня 1838 года двадцатилетний Великий князь Александр Николаевич присутствовал на богослужении, о котором впоследствии один из очевидцев вспоминал: «Священник посольства служил прекрасно. Матросы нашего парохода пели хором на клиросе» [10].

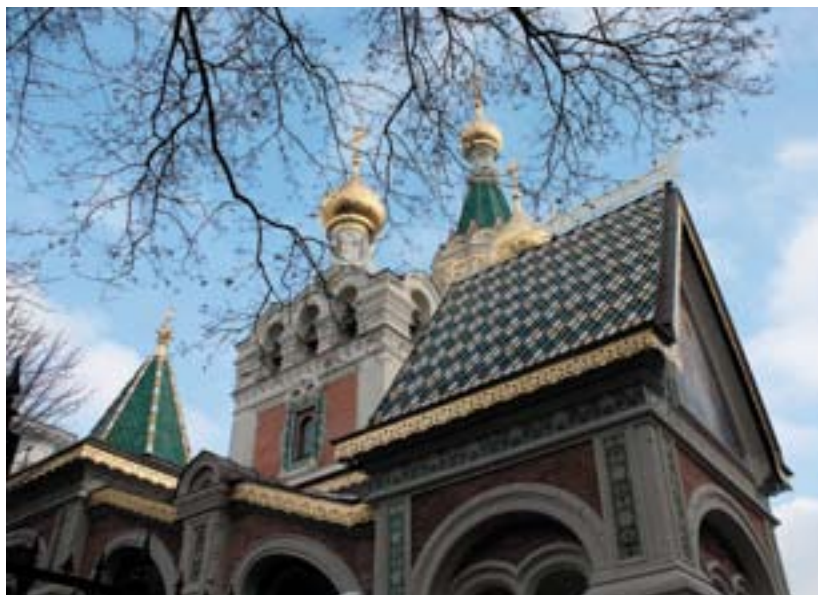
Никольский собор города Вены

Проходя своё служение в Стокгольме, отец Михаил был избран членом копенгагенского общества северных антиквариетов и публиковал в «Журнале Министерства Народного Просвещения» свои статьи о шведских училищах, в особенности подробно рассказав об Упсальском университете [11].

В 1842 году, по указу Святейшего Синода, настоятель Николаевского собора города Вены, архимандрит Порфирий (Успенский) был отозван в Россию, и на его место 28 июня того же года назначили иерея Михаила Раевского. В этом храме отец Михаил прослужил 42 года. Он вошёл в историю как один из родоначальников идеи созыва славянского съезда в России в 1867 году. При нем

Православная церковь в Вене стала духовным центром славян, проживавших на территории тогдашней Австро-Венгрии.

28 сентября 1847 года митрополит Карловацкий Иосиф (Раджнич) возвёл иерея Михаила Раевского в сан протоиерея. Поводом же для «...возведения в протоиерейство венского настоятеля была не блестящая научная слава, а его политика. И поведение его было настолько осторожно, что само придирчивое австрийское правительство, следовавшее за малейшим духовным движением славянских народностей и всюду видевшее русские подкупы, не нашло ни одного случая привязаться к Раевскому, дом которого был сборным пунктом всех славян, посещавших Вену» [12].

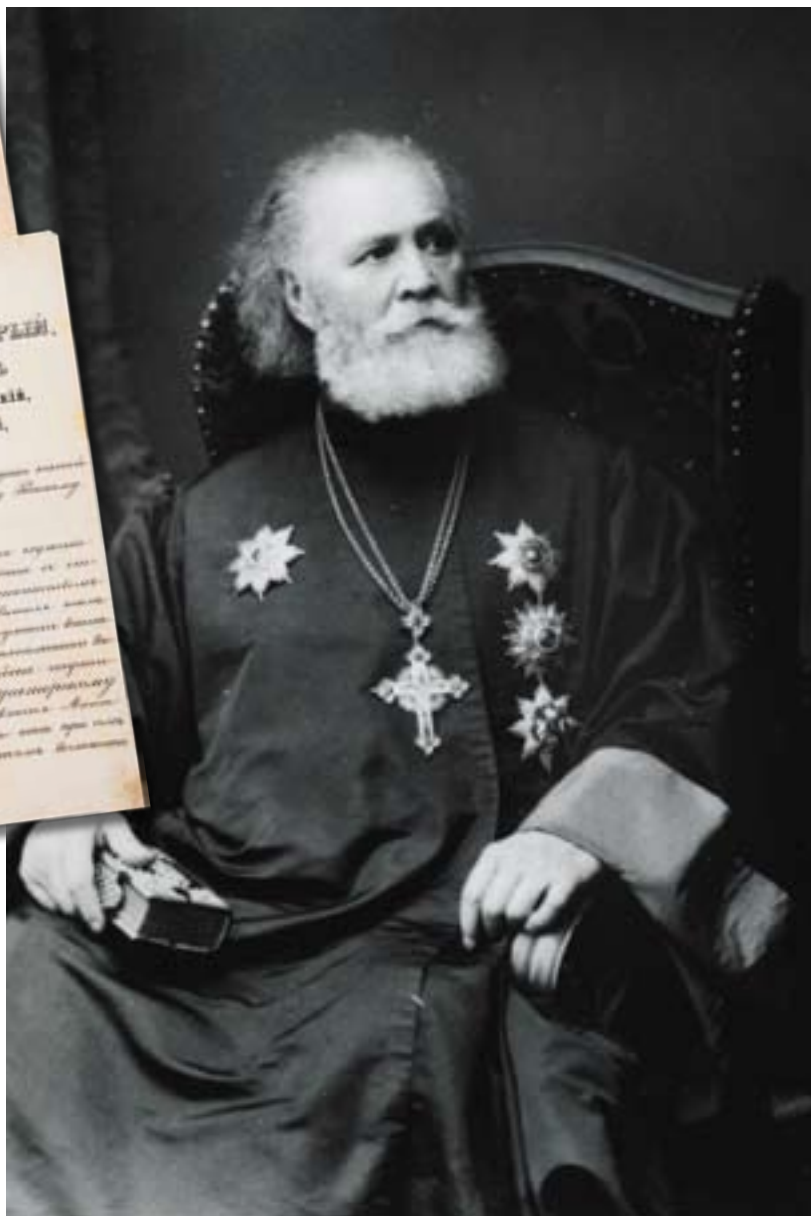

Проживая в Вене, он познакомился со знаменитыми славистами — О.М. Боданским, И.И. Срезневским, Прейсом, В.И. Григоровичем. Посетивший Чехию, Моравию, Венгрию и Сербию, отец Михаил стал на долгое время посредником между русскими и славянскими учеными в их литературных сношениях. Он был свидетелем событий 1848–1849 годов, когда шли военные действия в Герцеговине. В 1850 году он издал книгу «Описание Герцеговины», которая была встречена одобрительными отзывами со стороны славянских газет. С 1849 по 1861 год им было издано два сочинения на французском и три на немецком языках о некоторых богослужебных книгах Восточной церкви. Личные его знакомства со славянскими учеными, литераторами и выдающимися политическими деятелями были весьма обширны. Учащаяся молодежь, не говоря уже о русских, сербах, болгарях, чехах, всегда находила у него нравственную и материальную поддержку [13].

Всерусским путешественникам была известна уютная квартира настоятеля Венского Никольского собора. По воспоминаниям современников, отец Михаил был гостеприимным хозяином: «...кто не помнит ее радушного хозяина, громкий, большою частью шутливый тон его речи? Более 40 лет прожил он в этой квартире, и какая масса народа разных наций и языков перебивала в ней?! Все они, без сомнения, не забыли крупную, импонирующую личность представителя русской православной церкви» [14].

Все сорок два года своей жизни в Вене протоиерей Михаил Раевский следил за «...возбуждением в славянстве великой идеи братского тяготения к Православной Руси, как оплоту против влияний, разъедающих славянское единство. Одно из этих первостепенных влияний — католицизм во все времена и средневековой истории (с XI века) враждебно смотревший и действовавший на православие в славянстве ради видов всемирного преобладания Рима» [15].

Целью отца Михаила было объединение славянства, «...которое было достигнуто в 1871 году, но

Протоиерей Михаил Раевский. ЦГАКФД

в 1848–1849 годах оно не удалось, потому что началось в Австрии революцией и вооруженным восстанием, против правительства страны, где немецкий элемент уступал славянству и мадьярам. Последние были побеждены помощью России, действовавшей в интересах славянства, которому до 1861 года в Австрии и предоставлена была доля свободного развития» [16].

С 1830-х годов вокруг священника Раевского постоянно группировались славянофилы и славянские деятели Австрии и Турции. Отец Михаил был всегда посредником между ними. «Московские славянофилы встречались в его доме с чешскими славистами, с словаками, с хорватами и сербами и вели беседы о единении всех славян. Кроме собирателей преданий славянства и воскресителей народного языка, Штура, Гая, Вука Стефановича, Раевский знал близко поколение славянских героев и вождей: князя Милоша сербского, патриарха Раячича и черногорского князя Петра. Австрийское правительство всегда внимательно следило за Раевским, подсылало к нему агентов из славян, но никогда

не могло открыть ничего предосудительного в поступках пастыря-славянофила...» [17].

Служа за границей в Вене, протоиерей Михаил Раевский, кроме митры, был Высочайше удостоен права ношения и других наград: ордена Св. Анны I степени, Св. Владимира II степени, а также имел черногорский орден Данила I степени со звездой и сербский орден Св. Иакова II степени со звездой [18].

Российский Император Александр II очень почитал и любил протоиерея Михаила Раевского за его политические взгляды и ревностное служение.

Активная общественная деятельность отца Михаила не

могла не сказаться на его здоровье. Он страдал заболеванием сердца на протяжении последних двадцати лет жизни. Летом он, как правило, уезжал на лечение в Чехию, на курорты Мариенбад и Карлсбад, где получал некоторое облегчение от своего недуга [19].

В 1883 году скончалась супруга отца Михаила, что окончательно подорвало его здоровье. Незадолго до смерти он написал духовное завещание, по которому значительную часть своей библиотеки пожертвовал в Московскую Духовную академию. Умер отец Михаил на 73-м году жизни, 2 мая 1884 года в 2 часа дня от анемии сердца, не дожив 19 дней до 50-летнего юбилея своей пастырской деятельности.

«...Еще за несколько дней до смерти никто не мог предвидеть критического поворота обнаружившихся в больном легких припадках простуды ревматизма; но уже накануне рокового дня крайний упадок деятельности сердца встревожил всех. Тем не менее больной находился в полном сознании, сделал все необходимое распоряжения, дважды сподобился приобщиться св. Таин и за несколько часов до смерти продиктовал духовное завещание и подписал его твердою рукою. Многие из его знакомых и

почитателей не оставляли его до последней минуты» [20].

Согласно завещанию протоиерея Михаила Раевского, его тело должно было быть отправлено для погребения в Санкт-Петербург. «...До приезда старшей дочери, гроб с бранными останками был поставлен в местной церкви, где и совершаемы были ежедневно литургия и панихиды по усопшему. Для отдания последних почестей были вызваны настоятели — иромской церкви в Венгрии и пражской церкви — в Богемии.

5 мая, в 2 часа пополудни, была совершена последняя панихида, пред началом которой помощник покойного настоятеля, священник В.А. произнес прочувствованное слово, просто и правдиво охарактеризовал, какое горестное чувство вызвала у всех эта неожиданная кончина маститого пастыря.

Пред окончанием панихиды настоятель иромской церкви сказал прощальную речь, приблизительно следующего содержания: «Блажен путь, в оне же идиши, яко уготовася тебе место упокое-

ния». Быстро, неожиданно настиг тебя этот путь, многопочтенный и незабвенный служитель Божий в виду этого пути мы не можем, мы не смеем еще и еще не напутствовать искренним христианским прощальным пожеланием. Блажен путь, в оне же идеши... Ибо ты, как представитель православной русской церкви, как русский деятель с патриотической душой, православною мыслию, с многообъемлющим славянским сердцем, имел великое счастье резкою чертою обозначить жизненный путь своего пятидесятилетнего делания. Твое имя не только на св. Руси, но и всюду, где бьется славянское сердце, произносилось и будет произноситься с чувством признательного почтения. И мы не обинуясь свидетельствуем, что все эти сердца, особенно православного духа и знания, дрогнули в глубокой печали при вести о твоей неожиданной кончине... Иди же с миром в пределы нашего дорогого отечества, о чести и радости которого ты много потрудился даже до смерти. Туда зовет тебя родная могила той, с которой ты делил и радости и горести твоей долголетней жизни. Там встретят тебя иные почести, более достойные тебя, как дань доброй похвалы заслугам твоим, чем те, какими мы могли, по условиям нашего быта и жизни, напутствовать тебя. Там и твою могилу с любовью оросят тысячи искренних слез твоих родных, твоих друзей и почитателей. Гряди же с миром на св. Русь! Пусть недра родной земли примут тебя для вечного покоя; пусть она, родная, по требованию сердца нашего, будет для тебя легка! Прости! Господь с тобою!»

После панихиды гроб был отвезен на железную дорогу, где была совершена краткая лития, по завершении которой кандидат московского университета А.В.В. сказал от лица русской и вообще славянской молодежи благодарственную речь усопшему за его всегда отеческие отношения и наставления. Масса венков покрывала гроб, в числе которых были: «от сынов австро-угорской Руси — неутомимому труженику»; «от сербской и далматической омадины — брату-русу»; «от славянской молодежи в Вене — своему отцу»; «от сербской православной общи-

ны», от друзей, от почитателей и много других...» [21].

В Московских ведомостях было опубликовано сообщение по поводу привоза тела почившего пастыря в Россию: «Перенесение тела скончавшегося в Вене протоиерея Михаила Феодоровича Раевского со станции Варшавской Железной дороги в Петербурге в собор Св. Андрея Первозванного, что на Василевском Острове, последует в четверг 10 мая, в 12 часов дня, а отпевание 12 мая и затем погребение на Смоленском кладбище...» [22].

Протоиерей Михаил Раевский при жизни опубликовал ряд своих трудов и сочинений: «Упсальский университет» («Журнал Мин. Народного Просвещения», 1845 г., ч. XLV); «О народных элементарных школах в Швеции» (там же, 1845 г., ч. XLVII); «Социальные школы в Швеции» (там же, 1846 г., ч. LI); «Le grand canon de St. André de Crête», Вена. 1849 г.; «Описание Герцеговины», Вена. 1850 г.; «Le vêpres dela Pentecôte», Paris. 1852 г.; «Ritus der orthodox Katholischen Kirche bei der Krönung der Kaiser aller Russen», Вена. 1856 г.; «Gebetbuch zum Gebrauch der orthodoxen Christen», Вена. 1861 г.; «Liturgische Bücher der orthodox — Katholischen Kirche», Вена. 1861 г., 3 тома; «О национальном и религиозном движении русского народа в Галиции («Христианское чтение», 1862 г., кн. 7); «Слово к славянам в день празднования тысячелетия пришествию св. Кирилла и Мефодия в землю славянскую» («Православное обозрение», 1863 г., кн. 5). Это же «Слово» перепечатано и в «Киевских епархиальных Ведомостях» (1863 г., № 12); «Избрание Литвиновича митрополитом Галицким» («Духовная Беседа», 1864 г., № 23); то же перепечатано и в «Северной Пчеле» (1846 г., № 144); «Приветствие М.П. Погодину» («Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина», М., 1872, стр. 90—91); «Из Вены» — новейшие сведения о церковном движении у галицких униатов («Духовная Беседа», 1864 г., № 20; «Северная Пчела», 1864 г., № 121); «Окружное послание галицийского (униатского) митрополита» («Духовная Беседа», 1864 г., № 42).

После смерти отца Михаила Раевского была частично опубли-

кована его переписка. Напечатаны его «Письма к О.М. Бодянскому» в журнале «Афиши и объявления», 1884 г., №№ 407, 409, 411—413. Отдельный оттиск: М., 1884. Его письма к князю П.А. Вяземскому напечатаны в «Щукинском Сборнике», т. VI, а также «Письма к А.С. Норову», опубликованные в «Русском Архиве», 1895 г., кн. 11, стр. 354—366.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Д. 48 (1815 г.) — Ревизские сказки духовенства Арзамасского и Ардатовского уезда. Л. 14—17. Благовещенская церковь г. Арзамаса.
2. Там же, Л. 16-об.
3. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Д. 63 (1817 г.) — Ведомость об учениках Нижегородской Духовной семинарии.
4. Чистович И. История Санкт-Петербургской Духовной академии. Спб., 1857. С. 361.
5. Там же. С. 334, 339.
6. Там же. С. 448.
7. Там же. С. 399.
8. Там же. С. 363—364.
9. М.Ф. Раевский, протоиерей Венской Православной церкви // Всемирная иллюстрация. М., 1884. № 804. С. 470.
10. Свято-Преображенский православный храм. Изд-ние: Церковного совета при Свято-Преображенском храме. Стокгольм, 1999. С. 27.
11. Некролог // Газета А. Гатцука. 1884. № 18. С. 299.
12. М.Ф. Раевский, протоиерей Венской Православной церкви. Указ. публ.
13. Некролог. Указ. публ.
14. Письмо из Вены // Церковный вестник, издаваемый при Санкт-Петербургской Духовной академии. 1884. Часть неоф. № 21. С. 6—7.
15. М.Ф. Раевский, протоиерей Венской Православной церкви. Указ. публ.
16. Там же.
17. Смесь // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. Июнь 1884. С. 700.
18. Письмо из Вены. Указ. публ. С. 8.
19. Там же.
20. Венский протоиерей М.Ф. Раевский // Православное обозрение. М., 1884. Май-июнь. С. 384—385.
21. Там же. С. 386.
22. Сообщение // Московские ведомости. 1884. № 128. С. 3.

Известные нижегородцы. Архимандрит Андрей (Садовский)

Архимандрит Андрей (Садовский) родился в 1821 году в Нижегородской губернии, в семье священника Алексея Садовского, в селе Мадаев Майдан. В святом крещении был наречён Алексеем. В 1838 году поступил в Нижегородскую Духовную семинарию. По спискам воспитанников семинарии за 1841 год он числился в среднем отделении семинарии, на содержании отца. Весной 1844 года Алексей Садовский окончил семинарию, богословский класс по 1-му разряду.

Осенью этого же 1844 года, будучи выпускником семинарии, в звании студента, имея от роду 22 года, Алексей Садовский вступил в брак с Марией Андреевной Серебровской, дочерью священника из села Палец. 5 ноября в храме в честь иконы Божией Матери «Одигитрии» села Палец состоялось их венчание, которое совершил родной дядя Алексея Садовского — священник села Николай Дар Лукояновской округи Александр Садовский.

Спустя 25 дней, 29 ноября 1844 года, после венчания Алексей Садовский был рукоположен епископом Нижегородским и Арзамасским Иоанном (Доброзраковым) в сан священника с назначением в село Шутилово Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Через несколько лет, 2 мая 1849 года, по указу Епархиального начальства, он был перемещен на место своего тестя в село Палец Нижегородского уезда.

14 сентября 1849 года иерей Алексей Садовский был удостоен своей первой священнической награды — набедренника, и спустя два дня, он был перемещен в Покровскую церковь г. Нижнего Новгорода на место второго священника.

Архимандрит Андрей (Садовский). НГИАМЗ

Будучи хорошим проповедником, он по благословию епископа Нижегородского и Арзамасского Иеремии (Соловьева) 9 октября 1851 года был перемещен в Кафедральный собор на священническое место в качестве катехизатора.

С 22 ноября 1851 года (по 1868 год) был избран депутатом по уездному суду и гражданско-

му магистрату и одновременно являлся хранителем библейских и богослужебных книг Московской синодальной типографии с 5 декабря 1851 года по 27 сентября 1867 года.

12 мая 1857 года, по указу Святейшего Синода, был награждён бронзовым наперсным крестом в память войны 1853—1856 гг.

Служебник священника Покровской церкви г. Нижнего Новгорода Алексея Садовского. ЦАМНЕ

Наградной Крест для духовенства в память о русско-турецкой войне 1853–1856 гг.

2 мая 1859 года Преосвященным Антонием (Павлинским) иерей Алексей Садовский был награждён правом ношения бархатной скуфьи, а в 1863 году удостоен ношения бархатной камилавки.

С мая 1862 года, по благословию епископа Нижегородского и Арзамасского Нектария (Надеждина), он был назначен на должность эконома Архиерейского дома, которую исполнял вплоть до 8 февраля 1876 года. Одновременно, исполняя обязанность эконома, 3 июля 1863 года иерей Алексей Садовский был определен ключарем Кафедрального собора.

26 марта 1866 года иерей Алексей Садовский был удостоен права ношения золотого наперсного креста. На следующий год, 4 мая 1867 года, по указу Святейшего Синода он был возведён в сан протоиерея.

По Высочайшему повелению, 20 апреля 1869 года, протоиерей Алексей Садовский был пожалован орденом Святой Анны III степени, а в 1873 году был сопричислен к ордену Святой Анны II степени.

С мая 1876 года архиепископом Иоанникием (Рудневым) он был назначен членом Попечительства от духовенства и членом благотворительного Совета по 1-му Нижегородскому округу.

По указу Святейшего Синода, ко дню Святой Пасхи в 1877 году

протоиерей Алексей Садовский был удостоен права ношения палицы.

По Высочайшему повелению, 18 апреля 1881 года протоиерей Алексей Садовский был причислен к ордену Святого Владимира IV степени, и с 23 октября этого же года, по благословию епископа Нижегородского и Арзамасского Макария (Миролюбова), был назначен членом Духовной консистории, а с 16 ноября — председательствующим членом Епархиального попечительства.

Определением Нижегородского дворянского депутатского собрания от 21 февраля 1883 года было предложено о внесении священника Алексея Садовского вместе с женой и сыновьями в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии, о чем был послан соответствующий рапорт в Правительствующий Сенат. По указу Сената по Департаменту Герольдии за № 1325 от 26 апреля 1883 года, протоиерей Алексей Садовский вместе с женой и сыном Алексеем был утвержден в дворянском достоинстве. Он также являлся членом Императорского Православного Палестинского общества.

Овдовев, в 1885 году принял монашеский постриг с наречением имени Андрей, и в скором времени был возведён в сан архимандрита.

По указу Святейшего Синода архимандрит Андрей был назначен настоятелем Московского Покровского монастыря, а затем являлся настоятелем Симонова и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей. По распоряжению Московской Духовной консистории он был назначен благочинным епархиальных, а в дальнейшем и ставропиги-

Настоятель Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря архимандрит Андрей (Садовский)

альных монастырей Московской епархии. Проходя должность настоятеля Ново-Иерусалимского монастыря, архимандрит Андрей особое значение уделял совершению богослужения и улучшению хозяйственной части вверенного монастыря. Его трудами и заботами построено рядом с монастырём здание церковно-приходской школы, которое было освящено в 1897 году.

В столице архимандрит Андрей пользовался широкой известностью. Его благолепная наружность, его богослужения, которые он совершал в строгой торжественности, внушали к нему глубокое уважение. Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырём он управлял до 1898 года, где 14 марта после продолжительной болезни на 77-м году жизни скончался.

17 марта в обитель прибыли из Нижнего Новгорода его сыновья – Дмитрий и Алексей Садовские. Вечером в этот день было совершено заупокойное всенощное бдение, а на следующий день — литургия Преждеосвященных даров, которую совершил епископ Можайский Тихон в сослужении архимандритов ставропигиальных монастырей, и состоялась погребение почившего.

Архимандрит Андрей завещал похоронить себя в монастырской церкви Рождества Христова, в приделе во имя Вифлеемских мучеников от Ирода убиенных, рядом с могилой архимандрита Мелхиседека (Сокольников). Оставшиеся после себя средства архимандрит Андрей завещал своим сыновьям, а остальную часть пожертвовал на благоустройство монастыря и на Синодальную приходскую школу в городе Воскресенске.

Храм в честь св. вмч. Варвары. Фото начала XX века. АрхАДНО

6

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Тихов А. Краткая памятная историческая записка Нижегородской Духовной семинарии. Н. Новгород, 1905. С. 72.
2. Полисадов Г. Из моих воспоминаний о Высокопреосвященнейшем Нектарии, архиепископе Нижегородском и впоследствии Харьковском // Нижегородские епархиальные ведомости. 1891. № 21. Ч. неофф. С. 740.
3. Некролог. Архимандрит Андрей // Нижегородские епархиальные ведомости. 1898. № 7. Ч. неофф. С. 215—217.
4. Зеленская Г., Святославский А. Некрополь Нового Иерусалима. М., 2006. С. 73.

Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь. Гравюра конца XIX века

6

Пребывание в Нижнем Новгороде Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Марии Александровны в 1858 году

18 августа. Население Нижнего Новгорода, до 250000 человек, заранее уведомленное о прибытии их Императорских Величеств с их Высочествами, с самого утра двинулось к пристани пароходства «Меркурий», куда ожидалось сошествие Высочайших гостей на берег. К полудню высокое побережье города опоясалось в несколько рядов густыми толпами празднично одетого народа. Остальное население заняло площади — Алексеевскую возле кремля и Соборную в кремле.

В 5 часов их Императорские Величества, при восторженных криках «ура» толпами народа, ступили на берег, где были встречены начальником губернии, генерал-лейтенантом Муравьевым Александром Николаевичем. Пристани Августейшие гости направились в Спасо-Преображенский Кафедральный собор. На паперти собора их встретил Преосвященный Антоний, епископ Нижегородский, и соборное духовенство.

Отслушав молебствие, Государь Император и Государыня Императрица изволили отправиться мимо почетного караула в губернаторский дом, ставший на это время Императорским Дворцом, где тотчас же по сошествии их Величеств на берег был поднят Императорский штандарт.

После кратковременного пребывания в губернаторском дворце их Величества с их Высочеством Принцем Виттембергским изволили отправиться на ярмарку, где посетили Ярмарочный Спасо-Преображенский собор и после отслуженного молебна возвратились во дворец. Вечер их Величества с их Высочествами изволили провести у себя.

19 августа. Утром в 10 часов имели счастье представиться Государю Императору нижегородское дворянство, военные и гражданские чины. Некоторых

Епископ Нижегородский и Арзамасский Антоний (Павлинский).
РГИА

его Императорское Величество осчастливил милостивым словом, а других дворян высочайше удостоил особой речью.

Слова, произнесенные Государем Императором в Нижнем Новгороде нижегородскому дворянству:

— Я рад, господа, что могу лично благодарить вас за усердие, которым нижегородское дворянство всегда отличалось. Где отечество его призывало, там оно было из первых. И в минувшую тяжкую войну, вы откликнулись первыми и поступили добросовестно; ополчение ваше было из лучших. И ныне опять благодарю вас за то, что вы же первые отозвались на Мой призыв, в важном деле об улучшении крестьянского быта. Поэтому самому Я хотел вас отличить и принял депутатов ваших: генерала Шереметева и Потемкина. Я поручил им благодарить вас и передать вам Мои виды и желания; не сомневаюсь, что они это исполнили. Вы знаете цель Мою — общее благо; ваше

дело согласить в этом важном деле частные выгоды свои с общию пользою. Но Я слышу с сожалением, что между вами возникли личности, а личности всякое дело портят; это жаль; устраните их; Я надеюсь на вас; надеюсь, что их более не будет и тогда общее дело это пойдет. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое

Документы о подготовке к встрече Государя Императора Александра II и Государыни Императрицы Марии Александровны в Нижнем Новгороде в 1858 году. ЦАНО

Георгиевская церковь. Гравюра конца XIX века

вами сделано; идите вперед. — Сегодня оканчивается срок вашим занятиям; но зная, что труд ваш еще не готов. Я согласен продлил этот срок до 1-го октября; но к октябрю вы кончите, в этом Я не сомневаюсь: не так ли, господа? Я полагаюсь на вас. Я верю вам, вы Меня не обманете... Путь указан; не отступайте от начал, изложенных в Моем рескрипте, от данной вам программы, труд ваш будет рассмотрен в главном комитете, но Я дозволил вам представить

его чрез двух избранных вами членов, которым вы поручите объяснять выводы свои, в той мере, как это будет согласоваться с общим благом. Господа, делайте так, чтобы было и вам хорошо и другим не худо; думайте о себе, думайте и о других. Я вам верю и надеюсь, что вы оправдаете Мое к вам доверие. Исполнив и окончив труд этот добросовестно, вы Мне еще раз докажете любовь свою и преданность и то бескорыстное стремление свое к общему благу,

которым нижегородцы всегда отличались! Считаю себя счастливым, что после 21 года последнего Моего здесь пребывания, опять нахожусь ныне посреди вас.

В 11 часов Государь Император изволил быть в лагере и осматривать находившиеся там 4-й учебный стрелковый батальон и 4-й резервный батальон Тобольского пехотного его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича полка. По возвращении оттуда всеподданнейше представлялись их Императорским Величествам нижегородское городское и ярмарочное купечество, городские головы губернии с изделиями и произведениями из уездов и некоторые известные фабриканты также с представлением своего производства. Причем их Величества благоволили принять от купечества, голов и ремесленников поднесенные хлеб-соль и изделия.

После этого Государь Император и Государыня Императрица изволили осматривать строящееся здание Нижегородского Мариинского Института благородных девиц, второй и первый детские приюты,

Путешествие Е. И. В. Государя Императора: Китайские ряды в Нижнем-Новгороде. (Рисов. на д-р. О. Жай, грав. Ф. Герасимов).

а затем само здание Мариинского института и «состоянием сих заведений Их Величества изволили остаться довольными».

Вечером их Императорские Величества осчастливили своим присутствием бал, данный в честь их дворянством, в доме губернского собрания. Здесь, по повелению Государыни Императрицы Марии Александровны, были представлены ее Величеству княжной

Марфой Михайловной Шаховской почетные дамы.

20 августа. Утром Государь Император Александр Николаевич с Государыней Марией Александровной изволили обозреть достопримечательности Спасо-Преображенского Кафедрального и Архангельского соборов, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, а на обратном пути посетили Благовещенский муж-

Путешествие Государя Императора.—Видъ Кремля в Нижнемъ Новгороде. (Съ фотогр. Настикова, рисо. на д-р. Н. С. Павловъ, грав. Э. Дамьюдьеръ).

ской и Крестовоздвиженский женский монастыри и церковь святых Жен Мироносиц.

После этого Государь Император в сопровождении начальника губернии Муравьева Александра Николаевича осматривал заведение: «...Приказа Общественного Призрения: больницу, дом умалишенных, училище детей канцелярских служащих, богадельню и рабоче-смирительный дом и соизволил остаться оными во всех отношениях довольным, особенно же больницу Приказа, за состояние коей благоволил неоднократно и в милостивейших выражениях изъявить Монаршее удовольствие».

В тот же день, вечером, их Императорские Величества почтили своим присутствием бал городского и ярмарочного купечества, устроенный в честь их Величеств в Главном Ярмарочном Доме.

21 августа. Утром 21 числа его Величество, Государь Император произвел смотр «... Гарни-зонному батальону, причем изволил избрать 40 человек в Гвардию; далее обозревал казармы 4-го Стрелкового батальона, а потом Государь Император и Государыня Императрица посетили церковь св. Георгия и Печерский монастырь...».

Рождественская церковь.
Гравюра конца XIX века

6

Видъ Боговищенскаго Монастыря.

Крестовоздвиженскій Двухтн Монастырь.

Посещение Вознесенской Печерской обители его Императорским Величеством Государем Императором Александром Николаевичем и Государыней Императрицей Марией Александровной

Печерская обитель 21 августа 1858 года удостоилась посещения их Императорскими Величествами, Государем Императором Александром Николаевичем и Государыней Императрицей Марией Александровной. Монастырский летописец-очевидец описывает это достопамятное для Печерского монастыря событие: «Протекло более 500 лет с того времени, как Печерский мона-

стырь получил начало основания своего, однако с тех пор и до настоящего времени нигде не упоминается хотя бы об одном Августейшем лице, имевшем случай когда-либо посетить нашу обитель. Ныне же, 1858 года в 21 день августа, совершилось первое и незабвенное для нас событие, — посещение Их Императорскими Величествами Благочестивейшим Государем Императором Александром Николаевичем и Благочестивейшей Госу-

Спуск к Печерскому монастырю.
Фото из коллекции Е. Малягина. 1909 г.

6

дарыней Императрицей Марией Александровной нашей обители Печерской. Получивши известие от Его Превосвященства Антония, епископа Нижегородского и Арзамасского, о намерении посещения их Императорскими Величествами нашей обители Печерской, мы почли самым первым и необходимым долгом быть готовыми к принятию Их Величеств. И

вот, когда наступил 21 день августа, Превосвященнейший Антоний еще в 9 часов утра прибыл в монастырь и прямо взошел в Соборную Вознесенскую церковь для подготовки к встрече Их Императорских Величеств. В начале же 11-го часа Превосвященный Антоний облачился в неполное одеяние и приказал также облачиться наместнику игумену Досифею для несения на блюде

на престольного креста, а ризничему иером. Сергию — для чаши со святой водой и фиником; прочей же братии монастыря быть в полной монашеской форме. Спустя несколько времени после этого дано уже было знать о скором прибытии Их Величеств. Превосвященный Антоний, тотчас со всей братией вышедши из соборной Вознесенской церкви, остановился во святых

Нижегородский губернатор
А.Н.Муравьев

6

Наместник Печерского монастыря
архимандрит Досифей (Цветков)

6

Старец Печерского монастыря
иеросхимонах Мардарий

6

Вознесенский Печерский монастырь. Фото из коллекции Е. Малягина. 1909 г.

6

монастырских воротах, где через несколько минут и встретил Их Императорских Величеств осенением Животворящего Креста и окроплением святой водой. Потом Их Величества в предшествовании всей братии и при пении тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя» и прочих за Архипастырем изволили шествовать по красному ковру в соборную Вознесенскую церковь, в которой и стали у соли. Здесь по окончании пения тропаря от наместника подаваемы были Преосвященному Антонию святые иконы, нарочито приготовленные на аналогии, в серебропозлащенных бордюрах, из которых (икон): а) икона Вознесения Господня поднесена Его Преосвященством Государю; Государь Император, приложившись к сей иконе, принял ее и вместе с тем изъявил Свою личную благодарность, б) икона Пресвятой Богородицы Печерская поднесена Государыне Императрице, которая также благосклонно приняла св. икону; в) икона небольшого размера — Успения Божией Матери — заочно поднесена Ее Высочеству Марии Александровне; приложившись этой иконе, Государь Император

Вознесенский собор. ИИМК РАН

6

произнес: «Отдадим Ей». Потом Их Императорские Величества вззошли на самую солею, где и начали осматривать в иконостасе древние святые иконы, из которых особенно обратила Их внимание храмовая икона Вознесения Господня; после чего, окинув внимательным взором всю церковь, прямо сошли к чудотворной иконе Печерской Богоматери, стоящей у столба в иконостасе за правым клиросом; поклонившись иконе, спросили: «Которого столетия?» Преосвященный Антоний в ответ рассказал кратко историю этой древней иконы. Потом подошли и к другой иконе — Владимирской Божией Матери, стоящей у другого столба в иконостасе за левым клиросом, — и об этой иконе исто-

рические сведения сообщены были их Величествам.

После этого их Величества по приглашению преосвященного Антония подошли к нарочито приготовленному для них столу с разными замечательными монастырскими древностями. Здесь из приготовленных вещей обратили на себя внимание их Величества следующие вещи: а) древнее святое Евангелие XVII в., перелистывая которое Государыня Императрица рассматривала древние изображения Евангелистов, искусно по золоту раскрашенные, и одобряла древнее художество рисования; б) изображение прежнего Печерского монастыря, принадлежавшее художнику XVI столетия. На это изображение их Величества

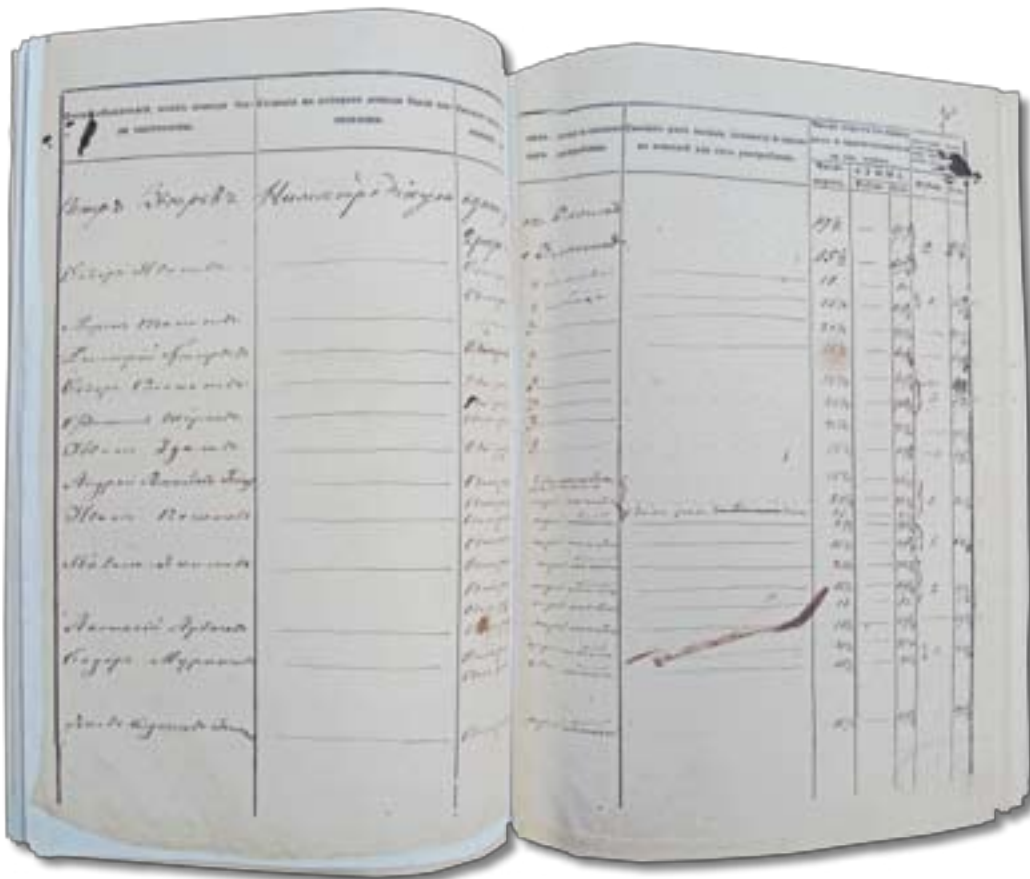
Нижегородская Духовная семинария.
НГИАМЗ

6

обратили особенное Свое внимание и высочайше повелеть соизволили: «Снять копию», — что и было исполнено; в) два древние воинские значка, осязавши которые, Государь Император сказал: «Древность», также воинские орудия — железный бердыш и два железных копья. После сего Государыня Императрица, обратившись к Его Преосвященству, спросила: «кто здесь игумен». По ответе Владыки, наместник игумен, видя Императрицу, идущую к нему, предварил ее достолюбезным поклонением и целованием Ее царственной руки. Государыня спросила игумена: «Которая церковь древнее в монастыре? Давно ли возобновлен сей иконостас?» и тому подобное.

После сего их Величества, приложившись к Животворящему Кресту, начали выходить из храма. При самом же выходе их преосвященный Антоний, разоблачившись, предложил их Величествам удостоить высочайшего посещения летние настоятельские кельи; предложение было принято, и их Величества изволили шествовать в летние кельи. Обозрев сии кельи, вышли на галерею, устроенную над башней и берегом реки Волги, осматривать заволжские красивые места. Здесь в скором времени их Величества пожелали видеть иеросхимонаха Мардария. Он немедленно приведен был в прихожую настоятельских келий.

Ее Величество, возвращаясь с террасы в кельи в сопровождении наместника и увидев старца, предворяющего Ее приличным земным поклонением, спросила его: «Сколько ему лет? Давно ли в схиме?». В это время подошел Государь Император и также спросил иеросхимонаха Мардария: «Сколько ему лет? Из какого звания? Давно ли живет в монастыре и давно ли в схиме?» — и, получив удовлетворительные ответы от старца, Государь вместе с Государыней вошли в зал. Здесь от Преосвященного предложено было их Величествам по чашке чаю, — что и было принято. В это время Государь Император имел разговор с Преосвященным, а Государыня Императрица с наместником, которого и спрашивала о количестве братии в монастыре, о кельях пребывающего на покое преосвященного Иеремии, о наместниче-

Документы об отправке Августейшей семье подарков из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург. 1858 г. ЦАНО

ских кельях — давно ли изумен наместником в этом монастыре, в каком прежде был монастыре и тому подобное.

Наконец, их Императорские Величества, изъявив Его Преосвященству милостивое свое благорасположение, выбыли из келий в сопровождении многих из их сановников и, провожаемые Его Преосвященством до святых монастырских ворот, отправились в обратный путь. Преосвященный же владыка, возвратившись в соборную Вознесенскую церковь, тотчас вместе с братией отслужил благодарное Господу Богу молебствие, с возгласением их Величествам и всему Царствующему Дому многолетия».

После посещения Печерского монастыря их Императорские Величества отбыли на отдых в губернаторский дом. Затем, после кратковременного отдыха, Государь Император обзирал Нижегородскую Губернскую гимназию, Александровский дворянский институт, Духовную семинарию и здание Арсенала. «За исключением семинарии всеми местами Монарх пребыл совершенно доволен, а Ее Величество благоволила вторично

посетить Мариинский Институт благородных девиц».

Вечер их Императорские Величества «изволили проводить у себя в кругу немногих, удостоившихся счастья быть приглашенными, в числе коих находился Начальник губернии с его семейством».

22 августа. Утром Государь Император в сопровождении губернатора Муравьева А.Н. посетил женское тюремное отделение и арестантскую роту гражданского ведомства и «также изволил остаться совершенно доволен увиденным».

В 12 часов пополудни Высочайшие гости изволили отбыть в дальнейший путь в город Владимир.

«Все дни пребывания Их Величеств народ в праздничных одеждах густой массой наполнял Кремль и соседнюю площадь с раннего утра и до поздней ночи и толпился на всех улицах, встречая и провожая повсюду обожаемых гостей восторженным «ура». Но порядок и благочиние, при распорядительности полиции, нигде нарушены не были, что несколько раз и с особым удовольствием было замечено и выражено Государем

Императором. По вечерам весь город и ярмарочный главный проспект с собором были блистательно иллюминированы.

Их Императорские Величества вообще остались вполне довольны; Начальник губернии с семейством все три дня удастаивался приглашения к Высочайшему столу, где по очереди, имели счастье быть приглашены Преосвященный Антоний, Дворянские предводители, некоторые военные чины и городские головы. Его Величество ежедневно лично выражал начальнику губернии Высочайшее удовольствие и благоволение».

Данный очерк составлен на основе статей, посвященных визиту Государя Императора Александра Николаевича и его супруги Государыни Императрицы Марии Феодоровны в 1858 году и опубликованных на страницах дореволюционной нижегородской периодической печати. Тексты частично адаптированы и приводятся в сокращении. Материал для публикации подготовил архимандрит Тихон (Затекин)

БОРСКИЕ ХРАМЫ ПОД КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ

Призыв о том, чтобы православные храмы города Бор сделать «культурными очагами», прозвучал в 1930-х годах прошлого столетия в разгар антирелигиозной кампании советского времени. В настоящей статье и пойдет речь о том, каким способом определенные круги и некоторые жители Бора воплощали это в жизнь.

По мнению борских краеведов, их город начинался с Никольского деревянного храма, возведенного в 1533 году и давшего название «Никольской слободе». Более чем через столетие в писцовой книге Д. Горихвостова за 1648 год было записано: «в слободе Николо - Боровской церковь Знамения Пресвятой Богородицы, а в ней придел в честь великого Чудотворца Николая». Как видим, древнейший храм получил к тому времени новое название. Но среди верующих церковь по - прежне-

му именовалась Никольской. Предание гласит, что при Иване III сюда «в слободу Никольскую на Бору» были высланы новгородцы, которые и возвели храм во имя особо чтимой ими иконы Знамения Пресвятой Богородицы [1].

В 1778 году прихожане начали возводить каменную церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы с тремя приделами, а пока проходило строительство, добавилось еще несколько, и всего к концу XIX столетия их стало уже восемь. В главном помещении храма один из приделов назывался в честь Святого Николая. Здание пятиглавой церкви, освященной в 1794 году, вызывало уважение: двухэтажное, 52 метров в длину, с трапезной и притворами, обнесенное на следующий год двухметровой кирпичной оградой с тремя парадными входами. По проекту епархиального архитектора А.К. Никитина пристроен теплый (зимний) придел, освященный в

1897 году. Украшением храма стала колокольня с большим колоколом (один только его язык весил более двухсот килограммов). В 1930 году власти заставили его замолчать, низвергнув на землю.

Храм украшался многочисленными дарами прихожан и благочестивых христиан. Еще при возведении каменного здания великий князь и будущий император Павел I принял участие в богоугодном деле, одарив церковь золототканными ризами, серебряными потирами и такими же окладами к иконам. Но особыми раритетами храм не обладал.

Храм благоукрашался прихожанами до советского богоборческого времени. Вначале прихожане не проявляли беспокойства о судьбе святыни и даже, по рассказам старожилов, в 1924 году к 130-летию храма решили обновить в нем настенную роспись. За дело взялся церковный живописец Н.Ф. Ронжин.

Храм Знамения Божией Матери (справа). Фото А.М. Драницына. Начало XX века

6

Однако в 1929 году районные власти решили закрыть на Бору сразу две церкви – Никольскую и Духовскую. И.С. Гоголева, один из авторов книги «Борское отечество мое», пишет, что регент Никольской церкви В.В. Беляев старался доказать районным властям, что Никольский храм является памятником архитектуры XVIII века, одновременно обратившись к прихожанам и собирая их подписи против закрытия святыни, но вскоре он был арестован и сослан на Соловки [2].

7 декабря 1929 года начальник Нижегородского Окружного административного отдела Андреев, рассмотрев материал Борского райкома о закрытии в селе Бор этих церквей с целью приспособления их один под больницу и второй под школу II ступени, посчитал «для полноты сведений» затребовать еще акт технического осмотра храмов, а также сообщить сведения — когда заключен договор с общинами верующих, не состоят ли церкви на учете Главнауки и кого включает религиозная община Духовской церкви в составе 81 человека, и нет ли среди ее «большинства лишенцев».

Говорилось, что следует также учитывать, что в селе Бор на 4807 верующих имеется пять храмов. Из них к Никольской церкви приписаны 1476, а к Духовской – 81 человек из числа прихожан. По мнению Андреева, оставшихся трех церквей будет вполне достаточно для обслуживания верующих. Принимая во внимание острую нужду в больничной помощи и стационарном лечении населения, а также отсутствие помещения для школы, начальник посчитал «возможным удовлетворить многочисленные и настойчивые требования общих собраний граждан о закрытии означенных церквей» и приспособлении их под указанные цели.

1 января 1930 года состоялось заседание Президиума Нижегородского окружного исполкома, одним из вопросов которого было представление Окружного административного отдела о расторжении договора с группой верующих Никольской и Духовской церквей села Бор и определения их под больницу и школу. В постановлении перечислялись все доводы, высказанные Андреевым в поль-

Император Павел I

зу закрытия храмов, было решено расторгнуть договор с прихожанами названных церквей и передать их под указанные цели.

16 января того же года секретариат Нижкрайисполкома поддержал просьбу, а 26 февраля Борский районный административный отдел доносил Окружному административному отделу о том, что храмы закрыты, а их имущество передано в Госфонд и Борский райисполком [3].

29 июня 1930 года начальник Окружного административного отдела Нижкрайисполкома Андреев направил докладную записку начальнику Крайадмуправления по вопросу о закрытии в селе Бор Духовской и Никольской церквей. В ней он писал о том, что постановление Президиума Крайисполкома

о закрытии названных храмов Борским Райадмотделом было своевременно объявлено исполнительным органам религиозных обществ, пользовавшихся названными церквями, «путем вызова для этой цели в РАО лиц из состава исполнительных органов этих религиозных обществ».

Одновременно с этим на дверях церквей были вывешены объявления о предстоящем их закрытии. Однако ни в момент объявления постановления о ликвидации церквей, ни в течение двух недель с момента объявления постановления и «даже ни вскоре после истечения сказанных двух недель» никто из верующих никаких заявлений не сделал по опротестованию постановления во ВЦИК. Причем религиозная единоверческая община Духовской церкви «даже и не намеревалась обжаловать постановление Президиума Крайисполкома». Последнее обстоятельство, как акцентировал внимание начальник, видно из приложенной копии выписки из протокола № 1 общего собрания членов этой общины от 23 марта сего года, когда рассматривался вопрос не об обжаловании постановления, а о подыскании другого соответствующего помещения для отправления религиозных нужд.

«Это последнее обстоятельство, — заключал Андреев, — с очевидной ясностью подтверждает и то, что постановление Президиума Крайисполкома о закрытии Духовской и Никольской церквей, общинам верующих действитель-

Вид Знаменского собора села Бор с северной стороны.
Фото начала XX века

но было объявлено и заявление Духовской единоверческой религиозной общины, поданное Вам 27 июня сего года с указанием на не объявление им постановления Президиума Крайисполкома, являющегося ложным».

К изложенному Андреев присовокуплял, что при Духовской церкви в настоящее время производятся уже работы с целью переоборудования ее под школу и произведенный ремонт уже довольно значительный.

3 апреля 1931 года пленум Борского райкома ВКП (б) принимает резолюцию по оспоренному прихожанами постановлению и поддержанную ВЦИКом. Райком партии посчитал, что предложение ВЦИК о возврате верующим церквей «является следствием исключительно неправильной информации ВЦИКа со стороны кучки чуждо-классовых элементов, бывших людей укрывавшихся маской верующих о процедуре отбора данных церквей».

Борская районная конференция ВКП (б) заявляла, что «отбор церквей был проведен в результате единодушного требования 15 000 населения» и что «данное положение не изменилось и в настоящее время, о чем свидетельствуют решения рабочих собраний населения», потребовавших отдать храмы под культурные

учреждения, так как рабочий поселок Бор, имея 18000 население абсолютно не обеспечен культурными очагами».

Исходя из этого, пленум Районного комитета большевиков посчитал «необходимым поставить вопрос перед Крайкомом ВКП (б) о необходимости оставления церквей в ведении Советских органов района, с немедленным переоборудованием их под культурные учреждения».

После этого председатель Борского райисполкома Тверяков направляет эту резолюцию в Центральный совет воинствующих безбожников тов. Лукачевскому «с безбожным приветом» и с просьбой «оказать всемерное содействие в данном вопросе при разрешении его на культурной комиссии и в президиуме ВЦИК».

Одновременно с этим Тверяков направляет пространную пятистраничную докладную записку во ВЦИК. В ней, в дополнение к посланным материалам, по пунктам изложены и другие мотивы.

Во - первых, еще раз напоминалось, что «изъятие церквей производится на основе решения собрания населения», и что верующие не принимают во внимание «недостаточное количество культурно - просветительных учреждений на Бору».

Во - вторых, общины верующих этих церквей до сего времени

не перерегистрированы, а поэтому производить какую-либо деятельность и ходатайствовать перед ВЦИКом не могли. Само ходатайство верующих, направленное во ВЦИК, «исходит не от общины верующих..., а от кучки людей сагитированных церковниками».

В-третьих, община верующих Никольской церкви имеет в своем расположении два молитвенных здания: Никольскую (соборную) и Напольно-Крестовоздвиженскую церкви. А потому Никольская церковь «подлежит изъятию не только, согласно постановлений собраний», но это не противоречит и закону.

В-четвертых, члены незарегистрированных Никольской и единоверческой Духовской общин «имеют полную возможность исполнения своих обрядов и после закрытия» храмов, так как на Бору имеются еще три церкви (Напольная и Сергиевская) и одна единоверческая (Успенская). К тому же единоверческие храмы имеются и в Нижнем Новгороде, и верующими они посещаются без затруднений.

В-пятых, Духовская единоверческая община полностью влилась в Успенскую религиозную общину, имеющую молитвенное здание на Бору. Общая же численность единоверцев в поселке составляет 330 человек и, следовательно, единоверцы не будут лишены возможности отправлять свои религиозные потребности, в частности, в Нижнем Новгороде. По наведенным справкам оказалось также, что Духовская и Успенская общины являются одинаковыми по своим вероисповедным направлениям.

В - шестых, «необеспеченность Бора школами, клубами, больницами и т.п., необходимость изыскания таковых и острый жилищный кризис на Бору подтверждается нижеследующими фактами»: быстрый рост населения поселка – 1926 год – 9747 человек; 1929 год – 10689; 1930 год – 15353 и 1931 год – ориентировочно 18 000 человек; рабочий состав поселка из 85% всего населения представляют рабочие, служащие и члены их семейств, а остальные 15% – кооперативные кустари, колхозники. К тому же, строительство Стеклозавода привлекло 20 000 человек, затон Карла Маркса – 1010 рабочих и т. п.

Успенская церковь села Мухино (ныне г. Бор).
Фото А.М. Драницына. Начало XX века

В - седьмых, в течение строительного сезона рост поселка еще больше увеличится в связи со строительством моста через Волгу, переоборудованием затона Карла Маркса и расширением ряда предприятий. Все это еще более будет способствовать необеспеченности Бора школами.

Не входя в оценку действий старого состава РИКа, допустившего нарушение статьи 37 постановления ВЦИКа от 8 апреля 1929 года, который был переизбран в феврале 1931 года в полном составе, по мнению авторов докладной записки, передача верующим церковью повлечет за собой негативные последствия: дискредитацию районных организаций нового состава; затраты на приведение церковью в первоначальный вид в сумме 300 000 рублей, которые «изыскать не откуда»; невыполнение плана сбора и расходования средств самообложения, большая часть которых постановлением населения предназначена для переоборудования под школу Духовской церкви; невозможность развернутой культурной работы по причине отсутствия клубов; «массовое недовольство рабочих и их организованный протест».

Вышеприведенная докладная записка давала надежду местным властям, что президиум ВЦИК «учтет высказанные соображения и вынесет решение, удовлетворяющее запросам трудовых масс».

10 марта 1931 года секретарь Крайисполкома Мухин направляет председателю Борского райисполкома телеграмму, в которой требует явиться 15 марта на заседание секретариата с исчерпывающим материалом о закрытии Никольской и Духовской церковью с объяснением «причины волокиты этого дела».

За полмесяца до этого из секретариата председателя ВЦИК на имя президиума Крайисполкома приходит срочное уведомление, что верующие граждане, единоверцы села Бор сообщают, что местные власти приступили к сломке здания церкви. В Москве между тем считали, что дело о закрытии храма «не считается решенным», как и вопрос о Никольской церкви. Решение задерживалось непоступлением исчерпывающих материалов. На предложение Борскому райисполкому о немедленной

высылке фотоснимков зданий этих церквей, а также сведений, на каком расстоянии имеются другие молитвенные здания одинаковой с закрываемой религиозной организации, РИК отлучившись в течение четырех месяцев. Таковое отношение к выполнению срочных запросов недопустимо, как говорилось в документе. К тому же в присланных материалах имелось несколько противоречий: постановление о закрытии церковью, которое якобы своевременно было объявлено верующим, опровергается ими; изъятие богослужебного и иного имущества у прихожан было сделано «без всякого извещения» о решении ликвидировать храмы; решение о закрытии Духовской церкви «стоит в противоречии с законом», так как этот храм у единоверцев единственный, «а единственное молитвенное здание по закону не отбирается, если же отбираются, то при условии предоставления другого помещения».

М.И. Калинин предлагал принять решительные меры к высылке всех необходимых материалов по этому делу, проследить за недопущением до решения дела ВЦИКом ликвидации молитвенных зданий и «привлечь к ответственности виновных в нарушении закона о религиозных объединениях лиц к судебной ответственности».

На основании этого Нижкрайисполком немедленно оповестил Борский райисполком о предложении высшего органа власти предоставить в трехдневный срок «совершенно исчерпывающий материал» о закрытии церковью, предоставить планы их переустройства «под помещения культурно - просветительных надобностей, а также дать «исчерпывающее объяснение на жалобу верующих» [4].

По всей видимости, объяснение борских властей было положительно воспринято ВЦИК, так как 26 августа 1932 года на заседании президиума Борского поселкового совета заслушивался вопрос об использовании Никольской церкви. Ввиду того, что здание храма переоборудовать и приспособить под дом культуры и школы ФЗС оказалось невозможным как по расположению, так и по его архитектуре, решено было отдать его под баню с прачечной. Президиум Борского райисполкома 29 августа

дал согласие использовать церковь под указанные цели, а 10 сентября Президиум Крайисполкома просьбу борских властей удовлетворил [5].

Спустя два года такая же судьба постигла и Спасо-Преображенскую (Сергиевскую) церковь. 23 февраля 1934 года проходило общее собрание 325 рабочих и служащих Силикатного завода № 4, посвященное 16-й годовщине Красной Армии. Был заслушан доклад об истории Красной Армии. Единогласно принято постановление: «общее собрание считает – советская власть под руководством партии Ленина к 16-ой годовщине РККА еще более укрепила боевые ряды Красной армии, воспитала бойцов и укрепила техническую мощь Красной армии, способную в любой момент отразить в случае нападения на нас империалистов. Рабочие ИТР завода еще более укрепят ячейку Осовиахима и примет в ее работе активное участие. Ввиду ожесточенной борьбы рабочего класса в капиталистических странах организовать при заводе ячейку МОПРа и отчислить в пользу МОПРа полдневный заработок».

Но в заключение постановления речь вдруг зашла о культурном развитии боровчан, и с этой целью решено было, «...учитывая культурный рост нашей страны и то, что в с. Бор до сего времени еще существует в действие несколько церковей, просить Борский РИК закрыть церковь святого Сергия».

13 марта идею подхватило общее собрание рабочих и служащих из депо «Моховые горы». Была заслушана информация товарища Аферова о решении рабочих механического цеха паровозного депо закрыть Сергиевскую церковь. Данное решение одобряется с просьбой к Борскому райисполкому закрыть храм и передать его «на культурно - бытовые нужды трудящихся».

Через пять дней состоялось общее собрание плавсостава затона им. К. Маркса. Из 400 работающих присутствовали 140 человек, которые и постановили: «В связи с нехваткой помещений на Бору и затоне, и в целях улучшения культурно - бытовых условий рабочих, просить Борский райисполком закрыть Сергиевскую церковь и использовать ее для

Крестовоздвиженская кладбищенская церковь села Бор.
Фото М.А. Голдобина. 1930-е годы

культурно – бытовых нужд рабочих. Обратиться ко всем рабочим и служащим затона поддержать наше ходатайство».

19 марта инициативу подхватили несколько цехов затона. Так, общее собрание чернорабочих и такелажного цеха в количестве 30 человек рассмотрело обращение плавсостава о закрытии Сергиевской церкви. Была заслушана информация товарища Смирнова. В прениях выступили – Комлева и Халрашкина, задавшие вопрос: «для каких нужд пойдет эта церковь, и какой дурман она несет для рабочего класса?». При голосовании за закрытие церкви против выступили лишь три человека — Сулова, Орлова и Козлов.

В тот же день под председательством Комлева состоялось собрание рабочих и служащих Лесозавода и лесоматериального склада в количестве 37 человек. Присутствующие выслушали доклад представителя от плав-

состава Коплакова и содоклад Комлева. В прениях выступили: Вилашкин, который отметил, что «нам рабочим нужны культурно – бытовые условия, а не религиозный очаг, который исключительно одурманивает рабочих и пр. членов семей», прося передать церковь в распоряжение плавсостава для расселения семей рабочих. Его поддержали Жидов и Елькин. Было постановлено: «просить Борский райисполком о закрытии Сергиевской ц. для передачи ее под культурно – бытовые условия, для расселения семей рабочих плавсостава».

Тогда же прошло и общее собрание 151 рабочего строительного цеха.

Докладчик Конаков ознакомил присутствующих с решением собрания плавсостава. В прениях выступили несколько человек, говорившие о вредности церкви и закрытии предложенного храма. В частности, Милашкин говорил, что «так как нам церковь никакой

пользы не приносит, кроме дурмана и церковь нужно закрыть и дать культурный очаг плавсоставу»; Авдюхин – «рабочие котельного цеха одобрили решение плавсостава и обращаются к рабочим строительного цеха, чтобы церковь закрыть»; Язев – «так как в социалистическом обществе церковь не должна существовать и церковь существует там, где существует эксплуатация, и в социалистическом обществе нет эксплуатации и потому и не нужно быть церковей»; Горякин – «церкви нам не нужны и они рабочему классу не дают никакой пользы и моя просьба к общему собранию закрыть все церкви и применить их для нужд водников, которые нуждаются в квартирах и культурном очаге». В протоколе собрания говорилось, что выступили еще «ряд товарищей за закрытие церкви».

Собрание постановило: «Вызов плавсостава одобрить и рабочие строительного цеха выносят свое решение о закрытии трех церковей». Голосование прошло единогласно.

19 марта проходило и общее собрание 94 рабочих, ИТР и служащих механического цеха с повесткой: «...проработка обращения плавсостава о закрытии церкви на п. Бор (Сергиевской). Заслушали обращение бригады плавсостава о закрытии церкви для использования ее под культурно – бытовые нужды».

В прениях выступили: В.Зайцев — «надо просить Борский райисполком о закрытии церкви под культурные нужды рабочих»; Тиманов – «если в старой буржуазной системе церковь служит одурманиванием и запугиванием рабочих, то сейчас эти церкви, когда вырос рабочий или в районе, надо превратить в культурные цели, нам нужны помещения под культурные очаги и я считаю, что Сергиевская церковь будет подходить под это». Выступили также Мордвинцев, Лягин, Астафьев. Решение рабочих плавсостава было поддержано.

27 марта состоялось заседание президиума районного совета физкультуры. Было постановлено: одобрить инициативу рабочих плавсостава и «поставить разъяснительную работу среди населения Борского района». Одновременно с этим члены совета просили прези-

диум райисполкома, чтобы церковь отдали районному Совету физкультуры под спортивный клуб.

В архивном деле приводился также список 15 сотрудников райсовпрофа, отказавшихся «от религиозного дурмана». Я так подробно привел выписки из выступлений участников собрания для того, чтобы показать настрой определенной части боровчан в отношении церкви и религии вообще. Вот эти «запевалы» и играли главную роль в разрушении храмов, а остальная массовая часть рабочего населения лишь безропотно следовала им. Чего здесь больше было – равнодушия к Церкви или боязни оказать сопротивление закрытию храмов – сказать трудно. На то, что проведение собраний было инспирировано карательными органами, показывает донесение ответственного секретаря комитета ВКП (б) затона К. Маркса, уполномоченного Борского районного отделения ОГПУ. При нем препровождались и постановления общих цеховых собраний рабочих и служащих затона им. К. Маркса о закрытии Сергиевской церкви и явочные листы по каждому цеху. Говорилось, что всего имеется семь постановлений от разных цехов. Указывалось, что, согласно регистрации, присутствовали 654 рабочих, а всего с подошедшими после он насчитал 875 человек.

22 ноября Президиум Борского районного исполкома под председательством А. Золотухина заслушал вопрос «О закрытии Сергиевской церкви п. Бор». В преамбуле постановления говорилось: «1). Учитывая исключительно быстрый рост промышленности и всех отраслей народного хозяйства в самом поселке Бор, так и в целом районе, рост рабочего класса и в связи с этим повышение культурных запросов трудящихся и что существующая сеть культ.-просвет учреждений (наличие одного клуба при 25 000 жителей) ни в коей мере не удовлетворяет минимальным требованиям трудящихся поселка Бор. 2). Вместе с тем учитывая настоятельные требования рабочих колхозников, высказанных на собраниях и что отправление молитвенных обрядов вполне достаточно при наличии двух остающихся действующими церквей». Исходя из этого,

было постановлено: Просить Президиум Крайисполкома санкционировать закрытие Сергиевской церкви пос. Бор и передачу таковой в ведение Борского поселкового совета для использования под культурно – просветительные нужды трудящихся поселка. «Для скорейшего разрешения данного вопроса командировать в Крайисполком члена Президиума РИКа тов. Кардаева».

25 ноября Президиум РИКа представил президиуму Крайисполкома на его рассмотрение материал о закрытии Сергиевской церкви на 53 листах с планом и фотоснимком. Согласно ему, храм переоборудовался под библиотеку: в нефе – предполагалась выдача книг на дом; в молитвенном помещении – книгохранилище; трапезная была разделена на читальный зал и две аудитории для занятий (между

Разрушение Крестовоздвиженской церкви. Фото М.А. Голдобина.
10 августа 1936 года

аудиториями коридор). Смета на переоборудование предполагала: на разбор колокольни – 7775 руб. 12 коп.; переоборудование помещения – 12 473 руб. 91 коп. Всего 20249 руб. 03 коп.

Одновременно с этим, 8 января 1935 года, председатель Борского райисполкома В. Сокова направляет в Горьковский Краевой исполком план и смету по переоборудованию Сергиевской церкви.

3 марта заместитель секретаря Крайисполкома по вопросам культуры Ларский информировал районные власти о необходимости «представить сведения о состоянии действующей церкви от закрываемого того же религиозного направления и что обеспечивает смету по переоборудованию». При этом направлялась выписка из протокола № 29 заседания комиссии по вопросам культуры при Президиуме Горьковского Крайисполкома от 28 февраля 1935 г. «О ликвидации Сергиевской церкви в с. Бор Борского района. Постановили: Согласиться с постановлением Борского РИКа от 22 ноября 1934 г. и Сергиевскую церковь ликвидировать с последующим переоборудованием ее под клуб. Ликвидацию поручить произвести Борскому РИКу с соблюдением ст.ст. 40—42 и 44 закона «О религиозных объединениях» [6].

Борский РИК 9 марта 1935 года, выполняя поручение президиума Горьковского Крайисполкома о храмах Бора, сообщал, что в поселке Бор остаются действующими две церкви: Успенская и Напольная, находящиеся на расстоянии 1/4 километра от центра поселка.

Председатель райисполкома Сокова информировала, что материальное обеспечение сметы по переоборудованию Сергиевской церкви возложено на поселковый совет, который, при участии промышленных предприятий района, необходимыми средствами располагает.

3 апреля 1935 года заместитель председателя церковного совета Сергиевской церкви Степан Андреевич Климин, церковный староста Иван Федорович Почкалин и секретарь церковного совета Федор Поликарпович Прыгунов написались в получении от Борского районного исполнительного комитета в лице заместителя секретаря РИКа тов.В.В. Кардаева

выписки из протокола № 29 заседания комиссии по вопросам культуры при Президиуме Горьковского Крайисполкома от 28 февраля 1935 г. о ликвидации Сергиевской церкви в селе Бор и утвердительного постановления Крайисполкома от 8 марта 1935 года.

Но прихожане Сергиевской церкви на этом не успокоились и направили в Комиссию по религиозным делам при Горьковском Крайисполкоме заявление, подписанное председателем совета религиозной общины Климиным, секретарем Прыгуновым и членом совета Масловым. В нем указывалось, что ими было подано 10 апреля сего года заявление в Комиссию по религиозным делам при Горьковском Крайисполкоме о решении Борского райисполкома закрыть Сергиевскую церковь. Это решение было также обжаловано и в Крайисполком, откуда ответили, что они о результатах узнают от райисполкома. Но там им ничего не дали. «Никаких результатов не можно добиться. С нами в Рике говорить не хотят, только говорят все равно закроют». Прихожане просили Комиссию Крайисполкома объявить им результаты по их заявлению от 10 апреля, затребовать от Борского РИКа все материалы и дать верующим «на руки все материалы по закрытию нашего храма».

Обращалось внимание, что Сергиевская община является одной из самых больших борских обществ и обслуживает более 3000 верующих, а потому просили еще раз Комиссию дать верующим «точные результаты от Комиссии и от Борского Рика этого дела».

Ответственный исполнитель Крайисполкома Воронов отвечал, что постановление Крайисполкома от 8 марта 1935 г. о ликвидации Сергиевской церкви райисполкомом было объявлено 3 апреля 1935 года церковному совету, который был поставлен в известность, что по истечении установленного срока райисполком может приступить к ликвидации церкви [7].

10 апреля 1935 года председатель церковного совета С.А. Климин от имени приходского совета Спасо-Преображенского общества Борского района направил в Комиссию по религиозным делам при Горьковском Крайисполкоме заявление. В

нем говорилось, что по решению Борского РИКа «административным порядком закрывают церковь». Райисполком вызвал приходский совет и объявил содержание своего постановления от 3 апреля, но когда приходский совет стал требовать копию данного постановления, райисполком начал тормозить дело, говоря «приди завтра и завтра». И когда приходский совет совместно с верующими хотел подать заявление о возвращении церкви, с ними никто из сотрудников райисполкома не захотел разговаривать. Заявитель просил Комиссию обратить на это особенное внимание, говоря, что Спасо-Преображенская община по своей численности является одной из самых больших религиозных обществ, и храм обслуживает более 3000 человек верующих, т.к. ближайšie Никольский и Духовский храмы ликвидированы.

Закрытие и Спасо-Преображенской церкви повлечет за собой лишение верующих возможности удовлетворить свои религиозные нужды. Говорилось, что в данную общину входит половина поселка Бор и десять деревень — Зыково, Грязново, Ворначева, Зименки, Тригубенки, Оманова, Чистяки, Горелово, Юрасово, Красногорка. На основании изложенного С.А. Климин просил краевые власти оставить храм в пользу верующих, отказав претендующей на здание церкви организации.

13 апреля секретарь Крайисполкома Ларский сделал запрос в Борский РИК, чтобы прислал все материалы по жалобе, а заместителя секретаря райисполкома 17 апреля обязал срочно сообщить, в чем пользовании находится церковь [8].

Однако никакие жалобы верующих на советские власти не действовали, и борские храмы постигла печальная судьба других подобных святынь Нижегородской земли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Борское отечество мое. Н.Новгород, 1998. С. 36—37.
2. Там же, С. 46.
3. ЦАНО. Ф. 2626. Оп.1. Д. 15-а.
4. ЦАНО. Ф. 2626. Оп.1. Д. 15-а. Л. 20—106.
5. ЦАНО. Ф. 2626. Оп.2. Д. 560. Л.1—3.
6. ЦАНО. Ф. 2626. Оп.2. Д. 726.
7. ЦАНО. Ф. 2626. Оп.2. Д. 2636. Л.18—20, 68.
8. ЦАНО. Ф. 2626. Оп. 1. Д. 2636. Л. 1—3.

Из истории классического образования в Нижегородской губернии

Долог и тернист был путь нижегородцев к науке и образованию. Нуждаясь в профессионалах для обслуживания флота, Петр I открыл в Петербурге и Москве «навигационные» школы, а в провинциальных городах приказал завести школы «цифирные». Одна из них была открыта осенью 1718 года в Нижнем Новгороде. Присланный из Петербурга учитель Михаил Крелов обучал «чтению, письму, цифири и некоторой части геометрии» 66 учеников, набранных из посадских и солдатских детей. Пособием по главному предмету обучения была «Арифметика, сиречь наука числительная» Л.Ф. Магницкого — до середины XVIII века эта книга была основным учебником в России по математике, геометрии, астрономии, геодезии, навигации. Другими учебниками были: «Букварь словесно-русскийких письмен», «Театр, или зеркало монахов (история)», «Краткое земного круга описание» (география). Городские жители неохотно отдавали своих детей в цифирную школу. В Сенатском указе говорилось: «... Посадские люди в 1720 году били челом, чтобы их детей насильственно в школу не принимать». Сенат определил: «Посадских детей к науке высылкою в неволю не понуждать, в том отцам их и свойственникам убытков и утеснений не чинить, а принимать в учение таких, которые сами собою к той науке охоту возымеют». В 1722 году Нижегородская цифирная школа прекратила свое существование, и тогда правительство открыло в Нижнем школу для помещичьих, духовных и подьяческих детей.

Власть эпохи Анны Иоанновны,

Император Петр Великий

стремясь прибрать к рукам просвещение, обратилась за содействием к Синоду. Нижегородская епископская кафедра ретиво принялась исполнять желание власть

предержащих. И в нашем городе появились три школы: Букварная, Словесно-Российская и Эллино-Греческая. Ученики набирались принудительно среди тех кругов населения, где епископ был полновластен. Со всех концов губернии было собрано 200 мальчиков: 20 человек, «чтении искусны и острой памяти», определили в старшую, Эллино-Греческую школу; 30 человек, «тугих на чтение и легкой памяти», зачислили в среднюю, Славяно-Российскую школу; 140 — в младшую, Букварную школу; десятерых — забраковали.

Нелегким делом был и поиск школьного помещения. Правительство гласило: «Школу в Нижнем строить не в кремле, но в стороне, на месте, где несть народного шума, ниже частных оказаний (уличных происшествий), которые обычно мешают учению и находят на очи, что похищает мысли молодых

Арифметика Л.Ф. Магницкого

Императрица Анна Иоанновна

ребятки и прилежать учением не пропускает». До постройки школьного здания снимали два дома недалеко от городского магистрата. Учебные занятия проходили по методике, принятой в XVIII веке: устные уроки назначались до обеда, а письменные после, «дабы малолетним отрокам большой тяжести не учинилось». Для непослушных традиционны были разные степени наказания. «В первый и другой раз внушить словесно ..., а за третью вину при собрании прочих учеников смирить шлепами; и за четвертую и пятую вину — плетью и тюремным арестом на неделю ... А буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник и непокорлив, то, хотя бы остроумен был, услать из школы ...»

В Эллино-Греческой школе иеромонаха Савватия было два класса, в которых изучали «грамматику» и «пиитику». За три года в нее поступили 48 учеников: курс греческой грамматики закончили 7; выпускники же перешли к изучению пиитики; «уволено за тупостью 11, умерло 2, бежало 4».

В Славяно-Российской школе Тимофея Колосова насчитывалось 110 человек: славянской грамматике выучились 5, отбыли в другие епархии 36, за негодностью исключены 6; 63 человека после кончины Колосова учились у вновь нанятого учителя Димитрия Андреянова.

В Букварной школе, руководимой монахами Сергием и Авраамием, обучались 427 учеников. Все закончили учение и были направлены в разные места на должности причетников (пса-

ломщиков). Как видим, результаты учебы были неутешительны, и потому правительство составило проект нового — объединенного и расширенного учебного заведения. К двум прежним школам присоединилась третья, для старших учеников, Славяно-Латинская. С 1737 года в Н.Новгороде появилась семинария, имевшая целью готовить миссионеров для Поволжья. Начальником семинарии был назначен нижегородский правящий архиерей. Епископ, следуя требованиям Синода относиться к будущим миссионерам «как отец к детям», и разместил семинарию в своем Архиерейском доме. Позднее был выстроен большой дом на земле вдовы бургомистра Пушникова, и семинария перенеслась туда. Учеников поселили в, разбросанных по саду домиках, окружавших главное здание. До семинарии все ученики обучались в духовных гимназиях в Лыскове, Балахне, Арзамасе, Юрьевце, Гороховце. Интересен перечень предметов, которые синодальные иерархи признали необходимыми для волжских миссионеров: философия, богословие, церковная история, красноречие, литургия, патристика. Через полгода половина мальчиков оказалась «в бегах». Во многих случаях беглецов укрывали отцы. «Обращенного» сына подвергали порке, с отца же взыскивали штраф.

Первый год семинаристы изучали «единый элементарь», то есть общее введение ко всем наукам. Второй год был посвящен изучению латыни. С третьего года большая часть лекций читалась только по-латыни. Иностранные языки стали обязательными в семинарской программе. Большую часть дня семинариста поглощало изучение многочисленных наук. Свободные часы и перерывы предполагалось занять «упражнениями в играх честных и телодвижных». Во время обедов и ужинов особые чтецы «ушаслали» общий слух чтением. По праздникам разрешалось кататься на лодке. Семинаристов держали в весьма строгом повиновении. За важные провинности полагалось телесное наказание, обувание в лапти (1—3 дня), прислуживание за обеденным столом, мытье посуды. Кормить семинаристов полагалось за счет взносов от доходов местных церквей и мона-

Епископ Дамаскин (Руднев)

стырей, на деле они уклонялись от этого, поэтому ученики частенько недоедали. Это заставляло наиболее бедных из них изощряться в способах зарабатывания денег: писали письма и прошения по просьбе неграмотных, читали и пели в церквях, произносили поздравительные речи на праздниках. После семи лет обучения семинаристы разъезжались: часть из них продолжали образование в Московской Духовной академии, другие уезжали в города Поволжья.

Наиболее просвещенный из епископов — Дамаскин (Семенов-Руднев) ввел в семинарский обиход «диспуты», во время которых разгорались прения по научно-философским вопросам, читались оды и речи на разных языках. Диспуты привлекали очень много посторонних слушателей.

12 января 1755 года правительство обнародовало указ об учреждении Московского университета. Его задачи определялись так: «Хранить небесный огонь науки и проливать благотворный свет ее в отечественном слове». По мысли М.В.Ломоносова, университет должен был быть общерусским учебным заведением, а так как в русских семинариях изучали латынь, университетское начальство обратилось в Духовное ведомство с просьбой предложить всем желающим семинаристам поступить в университет. Были рекомендованы и нижегородцы — два лучших ученика семинарии — Сергей Малиновский и Илларион Садовский. Студенты первого приема Московского универси-

тета окончили курс наук весной 1759 года. На выпускном акте получили дипломы в числе прочих и С. Малиновский и И. Садовский.

Десятки лет семинария была в Нижнем единственным учебным заведением. Она давала широкое образование, хотя и с определенным уклоном, в том числе детям православных священников. Большая же часть населения города и губернии училась домашними способами. Нижегородские помещики выписывали книги и журналы. Дворянские дети в усадьбах не засиживались, так как были обязаны нести государственную службу, для чего с 8-летнего возраста обучались в гарнизонных школах, а затем в кадетских корпусах. Владельцам не менее сотни крепостных душ разрешалось оставить детей дома и учить на свои средства. Губернатор приходилось добывать из-за рубежа... Помещик заключал с воспитателем «дитяти» письменное соглашение с перечислением обязанностей педагога и его «привилегией». Трудно было получать образование девушкам: в семьях нижегородских дворян специальных наставниц-губернаторок насчитывалось очень мало. Помещик мог отправить дочь в столичный пансион, но это было доступно лишь очень состоятельным людям.

Первое среднее общеобразовательное учебное заведение несословного характера было открыто в Н. Новгороде в просвещенный век Екатерины II. 5 августа 1786 года появился «Устав народных училищ», по которому народные училища подразделялись на Главные и Малые. В каждом губернском городе полагалось одно Главное училище в составе четырех классов, с назначением в них шести преподавателей. Малые же народные училища существовали в губернском и уездном городе: курс в них равнялся двум младшим классам Главного училища, а число учителей – один на класс. В первом классе Главного училища учили чтению, письму, основам христианского учения; во втором – арифметике, грамматике, русскому языку, чистописанию, рисованию; в третьем – углубляли знания по всем предметам 2-го класса, начинали изучение географии и всеобщей истории; в четвертом добавлялись русская история и

география, изучались российская грамматика, геометрия, механика, физика, естествознание, гражданская архитектура и рисование. По желанию учеников с первого класса учили латынь и французский или немецкий язык.

Получив повеление императрицы, нижегородский губернатор отдал письменное распоряжение магистрату Н.Новгорода описать «*всех купеческих и мещанских детей мужска и женска полу от шести до двенадцатилетнего возраста..., а между тем приуготовить способный дом и помещение и все потребное – столы и скамейки*». По магистратской ведомости в Нижнем Новгороде оказалось нужного возраста – 49 мальчиков и 26 девочек купеческих, а мещанских соответственно 262 и 240. Временное помещение для учащихся было предоставлено Нижегородской епархией. Губернаторское распоряжение гласило: «... *предлагаю городовому магистрату, чтобы оный показанных в ведомости детей отцов собрав, узнал, кто из них соревнитель пользе государства и своей собственной, который охотно последует высочайшему предмету и отдаст детей своих для научения ...*». «Соревнителей» оказалось всего лишь девять человек. Губернатору пришлось составить ведомость «назначенных в ученики» и приказать «детей тех явиться непременно в училище сего сентября 22 числа по утру».

22 сентября 1786 года в училище явились 29 сыновей купцов и 151 – мещан (девочек ни одной!). С этого времени и начинается в Н. Новгороде и губернии история государственной системы светских общеобразовательных школ. Уже на следующий год было открыто Арзамасское народное училище, а в 1788 году начало работать Балахнинское народное училище.

Столичная «комиссия по учреждению народных училищ» прислала в Нижний трех учителей для Главного училища: Ивана Кужелева, Дмитрия Тимофеева, Илью Темьянского. Директором училища был казначей, отставной секунд-майор П.И. Воронцов. Он сам шел и привлек к работе новых учителей: Петра Русановского, Якова Никлауса, Петра Стефанова. Были набраны преподаватели из окончивших университеты

(Московский и Петербургский) и местную семинарию.

Дальнейшая история развития светского образования связана с реформами Александра I: была создана система образования как таковая, сфера образования, руководимая и направляемая государством. Манифестом от 8 сентября 1802 г. учреждалось Министерство народного просвещения, указом 24 января 1803 г. империя делилась на шесть учебных округов с университетом в центре каждого. Нижегородская губерния вошла в Казанский учебный округ с Казанским университетом во главе. Все главные народные училища изымались из ведения Приказа общественного призрения, получили название гимназий и подчинялись Министерству народного просвещения. Гимназии провозглашались всесловными учебными заведениями с четырехгодичным курсом обучения для подготовки к поступлению в университет или для работы учителем в уездных, приходских и других начальных школах. О весьма либеральном и прогрессивном подходе к учебной и воспитательной работе в гимназиях говорили положения первого гимназического устава (1804 г.): «*в обращении с учениками учитель должен быть мягким и выдержанным*», «*первою заботою учителя должно быть то, чтобы хорошо вызнать свойства и нравы детей, дабы можно было лучше управлять ими*».

В 1804 – 1807 гг. в нашем городе идет активная подготовка к открытию гимназии. Нижегородский губернатор в письме к министру общественного призрения от 20 декабря 1806 г. просил «*об отдаче под Нижегородскую гимназию дома с принадлежащими строениями, в коем сей час помещается Главное народное училище*». И здания были закреплены за гимназией. В январе 1807 г. от попечителя Казанского учебного округа было получено уведомление: «*Дозволено гимназиям иметь печать с государственным гербом... Вследствие чего извольте сделать таковую печать для Нижегородской гимназии и, по открытию ея, употребить*». Из Петербурга были присланы трое выпускников Главного педагогического института. Официальный акт открытия Нижегородской губернской

ской гимназии состоялся 12 марта 1808 г. Директором назначен И.И. Кужелев. В течение 1837 – 1840 гг. по проекту архитектора А. Леера было возведено здание гимназии, соединяющее три здания в единый корпус.

Первые преподаватели гимназии были чрезвычайно образованными людьми для своего времени: Л.В. Орлов – старший учитель истории, географии, статистики, Г.А. Протопопов – учитель математики и физики, П.Г. Белецкий – учитель философии и изящных наук, П.В. Алферьев – преподаватель естествознания, коммерческих наук и технологии. Все учителя гимназии считались государственными чиновниками, имели чины по «Табели о рангах» и получали ордена за выслугу.

Очень важны в такой сфере, как образование, вопросы финансирования. Актуальны они были и для гимназии в «александровскую» эпоху... Нижегородское купечество постоянно делало щедрые пожертвования в ее пользу. Деньги расходовались на учебную литературу и хозяйственные цели. В 1812 году в пользу Нижегородской гимназии был передан деревянный дом на Ильинской улице от «нижегородского градского купеческого старосты» И.С. Пятова. Таких примеров – множество: благотворительность в сфере образования была доброй традицией...

В первые годы существования Нижегородской гимназии учеников в ней было немного. В гимназию принимались дети всех сословий. Обучение в ней было поставлено неплохо. В июле 1819 года состоялся выпуск гимназистов набора 1815 года. Аттестаты зрелости с правом поступления в Казанский университет получили пятеро абитуриентов.

Указ от 6 августа 1809 года «Об усовершенствовании общего народного воспитания» потребовал от чиновников общего образования. Дворяне должны были стремиться к университетскому образованию, знание латыни становилось обязательным. В 1819 году последовали изменения в учебных планах гимназий: были исключены из плана политическая экономика, коммерческие науки, финансы, философическая грамматика. Теперь должны были преподаваться: закон Божий, русский язык,

математика, история, география, латинский, греческий, французский, немецкий языки, естественная история, технология, древности, мифология, чистописание российское, немецкое и французское. При Николае I в учебном деле наметился заметный отход от либерального устава 1804 года, и гимназия оказалась единственным типом школ высшей ступени. С 1828 года, согласно новому уставу, гимназия начала состоять из 7 классов. Первые три года преподавание велось по общей программе, а с 4-го класса они становились различными — греческий, к примеру, не преподавался, а главными предметами признавали латынь и математику.

Этим же уставом от 1828 года вводилась должность инспектора гимназии для наблюдения за порядком, образованы были педсоветы для обсуждения состояния дел в конкретном учебном заведении. Сохранялись телесные наказания. Была введена должность почетного попечителя гимназии с целью усиления влияния дворянства на гимназическое образование. Первым почетным попечителем Нижегородской гимназии стал в 1834 году Н.В. Шереметев. Попечитель Казанского учебного округа в 1833 году разослал

Император Александр I

в губернии «Правила относительно учеников гимназии, исключаемых за дурное поведение»: ученик, исключенный из гимназии, не может быть принят вновь или в ту же, или в другую гимназию «прежде истечения года и без достаточного удостоверения в его исправлении».

После перехода Нижегородской гимназии на семиклассную структуру в гимназическом образовании произошли некоторые улучшения: образование стали делить на общее и специальное — часть предметов изучалась более

ЦАНО

углубленно, вводились также специальные предметы. Уездные малые училища в Арзамасе и Балахне также были преобразованы в гимназии. Новые трехклассные училища были созданы в Макарьево, Ардатове, Семенове, Василе. Лучшие учащиеся из Нижегородского уездного училища после окончания обучения в нем поступали в Нижегородскую гимназию. Во всех уездных городах, исключая Княгинин, были трехклассные училища. Одноклассных приходских училищ до 1813 года вовсе не было в губернии. Первые из них были открыты в Н.Новгороде – Благовещенское и Канавинское. В 1851 году была открыта первая начальная школа для девочек при Мариинском приюте Н.Новгорода.

Реформаторская эпоха Александра II внесла ряд преобразований и в образовательную систему: с 1864 года вводится новый Устав учебных заведений. Гимназии, наконец-то, стали всеобщими, хорошо успевающие дети освобождались от платы за образование. Надо сказать, что плата за учение в Нижегородской гимназии в 1864 году была умеренной и составляла 20 рублей в год. Гимназия имела право выдавать выпускникам свидетельство об освобождении от платы за обучение в университете. По новому уставу от 1871 года гимназии становились строго классическими, обязательным стало изучение греческого языка, логики, прекращено было изучение естествознания. Стал осуществляться более жесткий контроль за учебной и повседневной жизнью гимназистов. Для этого ввели должности классных наставников. С 1875 года гимназии стали восьмиклассными, и для поступления в гимназию необходимо было сдать экзамены. Для этого вводились «приготовительные классы».

На 1894 год в Нижнем Новгороде было 8 средних учебных заведений. Для девочек в 1859 году открыли Мариинское женское училище, с 1870 года преобразованное в гимназию. В женские гимназии принимались девочки всех сословий, курс обучения – 7 классов, желающие учились в 8-м — педагогическом классе. В конце XIX—начале XX века в Н.Новгороде функционировали частные женские гимназии дирек-

трис Ильинской (1898), Торсуевой (1899), Хреновой (1900), Сусаниной (1905).

Военному ведомству принадлежал кадетский корпус в Нижнем, основанный на завещанные графом Аракчеевым средства.

После реформы Приказа общественного призрения 1860-х годов земство начинает играть важную роль в жизни учебных заведений. Нижегородское земство в 1866 году ходатайствовало о переводе нашей губернии в состав Московского учебного округа, на что было получено согласие, и перевод был осуществлен в 1874 году. Это явилось крупнейшим событием в судьбе нижегородского народного образования. Во второй половине XIX века земства активно включались в работу по открытию народных школ. Земские учреждения финансировали строительство или аренду домов под классы, подбирали учителей, беспокоились о финансовом обеспечении учебного процесса.

В конце XIX—начале XX века Нижегородская гимназия по-прежнему успешно функционировала, оставаясь методическим центром народного образования в губернии. Она была участницей Всероссийской промышленно-художественной выставки в 1896 году в Н.Новгороде. После 1917 года гимназия продержалась только год. Распоряжением губернского отдела народного образования от 13 ноября 1918 года наименование «Первая мужская гимназия» отменялось, на ее базе были созданы 40-я Нижегородская советская школа и 15-я Нижегородская советская школа.

За период своей славной истории Нижегородская гимназия выпустила в свет многих питомцев, которые стяжали себе мирскую славу на самых разных поприщах — приобрели известность и на литературной ниве, и на исторической, обогатив отечественную науку и художественную словесность. В течение долгого времени наша гимназия была культурным центром всего Среднего Поволжья.

В нашем городе с 1897 года действовала также 2-я государственная гимназия на Благовещенской площади (в советские годы это школа № 8, теперь – Выставочный зал). Интересно, что в 1880—

1890 гг. почти во всех училищах Н.Новгорода, во 2-й женской гимназии, в епархиальном женском училище, других учительствовали воспитанницы Мариинки – первой женской гимназии в Нижегородской губернии. Земскую школу как институт светского образования с момента ее создания и вплоть до революции 1917 года мы можем охарактеризовать как самый прогрессивный тип школы. В конце XIX – начале XX века в России шла подготовка проекта введения всеобщего начального образования, но его осуществление затянулось на долгие годы.

С именами А.М. Горького и его нижегородских друзей и единомышленников связана история строительства Народного дома в Нижнем Новгороде, школы в поселке Александровка Нижегородского уезда, которая известна ныне как Шалыпинская (№ 140 Н.Новгорода). С их именами связана также и история работы Нижегородских обществ распространения первоначального образования и вспомоществования учителям и учительницам. Из всех многочисленных общественных организаций родного города, в которых принимал участие А.М. Горький, эти два были его самыми любимыми, именно в их деятельности и судьбе он принимал самое горячее участие.

Список использованной литературы:

1. Сахаров А.Н. История России XVII—XVIII века: книга для чтения.
2. История и культура Отечества: учеб. пособие для вузов. / Под ред. В.В. Гуляевой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
3. Лопухина Е.М. Самые знаменитые меценаты России. М.: ВЕЧЕ, 2003.
4. Трохимовский Ю. А. Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей (1856—1881): Исторические исследования эпохи Александра Второго // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2007.
5. Абрамова И. Рачительное дворянство: материалы рекомендуются для подготовки урока по теме «Экономическое и социальное развитие России во второй половине XVIII века» // История. Первое сентября. 2007. Февр. (№ 4). С. 8—13.
6. Шмурло Е. История России. IX—XX вв. М.: Аграф, 1997.

Новомученики и исповедники нижегородские

По материалам Нижегородской епархиальной
Комиссии по канонизации

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР (ЩУКИН), ЕПИСКОП МАКАРЬЕВСКИЙ

Епископ Александр, впоследствии архиепископ, родился 13 мая 1891 года в уездном городе Порхове Псковской губернии, в многодетной семье священника Иоанна и Елизаветы Щукиных. Священник Иоанн Васильевич Щукин преподавал Закон Божий в Рижской Духовной семинарии, епархиальном училище и гимназии.

С детских лет стремился будущий святитель к служению церкви и потому, получив семинарское образование, поступил в Московскую Духовную академию. В 1915 году ему была присвоена степень кандидата богословия.

С началом Первой мировой войны семья отца Иоанна Щукина переехала в Нижний Новгород, куда, завершив обучение в академии, приехал и Александр, который 11 декабря 1915 года, за неимением других вакансий был определен преподавателем физики и математики в Нижегородской Духовной семинарии.

В 1918 году новые власти арестовали протоиерея Иоанна: пробыв в заключении полгода, он был отпущен домой едва живым. Вся семья после освобождения ее главы, и ликвидации Нижегородской семинарии переезжает к родственникам в село Лысково.

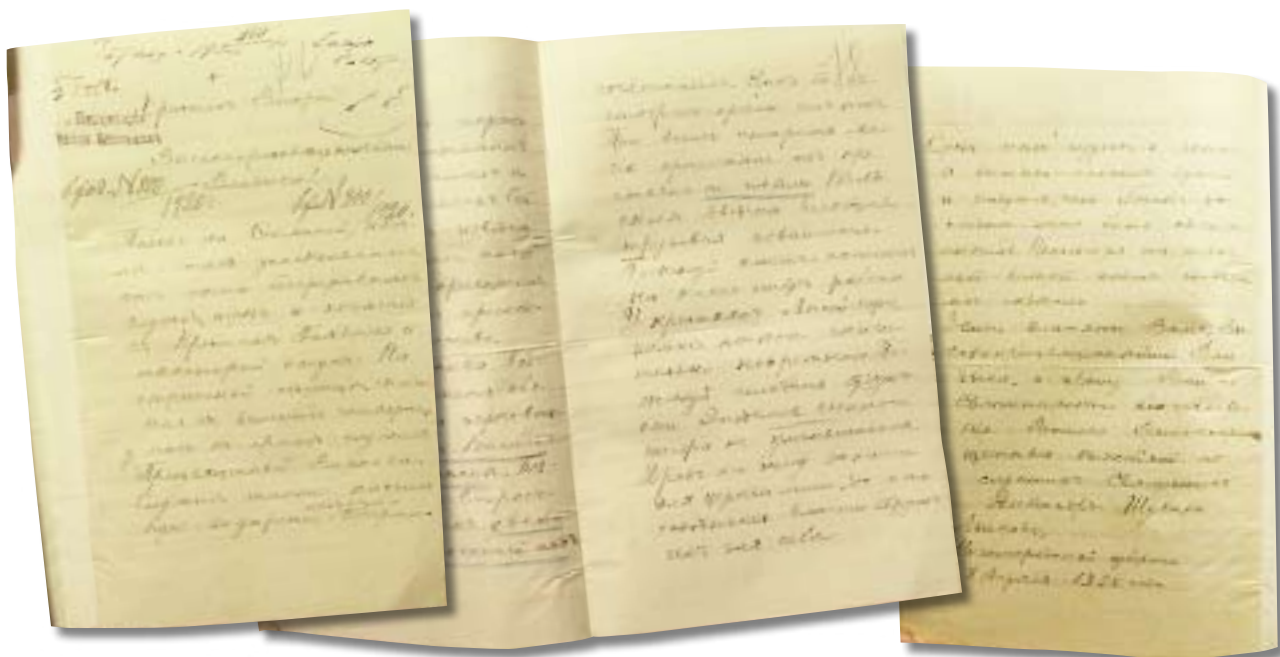
Епископ Александр (Щукин)

21 мая 1919 года, архиепископом Евдокимом (Мещерским) бывший преподаватель Александр Щукин был рукоположен в сан иерея с назначением к Георгиевской церкви села Лыскова и с возложением сразу же набедренника. На следующий год, 30 июня, отец Александр был назначен Преосвященным Варнавой (Беляевым), епископом Печерским, духовником Макарьевского Желтоводского женского монастыря, расположенного на противоположном от Лыскова берегу Волги.

25 декабря 1920 года, с благословения епископа Васильсурского Макария (Знаменского), также бывшего преподавателя Нижегородской семинарии, отец Александр за свое ревностное служение был награжден скуфьей. Спустя два года благочинный написал епископу Макарию: «Настоящим свидетельствую, что отец Александр Щукин, как ревностный пастырь и неутомимый проповедник, заслуживает поощрения за свою отличную усердную полезную Церкви Божьей пастырскую деятельность». На праздник Святой Пасхи в 1922 году отец Александр был награжден камилавкой.

21 августа 1923 года, в самый разгар обновленческой смуты, по благословию управляющего Нижегородской епархией — епископа Балахнинского Филиппа (Гумилевского), священник Александр Щукин был хиротонисан во епископа Макарьевского. 4 сентября того же года Святейшим Патриархом Тихоном и Высшим при нем Церковным Управлением было утверждено решение о назначении священника Александра Щукина, с принятием им монашества, епископом Макарьевским, викарием Нижегородской епархии.

Вскоре после принятия сана епископа Преосвященный

Письмо священника Александра Шукина архиепископу Евдокиму (Мещерскому). 1920 г. ЦАНО

Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери села Лыскова.
Фото начала XX века

Александр напутствовал умирающего своего отца Святыми Дарами. Первой службой вступившего на кафедру владыки стала заупокойная всенощная и литургия по новопреставленному протоиерею Иоанну Шукину. В сентябре 1927 года на шестьдесят втором году тяжело заболела мать святителя. Владыка Александр ухаживал за ней и присутствовал при ее кончине.

В 1924 году уездный город Макарьев на Волге, где в стенах Свято-Троицкого Макарьево-Желтоводского монастыря находилась епископская кафедра,

был официально упразднен как город и стал именоваться селом. Находившееся же на противоположном берегу Волги село Лысково еще в 1922 году получило статус городского поселения. В связи с этим в дальнейшем владыка Александр имел уже титул епископа Лысковского.

Проживая в Лыскове, он как настоятель служил в центральном храме города — Вознесенском соборе. Часто Преосвященный Александр совершал также богослужения в Свято-Троицком Макарьево-Желтоводском женском монастыре. Владыка духовно

окормлял не только сестер этой обители, но и всячески поддерживал сестер из других окрестных общин. Любил он совершать паломничество в Крестомаровский женский монастырь, где находилась местночтимая чудотворная икона Богородицы «Троеручицы».

Невзирая на гонения со стороны властей, в Макарьеве при монастыре владыка Александр сумел организовать преподавание Закона Божия детям десяти - тринадцати лет. Продолжалось это около года, а затем было категорически запрещено властями. Последняя настоятельница обители, престарелая игуменья Феофания (Чуркина) с целью сохранения общины еще в 1918 году на базе монастыря зарегистрировала сельскохозяйственную артель.

В 1920-е годы в Макарьевской обители подвизалось более двухсот сестер. Однако местный исполком все равно решил национализировать монастырское имущество и выгнать насельниц. Тогда игуменья обратилась с жалобой в Москву, в наркомат юстиции. Правительство пошло на уступки и разрешило оставить в обители монахинь как работников артели. Но спустя несколько лет, в 1927 году местные власти все-таки приняли решение о выселении монахинь из древней обители. Большинство

сестер перебрались из обители в Лысково, где жил владыка, который всячески утешал и помогал им. Престарелая семидесятилетняя игуменья Феофания и несколько сестер поселились в соседнем селе Просеке, где еще действовал Никольский храм.

В своих проповедях епископ Александр выступал против богорборческой политики новых властей, в защиту Святой Церкви, не боялся он участвовать в открытых диспутах против агитаторов «Союза безбожников». Такая позиция святителя, его активность и влияние среди верующих не устраивали местную власть. Владыку неоднократно вызывали в Лысковское отделение ОГПУ, требуя, чтобы он прекратил произносить в храмах проповеди.

22 ноября 1928 года епископ Александр был арестован и заключен в одиночную камеру под № 10 следственного специзолятора ОГПУ в Нижнем Новгороде. Через полтора месяца, 11 января 1929 года ему предъявили обвинение в том, что он «как идейный противник Советской власти, путем произнесения проповедей с антисоветским уклоном, прививал свои контрреволюционные убеждения населению и в единоличных беседах вел откровенную антисоветскую пропаганду на темы «о бесчинстве коммунистов-безбожников...». «Имея преданных ему монахов и монахинь, — говорилось далее в обвинении, — Щукин через них стремился расширить и впитать враждебность к существующему строю, давая им указания, как бороться с безбожниками: он рассылал их по селам и деревням, как миссионеров, не останавливаясь перед открытой борьбой с культурными учреждениями государства...».

В качестве свидетелей по делу епископа Александра были допрошены игуменья Феофания с келейницей Евдокией, а также священник из Макарьевского монастыря, иерей Дмитрий Хитровский, которые в своих показаниях подтвердили, что проповеди святителя имели антисоветский характер, и кроме этого, сообщили следователю, что он занимался распространением книги «Протоколы сионских мудрецов».

Сам же епископ Александр виновным себя не признавал, но и

Александр Епископ Макаревский

не отрицал фактов своего выступления во время богослужений с проповедями. При этом пытался объяснить следователю, что он хотел пояснить ему во время очередного допроса. «...Вопросами, оспариваемыми современниками, я назвал в своем показании вопросы христианской апологетики. А именно: о конечности Мира, происхождении человека через творение его Богом, об исторической действительности христианства, о бессмертии души. А вопросами, соприкасающимися с религией, я назвал научные теории, касающиеся перечисленных выше истин религии. Целью, с которой я говорил такие проповеди, было найти истину в научных теориях и доказать своим пасомым правильность

христианского вероучения в этих вопросах. Вопросов политической, общественной и социальной жизни я в своих проповедях не касался».

Следствие продлилось почти полгода. В доносе одного из сокамерников на подследственного епископа Александра сообщалось: «...будучи монахом, Щукин проповедует аскетизм и побуждает молиться всех в камере, демонстрируя свою усердность в этом».

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 26 апреля 1929 года епископ Александр был приговорен к трем годам исправительно-трудового лагеря. В Соловецком лагере он первоначально работал сторожем, а затем бухгалтером.

Викарий Нижегородской епархии епископ Макарьевский Александр (Шукин) с духовенством и прихожанами села Лыскова. Фото начала 1920-х гг.

После окончания срока заключения светские власти запретили епископу служить в Нижегородской епархии. Митрополит Сергей (Страгородский) 31 декабря 1931 года назначил его управляющим Орловской епархией, с титулом викарного епископа Болховского. С 27 июля следующего года Преосвященный Александр являлся уже правящим епископом Орловским.

3 января 1934 года было принято постановление о том, чтобы Преосвященный Александр «в воздаяние усердного служения Церкви Божьей», вместе с другими архипастырями, ко дню Рождества Христова был возведен в сан архиепископа.

Церковь тогда подвергалась беспощадным гонениям, верующих и духовенство арестовывали и ссылали в лагеря. Посещать храмы становилось опасным. Страсть быть арестованным охватывал все больше людей. Церкви пустели. Архиепископ Александр стал проповедовать, и храмы вновь посте-

пенно начали заполняться прихожанами.

30 сентября 1935 года состоялось его назначение на кафедру архиепископа Курского, но в Курск он выехать не смог и продолжал жить в Орле.

Начиная с 18 марта 1936 года, епископ Александр Шукин имел титул архиепископа Ржевского, викария Калининской епархии, но уже 5 июля был определен архиепископом Тульским. При этом в фактическое управление данной епархией он не успел вступить. Получив предупреждение о готовящемся аресте по ложному обвинению в поджогах, архиепископ Александр уехал в Нижегородскую область, где в Арзамасском уезде, в селе Семеново, поселил-

Следственное дело епископа Александра (Щукина). ЦАНО

Документы из следственного дела епископа Александра (Шукина).

ЦАНО

ся у родственников, прожив здесь полгода. В сентябре 1936 года во избежание ареста он принимает назначение на Семипалатинскую кафедру в Казахстане.

В эти страшные годы архиерейские кафедры постоянно пустели, святителей одного за другим поглощали тюрьмы. Младшая сестра владыки Елизавета писала ему в Семипалатинск: «Уйди на покой, приезжай ко мне в Лысково, пересидишь». «Как бы я вас ни любил», — отвечал архиепископ, — «но я не для того взял посох, чтобы его оставить».

В августе 1937 года Преосвященного Александра аре-

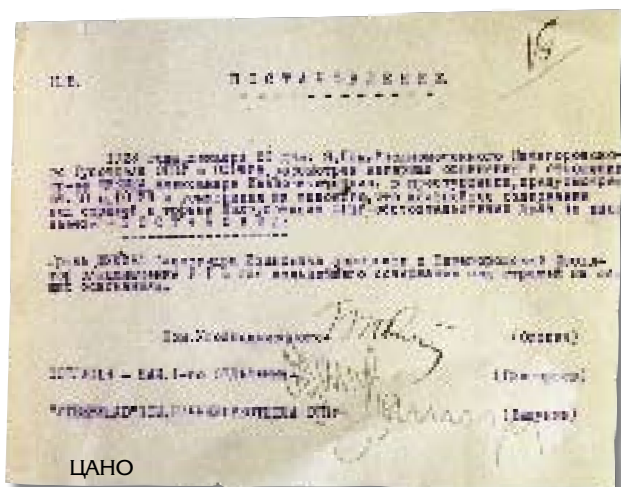
стовали. Он в последний раз благословил своих духовных детей, свидетелей ареста. Следствие в те годы было пыточное, и многие ради избавления от страданий давали любые показания. Архиепископ держался мужественно, не соглашаясь и не подписывая ни одно из навязываемых ему обвинений. Его обвиняли в шпионаже и в контрреволюционной агитации — архиепископ решительно все отвергал. Спрашивали о знакомых, он отказался их называть. Показаний не набралось ни на один протокол допроса, а сроки, отпущенные следователям, подходили к концу. В день вынесе-

ния постановления Тройки УНКВД 28 октября 1937 года следователь провел последний допрос архиепископа.

— Вы являетесь членом и руководителем церковной контрреволюционной шпионской организации. Дайте показания...

— Членом контрреволюционной организации я никогда не являлся и в этом обвинении виновным себя не признаю, — отвечал архиепископ.

— Вы лжете. Вы давали установки руководителям филиалов контрреволюционной организации в развертывании контрреволюционной работы...

ЦАНО

Облачение епископа Александра (Щукина) в экспозиции церковно-археологического музея Нижегородской епархии

— Никаких установок по раз-
вертыванию контрреволюционной
работы я не давал.

— Как член контрреволюци-
онной организации вы проводили
активную контрреволюционную
агитацию среди населения, пре-
кратите запирательство и дайте
показания о вашей контрреволю-
ционной деятельности.

— Никакой контрреволюцион-
ной агитации я среди населения не
проводил и в этом виновным себя
не признаю,— спокойно ответил
владыка.

Все это следователь вынужден
был записать. В тот же день архи-
епископ был приговорен к рас-
стрелу.

Несмотря на пытки, владыка
не подписал предъявленные ему
обвинения в шпионаже и контрре-
волюционной деятельности. 28
октября 1937 года решением Тройки
УНКВД архиепископ Александр
был приговорен к высшей мере
наказания, и через два дня,
30 числа, был расстрелян в окрест-
ностях Семипалатинска и похоро-
нен в общей могиле. Всем близким,
кто интересовался судьбой вла-
дыки, отвечали, что он сослан на
десять лет без права переписки, а
через десять лет ответили, что он
умер в лагере без уточнения места
и времени.

Когда известие о мучениче-
ской кончине архипастыря достиг-
ло Нижегородской земли, насто-
ятель Казанского собора в селе
Лыскове объявил, что будет отпе-
вать скончавшегося в заключении
архиепископа Александра Щу-
кина.

Многие помнили владыку, и
народу собралось такое множе-
ство, что храм не мог вместить всех
желающих. Большинство пришед-
ших стояли на улице. Послушница
Анна сделала небольшой гроб, туда
положили четки Владыки, крест
и Евангелия. После отпевания
народ молитвенно попрощался с
архиепископом, а затем состоялся
крестный ход вокруг храма.

В 2000 году архиепископ
Александр (Щукин) был прослав-
лен в лике святых Архиерейским
собором РПЦ от Алма-Атинской
епархии в числе новомучеников и
исповедников Российских.

**Память священномученика
Александра
30 октября 1937 года**

А.А. Давыдова

История строительства Императорского железнодорожного павильона в Нижнем Новгороде

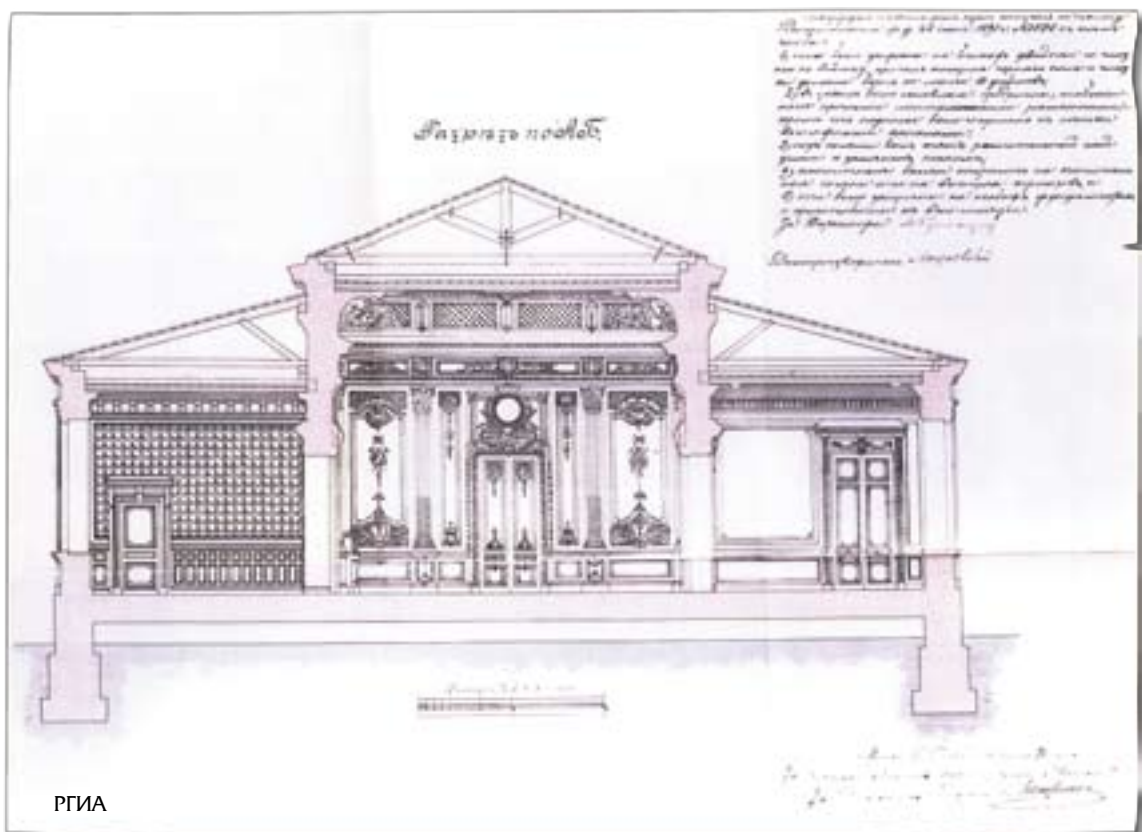
До настоящего времени история строительства Императорского железнодорожного павильона в городе Нижнем Новгороде не становилась объектом специального исследования. Многие ее факты, такие, например, как точные даты постройки или имя архитектора не были достоверно известны. Исследователи в основном останавливались на истории этого здания в связи с двумя приездами в Нижней Новгород императора Николая II и членов его семьи: в 1896 году на Всероссийскую художественно-промышленную выставку и в 1913 году, в год 300-летнего юбилея восшествия на российский престол династии Романовых. Они увязывали идею

строительства на железнодорожной станции Нижний Новгород павильона для царствующих особ с первым событием и датировали его возведение 1895 – 1896 годами [1]. Произведенные нами архивные поиски позволили скорректировать ранее известную информацию, а также выявить большое количество новых сведений.

Железная дорога, соединяющая Москву с Нижним Новгородом, была построена в 1862 году на частные средства акционеров Главного общества Российских железных дорог, высшим органом которого был Совет Управления [2]. Именно в его фонде, а также в фонде Департамента железных дорог Министерства путей сообщения, хранящихся в Российском государственном историческом

архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, была обнаружена часть документов, касающихся истории строительства Императорского павильона [3]. Проектные чертежи здания были выявлены в том же архиве, в «Коллекции планов и чертежей по сооружениям железных дорог в России (Московско-Нижегородская и Муромская железные дороги)» [4]. Другая, большая часть исторических источников сосредоточена в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦГИАМ), поскольку непосредственное управление дорогой осуществлялось Правлением, которое было расположено в «первопрестольной» [5].

Впервые вопрос о строительстве на станции Нижний Новгород (или в документах просто – Нижний) Московско-Нижегородской линии

Главного общества Российских железных дорог павильона для приезда императора и членов его семьи был поднят в 1886 году, во время царствования Александра III [6]. По-видимому, инициаторами этого строительства стали Совет Управления Главного общества Российских железных дорог и Департамент железных дорог Министерства путей сообщения.

Тогда же было разрешено потратить на это 15 тыс. рублей [7] из расчета строительства «самой простой конструкции и отделки» [8]. Но проект здания не был выработан ни к 1888-му [9], ни к 1889 году [10], хотя постройка Императорского павильона на станции Нижний была разрешена Департаментом железных дорог Министерства путей сообщения

17 мая 1888 года [11]. В 1889 году затраты на возведение здания были включены, помимо прочих, в «Ведомость чрезвычайных расходов для усиления провозоспособности дороги в течение пятилетия с 1890 по 1894 год» [12], составленной директором Московско-Нижегородской линии, действительным статским советником, кавалером орденов Св. Владимира IV и III степеней, инженером путей сообщения Иваном Федоровичем Рербергом [13]. Они должны были составить 25 тыс. рублей на 1890 год и такую же сумму на 1891 год. Выделение средств в 1892 – 1894 годах не предусматривалось [14]. Эти траты на предстоящее пятилетие, вызванные тем, что «движение по дороге дошло уже до предельных размеров по имеющимся средствам», были незапланированными, поэтому для их утверждения 12 октября 1889 года состоялось заседание комиссии в составе представителей Министерства финансов, Технического отделения Главного общества Российских железных дорог и Департамента железных дорог Министерства путей сообщения [15]. На этом совещании директор Московско-Нижегородской линии, инженер И.Ф. Рерберг на вопрос предста-

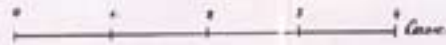
Московский вокзал. Фото начала XX века.
АрхАДНО

Утвержденная и утвержденная проектная
 рис по договору № 101 от 28 июля 1891 г. № 1565
 с предельным изъяснением по форме
 подписан по А. Б.
 За Директора *И. П. Мухоморов*
 Строительного управления

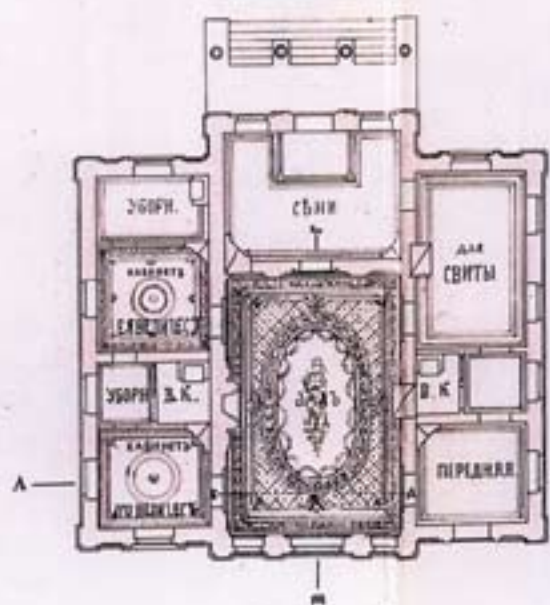
Фасады по линии железной дороги.

Масштаб 1/100

План.

Проектные чертежи на строительство
 железнодорожного «Царского павильона»
 в Н. Новгороде. Арх. Д.Н. Чичагов. РГИА

Масштаб 1/50

За Директора *И. П. Мухоморов*
 Строительного управления

Масштаб 1/50

вителя Министерства финансов, коллежского секретаря Савича об увеличении трат на строительство Императорского павильона с 15 до 50 тыс. рублей заявил, что «первоначально назначенная сумма была исчислена примерно [...]». Затем, по мере разработки проекта в предложении отделки здания, как наружной, так и внутренней *в русском стиле*, оказалось, что устройство павильона будет стоить не менее 50 тыс. рублей, ввиду сего на будущий 1890 год и вносится половина указанной выше суммы» [16]. Комиссия постановила «оставить внесенную сумму в 25 тыс. рублей [на один 1890 год – Авт.] без изменения и предложить Совету Управления Главного общества в возможно скором времени представить на одобрение Министерства путей сообщения проект и смету на постройку означенного павильона» [17]. В 1890 году сумма «на окончание работ [в 1891 году – Авт.] по построению Императорского павильона «с отоплением, вентиляцией и меблировкой, размером в плане 6,50 сажень на 8 сажень», была увеличена с запланированных 25 тыс. до 31 тыс. рублей [18]. Источником денежных средств стал дополнительный облигационный капитал Главного общества Российских железных дорог [19]. Таким образом, в совокупности, на его строительство предполагалось затратить 56 тыс. рублей [20]. Кроме того, на благоустройство площади перед новым зданием путем строительства площадок на бетонных основаниях предполагалось израсходовать в 1891 году еще 1674 рубля [21].

Проект Императорского павильона на железнодорожной станции Нижний Новгород был утвержден Министерством путей сообщения по докладу № 506 Департамента железных дорог только 26 июня 1891 года [22], хотя окончательно выработан и представлен для утверждения в Министерство путей сообщения он был, по-видимому, еще до июля 1890 года [23]. Таким образом, он проходил процедуру утверждения в различных инстанциях почти год. Вообще, надо отметить, что практически любое действие, как то: заключение договоров с подрядчиками, утверждение сроков строительства здания, незаплани-

рованные работы и расходы на них или выбор мебельного мастера для интерьера, требовало согласования сначала с главным инженером службы пути и зданий Московско-Нижегородской линии Главного общества Российских железных дорог (им тогда был Спиридон Михайлович Петрокино), затем с Советом Управления этого же акционерного общества и, наконец, с Департаментом железных дорог Министерства путей сообщения. Благодаря этому сохранилась обширная переписка, из которой подробно можно узнать о ходе строительства [24].

Автором проекта здания и отделки внутренних помещений стал известнейший московский архитектор, построивший здание Московской городской думы (г. Москва, пл. Революции, д. 2. – в советское время музей В.И. Ленина), представитель целой династии архитекторов [25], Дмитрий Николаевич Чичагов (1835–1894) [26]. Проект Императорского павильона на станции Нижний он составил, видимо, до июля 1890 года [27]. На архивных чертежах, выявленных в РГИА, его фамилия отсутствует [28], но авторство Д.Н. Чичагова безоговорочно подтверждается другими источниками: его подпись стоит под «Перечнем некоторых работ по постройке Императорского павильона на станции Нижний», а в «Выписке из доклада заседания Технического Совета от 12 февраля 1892 года» прямо говорится о том, что именно ему было поручено составление исполнительного проекта и детальных чертежей здания [29].

Первоначальный проект был несколько доработан и утвержден со следующими незначительными техническими указаниями: «Чтобы полы были устроены на балках, двойные, со смазкой по войлоку, причем толщина черного пола и смазки должна быть не менее 10 дюймов, в цоколе были оставлены продушины, снабженные прочными металлическими решетками, кроме сего, подполье было соединено с печами вытяжными каналами, под полами был снят растительный слой земли и заменен песком, потолочные балки опирались на капитальные стены, а не на выступы карнизов, и печи были устроены на особых фундаментах и приспособлены к вентиляции» [30].

Согласно данному проекту, Императорский павильон был построен не в русском стиле, как предполагалось ранее, а в стиле академической эклектики с элементами барокко и рококо [31]. Почти квадратное в плане здание было богато украшено как снаружи, так и внутри. Главный вход в него предусматривался со стороны привокзальной площади. В дальнейшем он был оборудован металлическим навесом «на железных трубчатых колонках, со сделанием чугунного карниза, капителей, цоколя и балюстика и покрытием кровельным железом» стоимостью 1400 рублей [32]. Внутри здание делилось на восемь помещений [33]. Пройдя через сени, которые представляли собой отапливаемый тамбур [34] с двумя однопольными и одной двустворчатой дверью, можно было попасть в центральный зал с резным камином из белого итальянского мрамора, над которым висело зеркало «в штукатурной раме» [35]. Справа от главного входа и центрального зала располагались кабинеты и уборные Их Императорских Величеств, оклеенные обоями, с печами, облицованными майоликовыми изразцами [36]. Стены кабинета ее Величества, кроме того, были обиты шелковой материей, которую выбирал Д. Н. Чичагов [37]. Слева размещались помещения для свиты, со стенами и печью, также оклеенные обоями, и передняя с треугольной оштукатуренной и раскрашенной печью [38]. Потолки и стены в большинстве помещений украсили лепными элементами «в стиле Ренессанс, согласно детальных рисунков» Д.Н. Чичагова [39]. Изготовление этих лепных украшений в мастерской московского подрядчика М.Д. Кутырина обошлось в 4 тысячи рублей [40].

В павильоне была устроена канализация: отдельные ватерклозеты для Ее и Его императорских величеств, а также свиты «с наливными ящиками, всеми приборами и проведением фаянсовых труб и отделкой сидений 2-х клозетов красным деревом и 1-го клозета ясеневым деревом» стоимостью 800 рублей [41]. Перегородки для ватерклозетов при уборной Его Величества и свитской Д.Н. Чичагов предлагал сделать штукатурными до потолка, устроив в их верхних частях просветы с рамами для

Выход из Царского павильона Государя Императора Николая II с Августейшим семейством. 1913 год. РГАКФД

освещения. Перегородку же, отделяющую уборную Её Величества от ватерклозета, архитектор выполнил «филенчатой, столярной работы не доверху и без потолка», «из того же дерева, какое будет выбрано для мебели уборной Её Величества», «полагая, что [при перегородке – Авт.] с потолком ватерклозеты по расположению окон в уборной комнате будет трудно осветить» [42].

Дмитрий Николаевич Чичагов, разрабатывая интерьеры для Императорского павильона, старался оформить их так, чтобы они соответствовали высочайшему положению тех персон, для которых предназначались, то есть хотел использовать для отделки дорогие породы деревьев, мрамор, обои, ткани, произвести живописные и лепные работы [43]. Но главный инженер службы путей и зданий С.М. Петрокино несколько скорректировал его замысел, естественно, в сторону уменьшения предполагаемых затрат, приняв решение заменить все дорогие деревянные стеновые панели, двери и перегородки штукатурными, выкрашенными «под дерево».

Совет Управления просил, чтобы все чертежи были подпи-

саны Чичаговым и приложены к расценочным ведомостям «как для избежания недоразумений с подрядчиком при исполнении им работ, так и для достижения гармонии в деталях отдельных частей плафонов, стен, пилястров, камин и прочее» [44].

В документах практически нет сведений о полах павильона, за исключением одного упоминания о необходимости их перевозки Михаилом Дмитриевичем Кутыриным по железной дороге [45], а также о подготовке к их настилу со смазыванием «глиной по войлоку» [46]. Достоверно нельзя сказать, была ли эта технологическая операция произведена для настилки паркета или же для выкладки пола какой-либо плиткой. Косвенные признаки указывают на то, что полы в павильоне все же были мозаичными, а не паркетными, поскольку мастерская подрядчика М.Д. Кутырина производила «мозаиковые полы разных цветов», а также вела любые мраморные, скульптурные, лепные, облицовочные, штукатурные работы [47]. Если бы пол был паркетным, то его необходимо было бы заказывать в другой мастерской и утверждать, согласно правилам,

смету на его изготовление [48]. М.Д. Кутырин не стал бы заботиться об их транспортировке к месту строительства, этим бы занимался кто-либо другой, как это было с доставкой мебели. Таким образом, документальных подтверждений тому, что полы были паркетными, нет.

На крыше по боковым фасадам был устроен парапет с орнаментированными решетками из оцинкованного железа [49], изготовленными в мастерской М.Д. Кутырина, погонный аршин которых стоил 28 рублей [50]. Там же, на крыше, в центре фасада по линии железной дороги установили один флажок [51], углы здания украшались цинковыми «вазонами»-урнами [52]. Кроме того, на фронтонах обоев фасадов были выполнены гербы Российской Империи [53] и вариант знаков Министерства путей сообщения «из цинка» [54]. К сожалению, детальных рисунков последних не выявлено, поэтому установить, что было нарисовано на полях гербов этих знаков, на данный момент невозможно.

Подряд на строительство Императорского железнодорожного павильона в Нижнем Новгороде получил временно московский

Отъезд из Царского павильона Августейшего семейства. 1913 год.
РГАКФД

6

купец Михаил Дмитриевич Кутырин, владелец строительной мастерской в городе Москве на улице Малой Дмитровке, в доме № 12, принадлежащем Спасо-Влахернскому монастырю [55]. 28 ноября 1891 года был составлен проект договора с ним [56]. Согласно этому документу, М.Д. Кутырин брался выполнить все строительные и отделочные работы, включая дополнительные, которые могли возникнуть по ходу проведения, предварительно согласовав их. Проект этого договора был утвержден Техническим отделением Совета управления Главного общества Российских железных дорог 12 февраля 1892 года, а в конце февраля – Департаментом железнодорожной отчетности Государственного контроля [57].

Точная дата закладки фундамента Императорского павильона в источниках не указана, но из них следует, что к концу 1891 года он заложен еще не был. В донесении же от 21 апреля 1892 года начальника 4-й дистанции Московско-Нижегородской линии главному инженеру службы пути и зданий С.М. Петрокино упоминается уже сложенная часть фундамента. Здесь же он просит разрешения допустить к работе по устройству павильона прибывших из Москвы от подрядчика М.Д. Кутырина каменщиков. Исходя из этого, будет правильным сделать вывод о том, что

котлован и сам фундамент к концу апреля 1892 года были готовы, хотя торжественные мероприятия по его закладке назначались только на 8 мая этого же года. Судя по документам, из-за семейных обстоятельств М.Д. Кутырина и С.М. Петрокино, они были отложены [58]. Точную дату торжеств, посвященных началу строительства Императорского павильона (освящение, закладка памятных доски и урны), установить не удается, видимо, они состоялись летом 1892 года.

Строительство Императорского павильона на станции Нижний, согласно проекту договора с подрядчиком М.Д. Кутыриным от 28 ноября 1891 года, предполагалось завершить не позднее 1 августа 1892 года, а отделку – не позднее 15 февраля 1893 года. Но, по причине эпидемии холеры в Нижнем Новгороде, здание «вчерне» закончили лишь к концу 1892 года [59]. 2 декабря этого года директор Московско-Нижегородской линии И.Ф. Рерберг просил Совет Управления утвердить на «окончание работ по устройству Императорского павильона, устройство навеса над пассажирской платформой на станции Нижний, окончание работ по устройству телефонной сигнализации и устройство отхожего места на станции Нижний» из «суммы на технический надзор и усиление

средств администрации» 1061 рубль 25 копеек [60]. Подрядчик Д.М. Кутырин в марте 1893 года, прося отсрочить окончание работ до декабря 1893 года, писал С.М. Петрокино: «...К выполнению означенного обязательства явилась полная невозможность, т.к. вследствие появления в прошлом году холерной эпидемии в Нижнем, рабочими, которые жили на постройке павильона овладела паника, и при первом смертном случае от холеры, они бросили работы и возобновили таковые лишь через три недели по прошествии паники, почему окончание павильона вчерне мною было окончено лишь осенью 1892 года...» [61]. В августе 1893 года в здании необходимо было вставлять рамы, которые по проекту должны были быть «навешены на колоды» и «отворяться внутрь» [62]. Видимо, внутренняя отделка помещений была окончательно завершена к концу 1893 года.

8 июня 1894 года в Нижний Новгород доставили заказанную у известного мастера Соловьева, который считался одним из лучших в Москве [63], шикарную мебель на сумму 7 тысяч 265 рублей [64]. Кабинет Его Величества был предложен обмобилировать гарнитуром из мореного дерева в стиле Ренессанс, а его уборную — мебелью из светлого дерева. Обстановка кабинета Её Величества была

выполнена из красного дерева в стиле Людовика XV, белый полированный клен использовали при выполнении мебели для её уборной. Центральный зал был оформлен в светлых тонах, мебелью «крашеной под фарфор в стиле Людовика XVI». Из менее дорогих пород деревьев изготовили вешалки, банкетки и стулья для свитской, передней и сеней. Интерьеры всех помещений, мебель и ее расположение внутри них разработал сам Д.Н. Чичагов, составив подробные рисунки и планы, которые, к сожалению, в архивном деле отсутствуют [65].

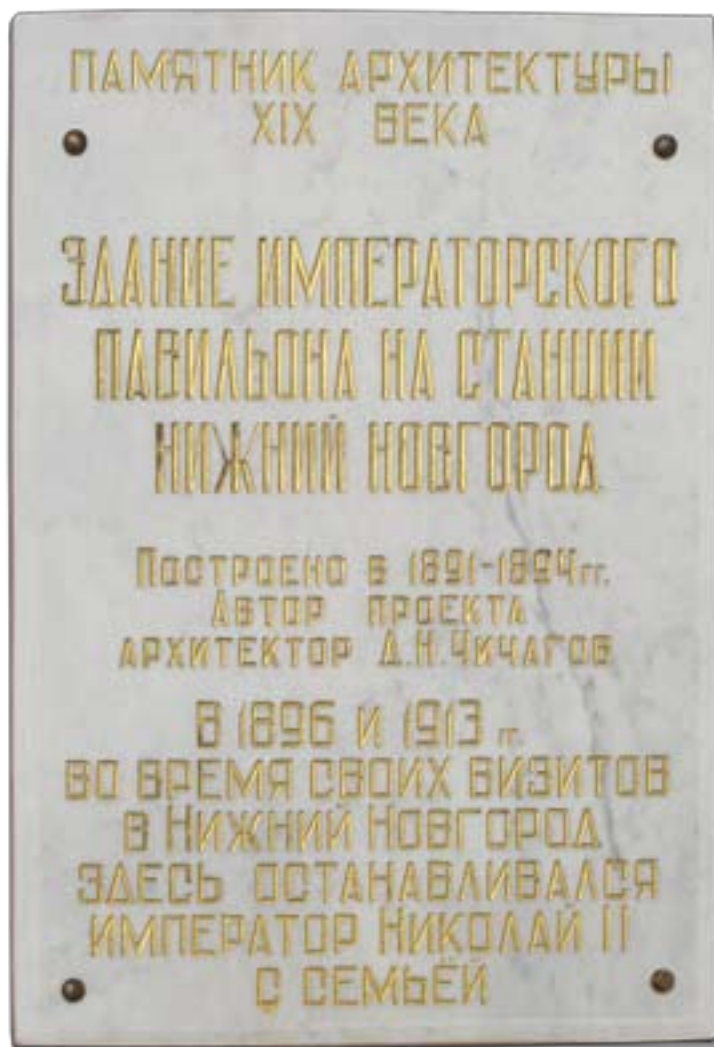
В 1894 году павильон был готов к приему путешествующих высочайших особ, поэтому бывшие парадные помещения в правом крыле здания вокзала (комнаты для приема императора, большой зал, кабинет царя и салон императрицы) [66] было решено в преддверии Всероссийской промышленно-художественной выставки использовать для устройства столовой [67].

Не считая незначительной внутренней перепланировки, здание ни разу не перестраивалось и сохранило, за исключением небольших утрат, свой первоначальный облик до сегодняшнего дня [68].

Судьба шикарной обстановки павильона неизвестна, но можно предположить, что пострадала еще до событий 1917 – 1918 годов, во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, когда рабочие захватили и удерживали здание вокзала [69].

В советское время Императорский павильон переоборудовали под кассы предварительной продажи билетов [70], в 1985 году – для приема народных депутатов и других высокопоставленных лиц [71]. Последний ремонт в нем был произведен в 1997 году, а в 2005 году была выполнена реставрация по проекту, разработанному архитекторами научно-исследовательского предприятия «Этнос». При этом старая мемориальная доска была заменена на новую, где указали точные даты начала и завершения строительства Императорского павильона 1892–1894 годы и имя архитектора – Дмитрия Николаевича Чичагова.

На сегодняшний день Императорский павильон на железнодорожной станции в горо-

Памятная доска на Царском павильоне. Фото 2011 года

де Нижнем Новгороде относится к категории памятников архитектуры регионального значения. Сегодня необходимы дальнейшие научные изыскания в фондах архивов и музеев г. Москвы с целью выявления всех рисунков и чертежей Д.Н. Чичагова, относящихся к Императорскому павильону на станции Нижний Новгород.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Виноградова Т.П. Царственно поставленный город: Нижний Новгород в старой открытке. – Владимир, 2000. С. 238.
2. Там же. С. 236.
3. РГИА. Ф. 258. Главное общество Российских железных дорог (1857 – 1893 гг.). 32741 ед. хр.; РГИА. Ф. 219. Департамент железных дорог Министерства путей сообщения (1849 – 1899 гг.). 26121 ед. хр.
4. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Л. 1–5.
5. ЦГИАМ. Ф. 428. Правление Московско-Нижегородской железной дорогой (1861 – 1896 гг.). 6253 ед. хр.

6. Это следует из упоминания доклада №1379 IV делопроизводства Департамента железных дорог Министерства путей сообщения от 8 сентября 1886 года, где на строительство павильона был разрешен расход в сумме 15 тысяч рублей [РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1682. О новых работах на 1890 г. Л. 78]. К сожалению, сам доклад не обнаружен.
7. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1682. О новых работах на 1890 год. Л. 78.
8. Там же. Л. 80.
9. Там же. Л. 48.
10. Там же. Л. 78.
11. Там же. Л. 48.
12. Там же. Л. 6 – 7.
13. Приказ № 95 министра путей сообщения от 21 декабря 1887 года // Журнал Министерства путей сообщения. 1887. № 51 – 52. Часть официальная. С. 221; РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1682. О новых работах на 1890 год. Л. 48.
14. Там же. Л. 6 – 7.
15. Там же. Л. 5 – 5 об., 77.
16. Там же. Л. 80.
17. Там же. Л. 80 об.
18. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1713. О новых работах на 1891 год. Л. 7, 34 об.
19. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1682. О новых работах на 1890 год. Л. 97.

20. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1713. О новых работах на 1891 год. Л. 11; ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Л. 2.
21. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1713. О новых работах на 1891 год. Л. 38 об.
22. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
23. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1713. О новых работах на 1891 год. Л. 7.
24. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления Главного общества Российских железных дорог о постройке Императорского павильона на станции Нижний. 1891 – 1894 гг. 52 л.
25. Зодчие Москвы эпохи эклектики, модерна и неоклассицизма. – М., 1998. С. 261 – 262.
26. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 3 об., 23.
27. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1713. О новых работах на 1891 год. Л. 7.
28. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
29. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 3 об., 9 – 9 об.
30. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
31. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1682. О новых работах на 1890 год. Л. 80; РГИА.

- Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
32. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 18.
33. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
34. Здесь имела оштукатуренная и «расколорованная» печь [ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 4 – 4 об.].
35. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 4 – 4 об., 16 об.
36. В кабинете её Величества по предложению Д.Н. Чичагова изразцы должны были быть палевыми, а в кабинете его Величества – темно-зелеными [Там же. Л. 27 об., 31].
37. Там же. Л. 50 – 50 об.
38. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5; ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 4 – 4 об.
39. Там же. Л. 16 об., 20 об. – 21.
40. Там же. Л. 16 об.
41. Там же. Л. 16 – 18.
42. Там же. Л. 17 об.
43. Там же. Л. 3 – 3 об.
44. Там же. Л. 4 – 4 об.
45. Там же. Л. 40.

46. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5; ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 36.
47. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 14.
48. Таковая смета в документах отсутствует, хотя, отметим, есть смета на оплату работ мебельного мастера.
49. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 31, 41, 43, 49.
50. Там же. Л. 27 об., 31.
51. Там же. Л. 31, 49.
52. Там же. Л. 3 – 3 об., 4 – 4 об.; РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
53. Судя по чертежам, на обоих фасадах размещался вариант так называемого Среднего государственного герба Российской империи, утвержденного в 1883 году: герб на горностаевой мантии (сени) [здесь – без архангеловщитодержателей, малых гербов и хоругви – Авт.] с изображением черного двуглавого орла на золотом фоне, белого (серебряного) Георгия Победоносца, поражающего змея, на красном фоне [Символы России. – М., 1998. С. 59 – 62].
54. РГИА. Ф. 350. Оп. 29. Д. 376. Коллекция планов и чертежей... Л. 1 – 5.
55. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 14.
56. Там же. Л. 10 – 10 об., 29 об.
57. Там же. Л. 7 – 8, 9 – 9 об., 10.
58. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 12, 15.
59. Там же. Л. 29 – 29 об.
60. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1713. О новых работах на 1891 год. Л. 97.
61. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 29 об.
62. Там же. Л. 3, 40.
63. Там же. Л. 23 – 26 об. Мебельный мастер Соловьев изготавливал, например, мебель в стиле Empire для белой гостиной во дворце Московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича [Там же].
64. ЦГИАМ. Ф. 428. Оп. 2. Д. 362. Переписка с Советом Управления... Л. 42 – 42 об.
65. Там же. Л. 23 – 26 об.
66. Виноградова Т.П. Указ. соч. С. 236.
67. РГИА. Ф. 258. Оп. 4. Д. 1790. О расширении существующих пассажирских зданий станций Москва и Нижний к открытию Всероссийской промышленно-художественной выставки в Н. Новгороде в 1896 году. Л. 12 об.
68. Не сохранились решетки на боковых парапетах крыши, флагшток, гербы и знаки Министерства путей сообщения на фасадах, утрачены элементы внутренней отделки.
69. История города Горького. – Горький, 1971. С. 214.
70. Голубева О.П. Реконструкция железнодорожного вокзала в Горьком (архитектурное решение) // Горьковская правда, 1963, № 7.
71. Курьлев А. Павильон на площади // Гудок, 1985, 4 дек.

Парадный зал Царского павильона. Фото 2010 года

История формирования ансамбля Ворсменского Троицкого Островоезерского монастыря в XVII веке

История возникновения и строительства архитектурного ансамбля Троицкого Островоезерского монастыря — яркая страница нижегородского церковного зодчества XVII века. Эта обитель была выстроена на одном из островов Ворсменского озера вблизи села Ворсма Горбатовского уезда. Простояв около 300 лет, монастырь прекратил свое существование в 1927 году XX столетия. Вскоре после закрытия обители были полностью разобраны монастырская ограда и два каменных храма — Троицкий и Казанский [1]. О бывшем некогда на острове монастыре долгие годы напоминали только руины братского корпуса и надвратной церкви Михаила Малеина.

В 1995 году территория острова получила статус земель историко-культурного назначения со специальным режимом их содержания. Тем самым остатки монастырских построек и сам остров были взяты под охрану государства [2]. До

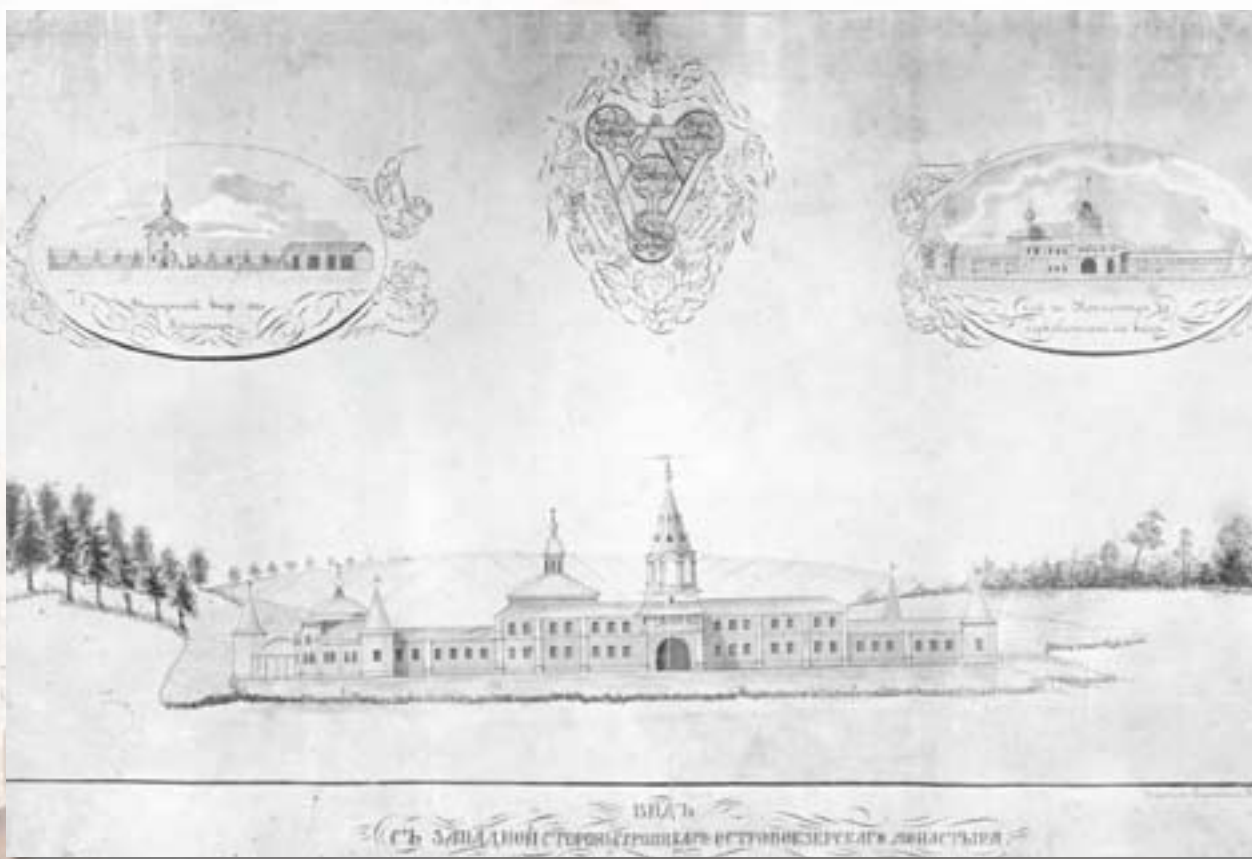
последнего времени Троицкий Островоезерский монастырь не привлекал к себе пристального внимания современных исследователей русской архитектуры. Имеется лишь несколько публикаций, косвенно связанных с историей строительства монастыря. Все они посвящены личности зодчего Павла Потехина и его подрядной записи на строительство каменных зданий монастыря, относящейся к 1688 году [3].

История основания Островоезерского монастыря и строительства в нем храмов отражена в дореволюционной церковно-исторической литературе [4]. Наиболее подробно она изложена в монографии «Памятники церковных древностей» архимандрита Макария (Миролюбова) [5] и в «Адрес-календаре Нижегородской епархии» дьякона А. Снежницкого [6]. В этих трудах основная роль в устройении обители на острове в Ворсме отводится представителям весьма влиятельного в XVII веке рода князей Черкасских [7]. Имевшие в

вотчинном владении села Ворсма и Павлово, Черкасские действительно принимали активное участие в строительстве монастыря, что подтверждается документами. Литературные источники упоминают также схимонаха Макария, называемого монастырским преданием «первоначальником» обители [8].

Легендарный факт встречи и беседы Макария с князем Черкасским, обещавшим иноку построить обитель на острове, неизменно присутствует практически во всех повествованиях об основании монастыря. Однако существование нескольких вариантов описания этого события говорит о том, что легенда не сохранила ни точного имени князя, ни указания времени, когда эта встреча произошла. Восполняя эти существенные пробелы, каждый из авторов был волен дать свою трактовку известным фактам.

Архимандрит Макарий утверждает, ссылаясь на местное предание, что монастырь на острове в Ворсме появляется после того,

как был переведен сюда из села Павлова Воскресенский мужской монастырь [9]. Эта версия основания монастыря имеет ряд противоречий. Согласно ей, князь Михаил Яковлевич Черкасский, возвращаясь с воеводства в Тобольске и проезжая через свои вотчины — села Ворсма и Павлово, встретил жившего на острове инока Макария [10]. Схимник приветствовал князя и благословил его святой иконой, затем показал ему место своего уединения. Остров так понравился Черкасскому, что он решил перевести сюда из села Павлова Воскресенский монастырь. По утверждению архимандрита Макария, намерение князя было приведено в исполнение в 1662 году, как якобы свидетельствовали «оставшиеся монастырские акты» [11]. Далее в книге помещена храмозданная грамота митрополита Сарского и Подонского Питирима, на которую ссылается Макарий. В ней челобитчиком на устройство храма Живоначальной Троицы с приделом Явления иконы Казанской Богородицы значится не Михаил Яковлевич, а его отец Яков Куденетович Черкасский, и просит он не об устройстве монастыря

на новом месте, а о строительстве новой церкви вместо старой, обветшавшей — «во имя тех же престолы» [12]. Несостоятельность данной версии истории основания Троицкого Остроуоезерского монастыря становится еще более очевидной, если учесть собственное замечание архимандрита Макария о том, что и после перемещения в Ворсму Воскресенский монастырь в Павлове не прекратил своего существования и даже имел вклады вплоть до начала XVIII века [13].

Совершенно иную историю возникновения монастыря приводит А. Снежницкий [14]. По его версии, основание обители связывается с именем князя Бориса Камбулатовича Черкасского и относится к концу XVI столетия. Поселившийся на острове Ворсменского озера пустынный Макарий ходатайствовал об основании обители перед владельцем села Ворсма князем Борисом Камбулатовичем [15]. Черкасский дал ему свое согласие. Позже, при обозрении своих вотчин, князь Борис вручил Макарию привезенную из Москвы святую икону Казанской Богородицы [16]

и указал место на острове для возведения деревянного храма. В 1580 году, утверждает А. Снежницкий, на острове уже были построены деревянные братские кельи и деревянная двухъярусная церковь с двумя престолами: вверху располагался Троицкий, а под ним — в честь Казанской иконы Божией Матери.

По указанию князя Бориса Черкасского спустя 20 лет строится в монастыре и вторая церковь. История ее появления связана, по А. Снежницкому, «с несчастною судьбою князя Бориса и царственного предка Дома Романовых Михаила Федоровича Романова» [17]. Годуновская опала, которой подверглись Романовы, в 1600 году коснулась и князя Бориса Камбулатовича, женатого на Марфе Никитишне Романовой-Юрьевой: князь Борис вместе с женой и шестилетним их племянником Михаилом Федоровичем был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Якобы желая оставить потомкам память «о злом поступке властолюбца Годунова и о том, что он, князь Борис, был охранителем и отцом для племянника своего Михаила», Б.К. Черкасский

Видъ сей отъ монастыря Троицкаго Острова урская муромская Монастыря, а отъ урская троица Троицкаго въ 56 верстахъ на пригородномъ
 Навроде Нов-града въ 56 верстахъ, а отъ урская троица Троицкаго въ 56 верстахъ на пригородномъ
 селѣ, который созданъ на имени св. Ксенофонта, при Дерзавѣ Главоукомъ Владиміра
 Царя и въ веденіи Великихъ и Малыхъ Рюриковъ Алексея Мухоморова, Тимофея и въ имени Князя
 Якова Гуденитовича рязанскаго въ 1662 году.

ШЕДРАВИН.
БРАТИ.
СВ. СЪБ. СЪА.

ШЕДРАВИН. —
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДИТОВЪ
СЕРГИЙ АЛЕКСІА И СРОДНИКОВЪ ИХЪ,
И ЦУМ. СЕРГІА

Иеромонахи: Петра, Тихона, Мелерія,
 Антонія, Филарета, Леонтія, Св.ра,
 Валентина, Митрофана;

Иеромонахи: Анароста, Феодосія,
 Бониса, Юстина.

МАНА СЕРАФІМЪ

Св.ра,
 Феодора, Іоанна,
 Евстахи, Педаскевы,
 Иаковъ, Нектарія,
 и всѣхъ св.ра.

Иеромонахи:
 Юлианъ,
 Феофанъ

ШУПОКОРНІН.
 Петра, Анны, Алексія, Антонія,
 Алексія, Марія, Евдокія, Авраама,
 Алексія, Иеромонаха Анастасія,
 Николая, суроча Алексія, и сродн.
ІОАННА МОНАХИНЪ-НАТАЛІН.

Иеромонахи:
 Трифонъ

Анароста, Елены, Альба, монахини Талсіи,
 Алевтіны, Александры, и всѣхъ св.ра

Иеромонахи:
 Андрей

Алексія, Матроны, Евварѳенна, Трифона,
 Николая, Николая, Пелагіи, и сродн.

Иеромонахи:
 Стефанъ,
 Феофанъ

Евдокія, Евдокія, Іоанна, Евдотерны,
 Миканна, Евдокія, Василиа.

Иеромонахи:
 Микола,
 Стефанъ

ШЕДРАВИНЪ БР. СЪТ. ОБ. СЪА.

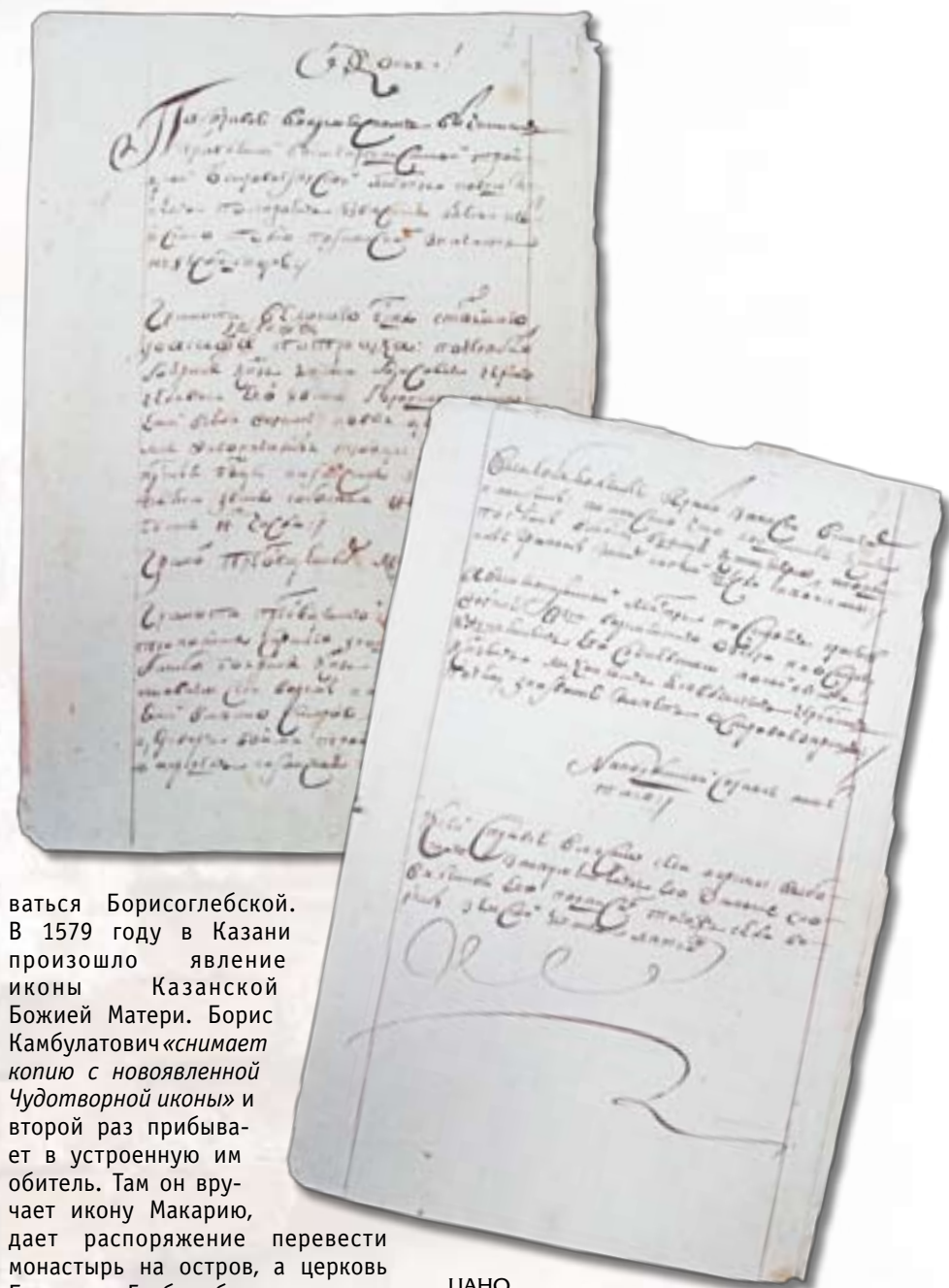
ШУПОКОРНІНЪ БР. СР. СЪА.
 (А ПРОСИМЫИ)

строит в Островоезерском монастыре храм во имя преподобного Михаила Малеина — святого, тезоименитого М.Ф. Романову [18].

Факт строительства в монастыре церкви Михаила Малеина при описываемых обстоятельствах кажется нам маловероятным; сам А. Снежницкий отмечает, что Борис Камбулатович скончался в Кирилло-Белозерском монастыре 12 апреля 1601 года, не прожив в нем и года [19].

Разумеется, материалы по истории строительства Островоезерского монастыря не исчерпываются сведениями, приведенными в церковно-исторической литературе. Богатую информацию содержат данные архивных источников и, в частности, документы фонда Троицкого Островоезерского монастыря, хранящиеся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) [20]. Среди прочих материалов этого фонда имеется «Дело краткого описания монастыря» [21], составитель которого попытался, опираясь на местные предания, изложить историю создания обители. В тексте документа, который состоит из плохо увязывающихся друг с другом черновых записей, сделанных не ранее 1882 года, скупые свидетельства истории обставляются всякий раз новыми подробностями. Так, например, факт встречи с пустынником Макарием приписывается то Борису Камбулатовичу Черкасскому, то его сыну Ивану Борисовичу. Соответственно изменяется и контекст времени: в первом случае основание монастыря относится к 70-м годам XVI века [22], во втором — ко времени воцарения Михаила Федоровича Романова [23]. Подобных вариантов событий в тексте «Краткого описания» множество. Рассматривать их все не имеет смысла, так как в целом они сводятся к двум вышеприведенным схемам.

Впрочем, одна версия из многих заслуживает внимания [24]. По этой версии, Борис Камбулатович Черкасский с дозволения Ивана Грозного в 1570 году распорядился выстроить на берегу озера (а не на острове, как в других вариантах) сначала деревянную церковь «в честь своего ангела Бориса и Глеба», а затем кельи и ограду. Построенная обитель стала назы-

ваться Борисоглебской. В 1579 году в Казани произошло явление иконы Казанской Божией Матери. Борис Камбулатович «снимает копию с новоявленной Чудотворной иконы» и второй раз прибывает в устроенную им обитель. Там он вручает икону Макарию, дает распоряжение перевести монастырь на остров, а церковь Бориса и Глеба обратиться в приходскую [25]. С этого времени при село при церкви стал называться Жатвенным Борисоглебским погостом, а поселение при Ворсменском озере — деревней, или сельцом Ворсмой [26].

Необходимые исторические сведения автором этого «краткого описания» почерпнуты из книг А. Смирнова и А. Барсукова [27]. Имевшиеся же в распоряжении составителя монастырские акты не только не подкрепляют данное сочинение, но во многих деталях опровергают его [28].

Анализ ряда документов XVII века позволяет сегодня очертить хронологические рамки основания Островоезерского монастыря. Одним из таких документов является запись монастырского

ЦАНО

синодика, составленного около 1675 года, о роде «создателей Островоезерская пустыни на Великоем Ворсменском озере, бояр: князя Ивана Борисовича, князя Якова Куденетовича, князя Михаила Яковлевича Черкасских, а также родители Иоана Борисовича, князь Борис и княгиня Марфа» [29]. Характер этой записи не оставляет сомнений, что именно Иван Борисович, упомянутый в списке князей Черкасских первым, содействовал основанию обители. Очевидно, что монастырь был основан не ранее 1619 года, когда село Ворсма стало вотчиной И.Б. Черкасского [30], и не позднее 1642 года — года смерти князя.

Первым документом, фиксирующим появление монастыр-

Музей истории города
Музей истории города
Музей истории города

Музей истории города
Музей истории города
Музей истории города

Музей истории города
Музей истории города
Музей истории города

Музей истории города
Музей истории города
Музей истории города

ЦАНО

ских построек в Ворсме, является грамота патриарха Иоасафа «по челобитью боярина кн[я]зь Ивана Борисовича Черкасского человека ево Ивана Бородина о строении в селе Ворсме новья церкви во имя Живоначальные Троицы да предел[а] Пр[е]с[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы Казанския», датированная 14 августа 1648 (1640) г. [31]. Существование монастыря на острове в 1640-х гг. подтверждается приведенной автором «Краткого описания» записью на вкладной книге «Служба и житие преподобного Сергия Радонежского Чудотворца», напечатанной в 1647 году: «Лета 7157 (1649) февраля во 2-й день сию книгу Препод. Отца и Чудотворца Сергия дал вкладу поп Михайло Гаврилов, брат родной священноиноку Нафанаилу, в дом Живоначальной Троицы на острове Макария Затворника, что у села Ворсмы на озере» [32].

В храмозданной грамоте митрополита Сарского и Полонского Питирима 1662 года Троицкая церковь в Ворсме «на острове» названа «старой» [33]. Документ отражает следующий этап в создании монастырского ансамбля. Инициатором строительства новой церкви в монастыре стал Яков Куденетович Черкасский [34], получивший во владение села Павлово и Ворсма после смерти И.Б. Черкасского в апреле 1642 года. Текст этой грамоты приведен в «Памятниках церковных древностей» архимандрита Макария [35].

После описания «ветхостей» прежней церкви в храмозданной грамоте Питиримом оговаривался облик будущей церкви: «и аз смиренный преосвященный Питирим Сарский и Подонский... велел ему (Я.К. Черкасскому — Я.Ш.)... вместо ветхих церкви, воздвигнути новую церковь во имя Живоначальных Троицы, да в пределе Явлению иконы Пречистые Богородицы Казанския, а предел велел прирубить по стороне той церкви особою статьею, чтобы предельныя двери были в паперть, и вход в предел был из паперти, а из церкви в предел ходу не было, и главы бы на той церкви и на пределе были не шатровья, и олтари делать круглые тройные; а в церкви и в пределе в олтари велеть делать по трои двери» [36]. На то, что требования к архи-

тектуре будущей постройки были довольно жесткими, указывает следующее предостерегающее замечание Питирима: «А будет предел построить в одной церкви, а не особою статьею, а в той церкви освятить один настоящий престол, а предела не святить» [37]. Возьмем на себя смелость предположить, что Троицкая церковь с Казанским приделом все-таки была построена, и в том виде, как это предписывалось храмозданной грамотой Питирима. Вероятнее всего, построена она была до 1667 года — года смерти Я.К. Черкасского.

С именем следующего владельца села Ворсма — сына Я.К. Черкасского князя Михаила Яковлевича — связана более активная строительная деятельность в Островоезерском монастыре. В 1672 году здесь возводится последняя из деревянных храмовых построек монастыря — церковь Михаила Малеина. Благословение на ее строительство 4 марта 1672 года дал митрополит Сарский и Полонский Павел [38].

Новый этап формирования ансамбля монастырских построек открывает благословенная грамота, подписанная 31 августа 1688 года митрополитом Нижегородским и Алатырским Павлом: «...по челобитью вотчины г[осу]д[а]ря нашего кн[я]зь Михаила Яковлевича села Ворсмы Троицкого Островоезерского м[о]н[а]ст[ы]ря иеромонаха Иоакима о строении вместо деревянных церквей Пр[е]с[вя]тыя Живоначальной Троицы да в пределе Пр[е]с[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы Казанския да згоревшия церкви Пр[е]п[од]обного отца Михаила Малеина [39] вновь каменных церквей те же пр[е]ст[ол]ы» [40].

О строительстве каменных зданий в монастыре в конце XVII века свидетельствуют копии с грамот князя М.Я. Черкасского, хранившихся в монастыре, снятые игуменом Ефремом в 1886 году [41]. Первый документ не датирован и представляет собой так называемую «собственноручную роспись строенью» князя М.Я. Черкасского [42]. Второй документ дополняет первый. Это контракт между М.Я. Черкасским и крестьянином с. Кадницы [43] Павлом Сидоровичем Потехиным на строительство каменных зданий

монастыря [44]. Контракт датирован 24 августа 1796 (1688) года. Текст этих двух документов хорошо известен исследователям. Как одно целое они были опубликованы в 1857 году в «Памятниках церковных древностей» архимандритом Макарием и затем в 1938 году с небольшими купюрами у С.В. Безсонова [45]. Фрагменты этого текста часто приводят в качестве иллюстрации, когда речь идет о принципе строительства по образцу и методу работы зодчего конца XVII столетия.

В первую очередь нас интересует та часть документа, которая отражает ход строительства Островоезерского монастыря. В контракте Потехин обязуется «... к тому каменному делу притти... в нынешнем же во сто девяносто шестом (1688) году и делать то каменное дело самым добрым мастерством» [46]. Но строительство было начато не раньше лета 1691 года. В приказной грамоте М.Я. Черкасского Афанасию Жохову о заготовке материалов, составленной 5 января 1691 года, оговаривались мероприятия по обследованию обнаруженных неподалеку от Ворсмы залежей известняка, который предполагалось использовать на фундаменты [47]. Приказом было предписано: из с. Кадницы «Пашку (Потехина — прим. автора) да с ним для свидетельства и чертежу и приправки, как которая статья пристойнее к выспросу и досмотру трех человек каменщиков знающих же: Федку Перфильева, Федку Александрова, Куземку Ипатьева взяв, ехать в монастырь» для осмотра белого камня — «годитца ли каменному делу» и «можно ль утвердить на той мели каменну стену» [48].

Есть в тексте документа и прямое указание о начале строительства: «А строить в лето церковь с трапезою и келий и передняя стена с вороты и над вороты колоколница с церковью и огады, что успеетца» [49]. Такой порядок работ — сначала строить церковь с трапезной, кельи, ворота и колокольную над ними, а затем уже соборный холодный храм — оговаривался и в «росписи строенью» [50].

Вероятно, до начала строительства был составлен чертеж будущих построек. В «приказе» велено было «весь монастырь назнаменить на бумаге с мерою и как

Святые врата Ворсменского Островоезерского монастыря.
Фото В. Алексева. 2005 год

6

Островоезерский Свято-Троицкий монастырь. Рисунок В. Даля. ИИМК РАН

строению быть против чертежа и означать на чертеже, которым местом рвам и строеньям быть и что в которую сторону сажен останетца за строением и для чего выпустить за строение и то все, означать подлинно, да и о том высмотреть не по старой ограде по наличному досмотру как в пристрой и что в обод будет сажен то место, которому быть в строение и ограде и написав и назнамена чертеж писать и со смотру своего опись и чертеж прислать не мотчав» [51]. Приказ заканчивался требованием: «А с чертежом и с описною росписью прислать ко мне к Москве подмастерья Пашка Потехина наспех, а ему сказать, чтоб он товарищем своим приказал готовитца к делу, и за дело принимались и делать с весны» [52].

Появление первых каменных монастырских построек в лето 1691 года отмечено в следующей по времени грамоте М.Я. Черкасского [53]. В тексте документа перечислены постройки, начатые Потехиным: «А исподняя де житья, ледник и погреб построены под теплою церковью... А что в нынешнем 200 (1691/92) году изготовлено кирпича триста тысяч и тем де кирпичем начатые кельи и на воротах церковь и колокольница и запасная палата и достальные кельи и вся ограда постройтца» [54].

Но в 1692 г. Потехин был отстранен от дел. Приказом

М.Я. Черкасского руководство строительством перепоручалось Федору Перфильеву [55]: «...в нынешнем в 200 (1691) году в [ноября] 16 де[нь] указал я села Ворсмы в Островоезерском Святые Троицы монастыре в строеньях у каменного дела быть в подмастерьях кадницкому каменщику Федке Перфильеву, да с ним в товарищах Куземке Игнатъеву, а прежнему подмастерью Пашке Потехину подмастерьем к редовым быть за старость не указал» [56].

В части приказа, касающейся набора каменщиков на новый строительный сезон 1692 года, с отставкой Потехина предписывалось отстранить от работы еще 7 человек кадницких каменщиков, «...а вместо их взять Серешкина сына Ивашка, Пашкина сына Потехина Стенку, да из бобылей в приправку Бориска Михайлова, Петрушку Иванова, да кадницких каменщиков, которые были на деле на Москве пять человек: Микитку Игнатъева, Гришку Михайлова, Марчку Андреева, Исачку Андреева, Ивашку Михайлова, да из сел Богородского и Павлова тех же каменщиков, которые сначала взяты и были во отпуску, всего и с подмастерьем шестдесят один человек; и теми людьми построить вышеписанные дела» [57].

Этим же документом были внесены существенные поправки к «росписи строению» 1688 года: **«И по моему указу положено, соборная церковь совершить**

одноглавою (здесь и далее выделено автором) в потайной епанечной кровле с отводными над кровлей стоками против указанного ему (Перфильеву — прим. автора) на Москве образца» [58]. Важно отметить, что первоначально в «росписи строению» Троицкую церковь предполагалось завершить пятиглавием: «...церковь в довершке по соборному, главы и шейки и на церкви прикраска и окошка и меж окошек столбики и рундуки как у Воскресенской решетки в Кадашеве церков, в красной пример пятиглавный утвердить, чтоб отнюдь течи не было» [59].

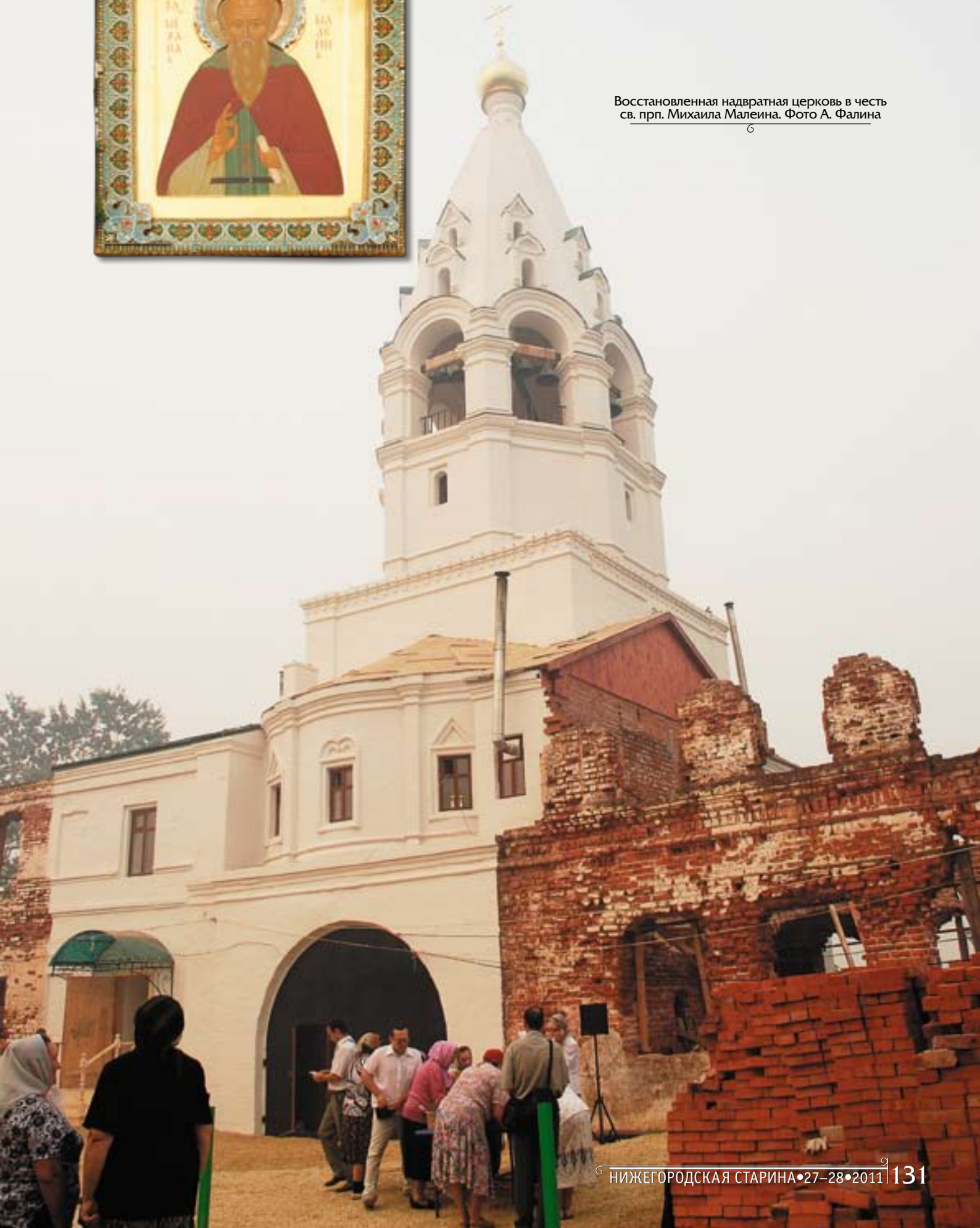
Сопоставление приведенных в «росписи» и последней грамоте М.Я. Черкасского указаний, касающихся облика Троицкого собора, дает повод предположить, что в 1691 году зодчий был ориентирован на иной, нежели в 1688 году, образец. Во всяком случае, это можно утверждать с полной уверенностью в отношении композиции входов собора. Раньше, по «росписи строению», Потехин должен был делать «в церковь трои двери с рундуками такими, каковы в Кадашеве у Воскресенской решетки» [60]. Приказом же 1691 года новому подрядчику Ф. Перфильеву вменялось «к церкви соборной построить рундуки против Чудовских всходов и обвершить с потайно[й] ж кровлей по полаточному с подъемными стенами» [61]. Вероятно, речь в данном случае идет о церкви Чуда Архангела Михаила в Московском Кремле. Церковь эта в XVII веке была одноглавой, поэтому есть все основания предполагать, что именно она была указана подмастерью в качестве образца для повторения ее форм завершения на Троицком соборе.

В тексте грамоты содержится также радикальное требование: «переделать и закамар снять с теплой церкви, которая построена, потому что теча от закамар будет» [62]. Замечание это относится к зданию Казанской церкви, строительство которой в лето 1691 года велось под руководством П. Потехина.

Грамоты М.Я. Черкасского дают информацию не только о времени начала строительства каменных зданий монастыря. По ним можно установить и долю участия каждого зодчего в возведении той

Восстановленная надвратная церковь в честь
св. прп. Михаила Малеина. Фото А. Фаина

или иной постройки. Очевидно, что разбивка территории острова под строительство всех зданий и сооружений монастыря осуществлялась под руководством Павла Потехина. Им же были начаты братские и настоятельские кельи, а также святые ворота между ними с надвратной церковью Михаила Малеина. Казанская теплая церковь тоже была выстроена Потехиным, но ее венчающие части переделаны Федором Перфильевым. Завершении начатых в 1691 году построек выполнялось под наблюдением Перфильева. Ему же принадлежит основная роль в возведении Троицкого собора.

Сведения о датах окончания строительства каменных монастырских зданий содержатся в описях церковного имущества XIX в. Согласно описи монастырского имущества 1859 года, первым было завершено строительство теплой церкви Казанской иконы Божией Матери — в 1694 году [63]. Надвратная церковь Михаила Малеина была закончена в 1695–1696 гг. В описи алтаря церкви 1806 года упоминается *«антиминс на белом полотне со вложением святых мощей, священнодействован 7204-го (1695/96) года... при патриархе... Адриане, митрополитом Павлом... Нижегородским и Алаторским»* [64]. Завершил храмовый ансамбль монастыря Троицкий собор. О нем в описи 1806 года говорится: *«церковь соборная... каменная, холодная, безпридельная, освящена 7207-го (1698/99) года...»* [65]. Материалы архивных источников, к сожалению, не позволяют судить о времени окончания других монастырских зданий. Можно лишь предполагать, что все строительные работы в монастыре были завершены к началу XVIII столетия.

Подводя итог обзора материалов по истории строительства Островоезерского монастыря, следует отметить, что архивные источники позволяют в целом воссоздать реальную картину строительства Островоезерского монастыря в XVII веке, отличающуюся от предложенных историками XIX века.

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий во время освящения надвратной церкви в честь св. прп. Михаила Малеина. Фото А. Фалина. 2010 год

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кирпич от разобранных зданий монастыря был использован при строительстве первой городской больницы г. Ворсмы.
2. Постановление Законодательного собрания Нижегородской области № 64 от 30.05.95 г.
3. Безсонов С.В. Крепостные архитекторы. М., 1938. С. 11 – 16, 77, 78, 98; Микишатъев М.Н. К вопросу о датировке некоторых памятников русской архитектуры конца XVII века//Филевские чтения. М., 1994. С. 90–101; Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX века. Н. Новгород, 1994. С. 120 и др.
4. Макарий (Миролюбов), архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 298–300, 448–454; Снежницкий А., дьякон. Адрес-календарь Нижегородской епархии. Н. Новгород, 1888. С. 255–261; Православные русские обители/Сост. П.П. Сойкин. СПб., 1910. С. 358, 359.
5. Макарий (Миролюбов). Указ. соч. С. 298–300.
6. Снежницкий А. Указ. соч. С. 255–261.
7. В разных документах по строительству монастыря упомянуты: Борис Камбулатович, Иван Борисович, Яков Куденетович и Михаил Яковлевич Черкасские. Об этих и других представителях рода князей Черкасских см.: Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. С. 410–412; Барсуков А. Род Шереметевых. Т. 1–8. СПб., 1881–1904.
8. О жизни Макария монастырское предание никаких сведений не сохранило; неизвестны даты его рождения и смерти, неизвестно, когда, где и кем был пострижен в монашество.
9. Макарий (архим.) Указ. соч. С. 299.
10. М.Я. Черкасский был воеводой в г. Тобольске в 1697–1699 гг. См.: Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 593.
11. Макарий (архим.). Указ. соч. С. 299.
12. Там же. С. 439.
13. Там же.
14. Снежницкий А. Указ. соч. С. 255–261.
15. По мнению А. Снежницкого, князя Черкасские уже в конце XVI в. имели в вотчинном владении с. Ворсма с приселком Борисоглебским, называвшимся тогда Жатвенным погостом. Никаких ссылок на документы, подтверждающие факт такого владения, А. Снежницкий не привел.
16. Явление Казанской иконы Богоматери в Казани произошло в 1579 г. См.: Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон/Под ред. Е. Поселянина. СПб., 1909. С. 424–432.
17. Снежницкий А. Указ. соч. С. 257.
18. Там же.
19. Там же.
20. ЦАНО. Ф. 580. Островоезерский Свято-Троицкий монастырь в Горбатовском уезде с. Ворсма. (547 ед. хр. 1727—1927 гг. 3 описи).
21. Там же. Оп. 2. Д. 105.
22. Там же. Л. 1–10б.
23. Там же. Л. 2–3.
24. Там же. Л. 9–10 об.
25. Есть сведения о существовании деревянной Борисоглебской церкви на берегу Ворсменского озера в начале XIX в. (РГИА. Ф. 1088. Оп. 10. Д. 383 (1806 г.). Л. 1–3 об.). Вместо нее в 1823 г. была построена каменная Казанская церковь с Борисоглебским приделом. Эта каменная церковь сохранилась до наших дней.
26. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 105. Л. 10 об.
27. Смирнов А. Павлово и Ворсма, известные стально-слесарным производством села Нижегородской губернии. М., 1864; Барсуков А. Род Шереметевых. Кн. 2. СПб., 1882.
28. В деле приводятся ссылки на два документа: 1) Реестр грамот, хранящихся в архиве при монастырских делах, присланный в 1722 г. из вотчинного Ворсменского волостного правления; 2) хранимую в монастыре Благословенную грамоту преосвященного Питирима, митрополита Сарского и Подонского, 1662 г.
29. См.: Троицкий Островоезерский заштатный мужской монастырь//Нижегородские епархиальные ведомости. 1886. № 23. С. 28.
30. Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. Акты 1587–1627 гг./Под ред. С. Веселовского. М., 1913. С. 98–99; Шепетов К.Н. Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства Черкасских)//Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 17.
31. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Справка Ворсменского вотчинного правления графа П.Б. Шереметева об имеющихся документах по истории Троицкого монастыря за 1648–1688 годы (не раньше 2 марта 1781 г.). Л. 1.
32. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 105. Л. 9 об.
33. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.
34. Я.К. Черкасский приходился троюродным или, по некоторым источникам, двоюродным братом И. Б. Черкасскому.
35. Макарий (Миролюбов) Указ. соч. С. 439–440.
36. Там же. С. 440.
37. Там же.
38. ГАНУ. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Л. 1 об.: «Грамота преосвященного Павла митрополита Сарского и Подонского по челобитью вотчины г[осу]д[ар]я нашего князь Михаила Яковлевича села Ворсмы пустыни Живоначальная Троицы с острова черного попа Варсонофия о строении в том м[о]н[а]стыре теплой церкви преподобного отца нашего Михаила Малееина».
39. А. Снежницкий указывает (без ссылок на документы), что деревянный храм Михаила Малееина сгорел в пожаре между 2 и 10 февраля 1673 г., тогда же были уничтожены древние документы и Синодик монастыря. См.: Снежницкий А. Указ. соч. С. 258.
40. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 3. Д. 8. Л. 1 об.
41. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220.
42. Там же. Л. 1–2 об.
43. Село Кадницы Закудемского стана Нижегородского уезда было отдано Яковом Никитичем Одоевским в приданое своей дочери княжне Марфе Яковлевне, вышедшей за князя М.Я. Черкасского. См.: Барсуков А. Род Шереметевых. Кн. 3. СПб., 1883. С. 332, 338, 339.
44. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220. Л. 9.
45. Макарий (Миролюбов). Указ. соч. С. 449–454; Безсонов С.В. Указ. соч. С. 77, 78.
46. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220. Л. 9 об.
47. Там же. Л. 3–4 об.
48. Там же. Л. 3.
49. Там же. Л. 4.
50. Там же. Л. 2.
51. Там же. Л. 3 об.
52. Там же. Л. 4 об.
53. Там же. Л. 5–6 об.: Приказ на одном столбце князя Михаила Яковлевича Черкасского Афонасью Жохову касательно каменных построек в Островоезерском монастыре — кого и с какими условиями подряжать, что, где и как строить в 7200 году от сотворения мира, 1691 году от Р. Х. ноября в 16-й день.
54. Там же. Л. 5.
55. На эту замену зодчего в ходе строительства монастыря уже обращали внимание исследователи. См.: Бусева-Давыдова И.Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII веке // Архитектурное наследство. Вып. 36. М., 1988. С. 52; Филатов Н.Ф. Указ. соч. С. 120.
56. ЦАНО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 220. Л. 5.
57. Там же. Л. 5 об.
58. Там же.
59. Там же. Л. 1.
60. Там же. Л. 1 об.
61. Там же. Л. 5 об.
62. Там же.
63. Там же. Д. 138. Л. 20.
64. Там же. Д. 29. Л. 37 об.
65. Там же. Л. 1.

СОЛОМОН МИХАЙЛОВИЧ МАРТЫНОВ: НИЖЕГОРОДСКИЙ ПЕРИОД

С Нижним Новгородом первой половины XIX века связана жизнь некоторых представителей старинного дворянского рода Мартыновых.

О духовных подвигах настоятельницы Крестовоздвиженского женского монастыря игуменьи Дорофеи (Дарьи Михайловны Мартыновой-Новиковой) мы подробно рассказывали в статье «Имя ее — Дар Божий», опубликованной в 2006 году в журнале «Нижегородская старина». Там же мы упоминали ее старшего брата Соломона Михайловича Мартынова, принадлежащего к высшей нижегородской аристократии первой трети XIX века. Он родился в октябре, скорее всего, 1774 года в селе Липяги Пензенской губернии в семье богатого помещика, владельца более тысячи крепостных крестьян, отставного фурьера лейб-гвардии Измайловского полка Михаила Ильича Мартынова. Согласно официальной родословной дворянский род Мартыновых восходил ко второй половине XV века.

Библейским именем своим Соломон Михайлович, по одному из семейных преданий, был обязан трагической истории, приключившейся, когда пугачевские мятежники неожиданным налетом захватили село Липяги и безжалостно стали расправляться с его владельцами. Молодая крепостная крестьянка, служившая кормилицей-нянькой в господском доме Мартыновых, пожалела новорожденного барчука-младенца и выдала его за своего сына. После ухода злодеев-пугачевцев спасенного младенца окрестил сельский священник и нарек по святцам библейским именем Соломон, великого и мудрого правителя древнего мира [1].

Соломон Михайлович, как и подобало отпрыску дворянской семьи екатерининского времени, получил домашнее образование и воспитание и был определен около 1789 года на военную службу. На воинском поприще Мартынов сделал хорошую офицерскую карьеру и дослужился до чина полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Был Соломон Михайлович по тем временам просвещенным и либеральным дворянином, а потому достаточно близко знаком с известными просветителями и масонскими деятелями конца XVIII — начала XIX века Н.И. Новиковым, С.И. Гамалеей и А.Ф. Лабзиным. Этот круг общения офицера позволяет нам предположить о том, что и сам Мартынов интересовался популярным тогда в аристократической дворянской среде масонским учением. Его сестра Дарья Михайловна была замужем за родственником видного масона Н.И. Новикова, а ее сын, штабс-капитан М.Н. Новиков, являлся одним из лидеров декабристского движения в 1816—1820 годах и ревностным масоном.

Выйдя в отставку, Соломон Михайлович, женатый на Елизавете Михайловне (урожденной Тарновской), вложил все имеющиеся в семье капиталы в выгодное коммерческое предприятие и вскоре сделал колоссальное состояние на винных откупах. В конце XVIII века многие предприимчивые и оборотистые дворяне разбогатели на виноделии, например, владелец крупного пензенского винного завода А.Е. Столыпин, хороший знакомый С.М. Мартынова и родственник М.Ю. Лермонтова. Князь И.М. Долгоруков вспоминал о Мартынове, что «вся Нижегородская губерния у него на откупу. Это делало его тутешним жителем» [2].

Заработанные деньги смекалистый предприниматель сразу пускал в оборот, что увеличивало его и без того уже немалое состояние, поэтому порой свободных денег у него не было. Крупный российский чиновник Ф.Ф. Вигель писал о том, что «нижегородский откупщик Мартынов за проданную и поставленную ему водку был должен 15 тысяч рублей отцу моему, но под разными предложениями отказывался уплачивать сии деньги, как ни просили его, так что долг почтили мы пропавшим. Видно, вдруг ему стало совестно, ибо он прислал эту сумму сполна, при письме, объяснив, что, узнав о стесненном положении нашего семейства, хотя и сам находится в затруднительных обстоятельствах, далее откладывая уплаты не хочет» [3].

В начале XIX века отставной полковник Мартынов поселился в купленной им большой городской усадьбе, расположенной вблизи Волжского откоса, недалеко от Нижегородского кремля. Следуя своей предпринимательской идее, он вкладывал немалые деньги в приобретение недвижимости в городской черте, например, купил на Рождественской улице доходный дом. Жил он по стародворянским традициям: его богато обустроенный дом славился гостеприимством и хлебосольством, а потому всегда был наполнен гостями. Как человек очень состоятельный Мартынов охотно откликался на все благотворительные мероприятия, проводимые дворянским обществом, и жертвовал немалые денежные суммы и иные дорогие подношения. Например, в 1823 году он преподнес в дар Крестовоздвиженскому женскому монастырю высокохудожественно написанную икону святителя Николая Чудотворца, освященную

на мощах святого в итальянском городе Барии [4]. Следует указать на то, что в нижегородском доме Мартынова была собрана хорошая библиотека. Соломон Михайлович имел добрые отношения с некоторыми известными русскими литераторами того времени, например, с поэтом и драматургом князем И.В. Долгоруким, поэтом В.Л. Пушкиным и историческим романистом М.Н. Загоскиным.

Являясь главой большого семейства и многодетным отцом, Мартынов породнился через браки дочерей с самыми знатными и влиятельными дворянскими семьями Российской империи, как-то, князьями Гагариными, крупнейшими землевладельцами Шереметевыми и Ржевскими.

Во время формирования Поволжского народного ополчения в 1812 году С.М. Мартынов, подобно другим нижегородским дворянам, пожертвовал крупную денежную сумму на вооружение и обмундирование ратников. В это время в нижегородском доме дяди комфортно проживал штабс-капитан М.Н. Новиков, прикомандированный к штабу ополчения. Кстати, в гостеприимном мартыновском доме в 1812 году поселился обер-прокурор Сената А.А. Столыпин и нередко за обильным обеденным столом хозяина за серьезными разговорами собирались историк и писатель Н.М. Карамзин, поэт В.Л. Пушкин, а также профессора Московского университета, бежавшие из Москвы перед ее захватом французскими войсками.

Обширная городская усадьба Мартыновых привлекала уникальным парком, который умелые садовники оформили на западно-европейский манер: с высокими террасами, лабиринтом, многочисленными аллеями, беседками и фонтаном [5]. Не менее удивителен был фруктовый сад с оранжереями и парниками, откуда диковинные фрукты и всевозможные овощи доставлялись свежими к господскому столу. Князь И.М. Долгоруков, водивший дружбу с Мартыновым, сравнивал его парк и сад, протянувшиеся вдоль крутого речного берега, с черноморскими пейзажами в Одессе с той разницей, что «здесь только Волга; впрочем, место превосходное в городе и для лета наполненно прелестей» [6].

Современные газетчики вслед краеведу Д.Н. Смирнову с удивлением пишут о чудачествах С.М. Мартынова, явно преувеличивая масштабы его увлечений [7]. Действительно, на большом птичьем дворе под постоянным присмотром Мартынова крепостные слуги разводили различные породы кур, индеек и даже павлинов. Другим увлечением помещика было разведение популярных в то время пород собак, которым было дозволено гулять по парку, но вряд ли собаки и куры «постоянно путались под ногами», так как частыми гостями в ухоженной усадьбе бывали гражданский губернатор А.С. Крюков, епископ Нижегородский и Арзамасский Моисей и многие видные представители дворянской и бюрократической элиты.

В летние месяцы предприимчивый Мартынов в кругу других помещиков много времени проводил в торговых рядах Макарьевской, а потом Нижегородской ярмарки. Собственно говоря, Соломон Михайлович жил именно так, как проживали в своих усадьбах богатые аристократы того времени. Писатель Б.А. Садовской в романе «Пшеница и плевелы» вывел образ Мартынова нижегородской поры достаточно идеализированно и сочувственно [8]. К сожалению, мы не знаем, как выглядел Николай Соломонович, так как его портрет, написанный блестящим художником той поры Е.Т. Мягковым, утрачен.

Считается, что именно в господском доме над волжским берегом родился и провел первые детские годы Николай Соломонович Мартынов, имевший впоследствии несчастье застрелить на Северном Кавказе на дуэли своего юношеского приятеля поручика М.Ю. Лермонтова.

В ряде публикаций сообщается о том, что С.М. Мартынов выехал из нижегородской усадьбы в 1825 году в подмосковное имение Иевлево-Знаменское, где у него были небольшие промышленные предприятия, передав или даже подарив («дар бесценный») свою усадьбу под городскую больницу, внеся «добрый вклад в становление здравоохранения» [9]. Это всего лишь красивое заблуждение. Еще краевед-историк Н.И. Храмцовский указал на то,

что господский дом Мартынова на Жуковской улице был не передан, а куплен городом за счет денежных средств Приказа общественного призрения, но вскоре сгорел, и на месте усадьбы построили новые больничные корпуса [10]. Есть опубликованные сведения о том, что купчая крепость на покупку дома со всеми строениями, землей и садом у отставного полковника С.М. Мартынова была оформлена в нижегородской губернской палате гражданского суда в 1828 году [11]. Часть красивого парка в сторону откоса была сохранена больничной администрацией и использовалась для прогулок больных в хорошую погоду. Между тем, и городская больница, и прилегающая к ней улица надолго получили наименование Мартыновских.

Отставной полковник С.М. Мартынов скончался в Москве в 1839 году.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Илизаров Б.С. Стрелял ли поэт? // Internet-сайт Мастерская историка; Бердников Л. Произведен в евреи // Internet сайт Алеф. № 9.
2. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И.М. Долгорукого. М.: Московский университет, 1870. С. 95.
3. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2-х кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 613.
5. Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описания Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. С. 343.
6. Смирнов Д. Картинки нижегородского быта XIX века. Горький: ОГИЗ, 1948. С. 8.
7. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. С. 95.
8. Щенников В. Курочка по зернышку клюет // Нижегородские новости. 1993. 7 сент. С. 12; Кострова В. Причуды «мартыновского» двора // Город и горожане. 2006. № 16. С. 5.
9. Садовской Б. Пшеница и плевелы: Роман // Новый мир: Ежемесячный литературно-художественный журнал. 1993. № 11.
10. Смирнов Д. Картинки нижегородского быта XIX века. С. 9; Смирнова Л.М. Нижний Новгород до и после. Н.Новгород: Бегемот, 1996. С. 18; Щенников В. Курочка по зернышку клюет // Нижегородские новости. 1993. 7 сент. С. 12.
11. Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1998. С. 381.
12. ГУЗ НОКБ им. Н.А. Семашко: История // Internet. <http://www.semashko.nnov.ru/history.html>.

С.В. Горохов

Жизнеописание старца архимандрита Софрония (Смирнова)

1828-1921 гг.

К 90 - летию со дня блаженной кончины

Архимандрит Софроний (в миру Сергей Георгиевич Смирнов) родился 8/21 апреля 1828 года в Москве и во святом крещении был наречен Сергием во имя преподобного Сергия Радонежского. Происходил архимандрит Софроний из священнического рода: его дед Стефан Тимофеев был священником церкви Рождества Богородицы в селе Рудневе Верейского уезда Московской губернии, его отец протоиерей Георгий Смирнов по окончании Спасо-Вифанской Духовной семинарии всю жизнь прослужил в Москве и был погребен в Троице-Сергиевой Лавре.

Мать, Ольга Максимовна, умерла, когда ему не исполнилось еще пяти лет. У Сергия был младший брат Павел и четыре сестры: Анна, Мария старшая, Наталья, Мария младшая, из которых три последние умерли в младенчестве.

Раннее детство Сергия Смирнова прошло в церковном доме при храме Вознесения Господня у Никитских ворот, где с 1823 по 1831 год служил диаконом его отец. После рукоположения отца во священника и назначения настоятелем храма святителя Тихона Амафунтского у Арбатских ворот семья переехала в священнический дом на Арбатской площади, в котором прошли отроче-

ские и юношеские годы будущего монаха.

Когда Сергию исполнилось девять лет, отец определил его в Высокопетровское Духовное училище, располагавшееся в Высокопетровском монастыре и предназначенное для обучения детей московского духовенства. Сергей обучался дома по отпускному билету под руководством отца и приходил в училище дважды в год — в декабре и июле — для сдачи экзаменов. Учился он хорошо, преуспевал в знании катехизиса, священной истории, латинского и греческого языков, труднее давалось ему нотное пение. Успешно завершив обучение в училище в

1842 году, Сергей Смирнов продолжил духовное образование в Московской Духовной семинарии, которую окончил в 1850 году с аттестатом 2-го разряда.

С рождения погруженный в церковную атмосферу, Сергей рос богобоязненным, отличался кротким нравом и тихим поведением. С ранних лет он возлюбил молитвенное уединение и, возможно, уже в то время положил в сердце своем намерение посвятить свою жизнь служению Господу в монашеском чине.

По окончании семинарии Сергей три года провел в родительском доме, помогая отцу в совершении богослужений. По преданию, отец хотел женить его и со временем передать ему свое священническое место и приход, но сердце юноши желало иной жизни, и уже ничто мирское не могло обладать им. Видя тщетность своих усилий склонить сына к женитьбе, отец дал ему благословение на поступление в монастырь.

Движимый желанием вступить на тесный и скорбный, но спасительный путь иноческого жития, Сергей Смирнов в 1853 году, двадцати пяти лет от роду, поступил на послушание в одну из древнейших и красивейших обителей — Святогорскую Успенскую пустынь Харьковской епархии [1]. В 1854 году указом Харьковской Духовной консистории по представлению настоятеля Святогорской пустыни архимандрита Арсения (Митрофанова) он был определен в число послушников обители, получив благословение на исправление должности помощника монастырского письмоводителя. Около трех лет с усердием трудился он на этом поприще, неся и другие монастырские послушания. В 1856 году, по успешном прохождении искуса, в его жизни совершилось давно желаемое событие: послушник Сергей Смирнов был пострижен в монашество с наречением имени Софроний (здравомыслящий — греч.) во имя святителя Софрония Иерусалимского.

«Поведения весьма хорошего и к послушанию весьма способен и усерден» — так не раз отмечались прилежание и труды монаха Софрония в ведомостях о монашествующих Святогорской обители.

Монастырское начальство сочло возможным удостоить его священного сана, и в 1857 году он был рукоположен в сан иеродиакона епископом Харьковским и Ахтырским Филаретом (Гумилевским) [2], а в 1861 году — в сан иеромонаха архиепископом Харьковским и Ахтырским Макарием (Булгаковым). В 1874 году он был награжден правом ношения набедренника.

На протяжении двадцати восьми лет, с 1853 по 1881 год, иеромонах Софроний нес послушание в Святогорской обители. Святогорская пустынь, основанная в глубокой древности, стала для отца Софрония училищем иноческого жития, послушания и благочестия, являя перед глазами будущего старца зримые примеры высокой духовной жизни. Незабвенными совершителями истинного монашеского делаания были такие подвижники-святогорцы, как иеросхимонах Иоанн Затворник († 1867), архимандрит Арсений (Митрофанов; † 1859), возобновитель Святогорской пустыни, архимандрит Герман (Клица; † 1890), тридцать лет непорочно несший крест настоятельского служения в святой обители старец, иеромонах Иоанникий (Аверкиев; † 1882) духовник Святогорской пустыни, и многие другие боголюбивые насельники, жившие в монастыре во второй половине XIX века.

Многие годы нес в монастыре подвиг затвора иеросхимонах Иоанн (Крюков). Подобно древним киевским угодникам Божиим, добровольно отрекшись от суетного мира и подвизавшимся в глубоких и тесных пещерах, преподобный Иоанн затворился в малой келье святогорской мело-

Архимандрит Софроний (Смирнов)

вой скалы. Находясь в затворе на протяжении семнадцати лет, он с непрестанной молитвой и упованием на помощь Божию терпеливо переносил холод и сырость, болезни и лишения.

Святогорские иноки с особой теплотой и почитанием относились к подвижнической жизни старца и с любовью полагали для себя примером его житие. К числу почитателей затворника принадлежал и иеромонах Софроний. Он пользовался доверием и благорасположением иеросхимонаха Иоанна, и именно ему затворник, предвидя приближение кончины, соблаговолил открыть многие до того времени неизвестные обстоятельства своей многотрудной жизни. По свидетельству А.Ф. Ковалевского, составителя жизнеописания затворника, наряду с другими источниками, «материалами для него послужили устные рассказы самого затворника о себе, своей мирской и монашеской жизни до поступления в затвор, записанные со слов его одним из близких к нему святогорских иноков — иеромонахом Софронием».

Господь сподобил отца Софрония быть рядом с горячо любимым старцем в его последние дни. За восемь дней до блаженной кончины иеросхимонах Иоанн был помещен в монастырскую больницу, расположенную на монастырском хуторе. Иеромонах Софроний отслужил в больничном храме в честь Ахтырской иконы Божией Матери последнюю в жизни святогорского затворника Божественную литургию, за которой святой старец приобрел святых Христовых Таин. Сподобился также отец Софроний быть свидетелем блаженной кончины иеросхимонаха Иоанна 11 августа 1867 года.

Глубокий след в сердце иеромонаха Софрония оставило знакомство с выдающимся епископом-аскетом и духовным писателем XIX столетия Игнатием (Брянчаниновым) [3]. Дважды он видел в обители этого святителя, посетившего в 1857 и 1861 годах Святогорскую пустынь. По прошествии многих лет эти впечатления не изгладились из памяти отца Софрония. Уже будучи архимандритом, он с теплым сердечным чувством вспоминал о встречах с владыкой Игнатием в своем письме к настоятелю Николо-Бабаевского монастыря игумену Илию.

В 1861 году произошло еще одно знаменательное событие в жизни отца Софрония: во время посещения Святогорской пустыни императором Александром II с семьей ему довелось в числе братии встречать у святых врат высочайших гостей и приветствовать царя-освободителя и его сына, будущего императора Александра III.

Совершая в обители богослужения, молясь о живых и усопших, неся иные монастырские послушания, иеромонах Софроний при содействии Божественной благодати возрастал духовно. Высокие примеры непорочного иноческого жития святогорских подвижников запечатлевались в его боголюбивой душе и служили образцом для подражания в монашеском делании.

Настоятель Святогорской обители архимандрит Герман, исполнявший обязанности благочинного монастырей Харьковской епархии, видя в отце Софронии монаха высокой духовной жизни, способного к управлению братией, и при-

нимая во внимание его безупречное двадцатилетнее служение в священном сане, рекомендовал его на должность настоятеля Свято-Димитриевского Ряснянского монастыря близ села Рясного Ахтырского уезда Харьковской губернии [4]. В сентябре 1881 года указом Святейшего Синода, по представлению Преосвященного Иустина (Охотина), епископа Харьковского и Ахтырского, иеромонах Софроний был назначен настоятелем этой обители.

Тяжелый крест пал на плечи нового настоятеля. Само существование Ряснянской обители после кончины ее благоустроителя, владельца села Рясного помещика Константина Дмитриевича Хрущева († 1876), оказалось под угрозой. Более четырех лет наследники почившего пытались оспорить в различных судебных инстанциях его духовное завещание и упразднить основанную им обитель. Однако Всемиловый Господь не попустил восторжествовать беззаконию: в 1880 году последовало определение Правительствующего Сената о решении дела в пользу монастыря. Братия, ютившаяся в усадебных хозяйственных постройках из-за судебного запрещения проживать на «спорной земле», смогла возвратиться к полноте иноческого жития в обители.

В результате четырехлетней судебной тяжбы монастырь был разорен; с большим радением новый боголюбивый настоятель принял за его благоустройство. Прилагая немалые труды, отец Софроний привел в надлежащее состояние выстроенный еще при жизни помещика Хрущева и уже обветшавший храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского, обновил существующие братские кельи и построил новые, завершил строительство трапезного корпуса с церковью [5]. После окончания работ состоялись торжества освящения Ряснянской обители, которые возглавил епископ Харьковский Иустин.

26 октября 1881 года, в день великомученика Димитрия Солунского, престольного праздника главного храма обители, иеромонах Софроний был возведен в сан игумена. В напутственном слове владыка Иустин пожелал нововозведенному игумену безбоязненно,

со всяким прилежанием и тщанием совершать трудный подвиг настоятельского служения, чтобы в день Страшного Суда пред Господом Богом с дерзновением сказать: «Се аз и дети, яже дал ми еси!» Этому завету Преосвященного архипастыря отец Софроний старался следовать всю свою жизнь.

Многие труды были положены игуменом Софронием на устроение общежительной монашеской жизни. Вместе с ним в Свято-Димитриевский монастырь перешли по благословению архимандрита Германа благонадежные монахи из числа братии Святогорской пустыни, способствовавшие отцу Софронию и прежней братии устроить монашескую жизнь в обители по чину и порядку святогорскому. Труды и заботы о Святогорской пустыни архимандрита Германа служили хорошим примером для игумена Свято-Димитриевского монастыря.

Не только к братии монастыря было отверсто любвеобильное сердце отца Софрония, но и ко всем ближним, окружавшим его и нуждавшимся в его помощи. Игумен Софроний являл собой пример доброго, заботливого отца, безвозмездно помогающего голодным и неимущим.

Однажды корреспондент «Харьковских епархиальных ведомостей» зимой 1883 года, став свидетелем благотворительности отца игумена, описал следующее событие: «8 января сего года я был случайным свидетелем, как толпа крестьян из окрестных деревень, преимущественно погорельцев прошлого года, по крайней мере, душ до ста, явилась с просьбой к отцу игумену: кто о дровах, кто о корме для скота, кто — и по большей части — о хлебе, в котором уже с осени чувствуется страшная нужда... Каждый из просителей, обращающихся в своих нуждах к монастырскому начальству, получает, по возможности, просимое».

Желая содействовать просвещению народа и исполняя волю почившего основателя монастыря Константина Дмитриевича Хрущева, изложенную в его духовном завещании, игумен Софроний в январе 1883 года открыл при Свято-Димитриевской обители начальное училище, разместив его в обширном и вполне приспособленном к занятиям здании

и снабдив всеми необходимыми для учебного процесса классными принадлежностями.

Во внимание к трудам, понесенным на благо Святой Матери-Церкви, определением Святейшего Синода игумен Софроний в марте 1883 года был награжден наперсным крестом.

В планы игумена Софрония входило приведение обширного монастырского хозяйства в образцовое состояние с использованием новейших технических достижений того времени. Он хотел провести в жилые и хозяйственные постройки водопровод, построить маслобойню для переработки выращиваемого на монастырских землях подсолнечника, приобрести новую сельскохозяйственную технику. Эти замыслы были полностью поддержаны епископом Иустином, но им не суждено было осуществиться.

Видя таковую ревность отца Софрония о благоустройстве обители, враг рода человеческого не замедлил восстать на деятельного игумена и воздвиг против него брань со стороны мирских людей. Его главным недоброжелателем стал поверенный монастыря Митрофан Абаза, который пользовался большим влиянием при иеромонахе Илиодоре, исполнявшем настоятельские обязанности в течение нескольких месяцев до назначения отца Софрония. Проживая в Харькове и имея доступ к правящему архиерею, Митрофан Абаза стремился добиться окончательного утверждения в качестве настоятеля иеромонаха Илиодора, однако эти усилия оказались тщетными: владыка Иустин счел необходимым ходатайствовать перед Святейшим Синодом о назначении на эту должность отца Софрония. Абаза пытался сохранить свое влияние и при игумене Софронии, но попытки его вмешательства во внутреннюю жизнь монастыря были пресечены новым настоятелем.

Спустя несколько лет Абаза, воспользовавшись обстоятельствами, при которых Свято-Димитриевский монастырь испытывал временные финансовые затруднения, затеял интригу по смещению отца Софрония и назначению на его место иеромонаха Илиодора. Он направил новому Харьковскому архиерею Преосвященному

Амвросию (Ключареву) докладную записку, в которой обвинял отца Софрония в неумелом ведении хозяйства, кабинетном стиле управления, неразумном использовании средств. То, что раньше вменялось отцу Софронии в заслугу и рассматривалось как необходимое нововведение, теперь вменялось ему в вину и стало называться «непроизводительными затратами на устройство совершенно излишних сооружений».

Учиненные Митрофаном Абазой злокозненные действия пришлось на то время, когда новый архиерей задумал реорганизовать управление монастырем. Епископ Амвросий, вступив в управление епархией, озаботился изысканием дополнительных средств для удовлетворения епархиальных нужд. Свято-Димитриевский Ряснянский монастырь, по причине удобства для монашеской жизни и наличия средств к содержанию, по замыслу нового владыки должен был «содействовать епархиальному начальству в удовлетворении крайних нужд епархии, каковы построение приходских церквей... призрение вдов и сирот духовного звания, успокоение заштатных священнослужителей, воспитание бедного юношества, вспомоществование церковноприходским школам и прочее, на что ни в местном попечительстве о бедных духовного звания, ни в других источниках епархии нет достаточных средств».

Владыка Амвросий назначил комиссию по ревизии хозяйственной деятельности монастыря, которую возглавил настоятель Святогорской Успенской пустыни архимандрит Герман. Всесторонне исследовав состояние монастырского хозяйства, комиссия опровергла обвинения недоброжелателей отца Софрония и установила, что главная причина испытываемых монастырем временных финансовых затруднений заключалась не в управленческих ошибках настоятеля, а в неблагоприятных внешних обстоятельствах (нехватка оборотных средств, неурожай в предшествовавшие ревизии два года, истребление посевов вредителями, падение цен на хлеб).

Однако выводы комиссии не изменили планов епископа Амвросия осуществить реорганизацию управления монастырем.

В своем обращении в Святейший Синод от 23 ноября 1884 года, охарактеризовав отца Софрония как «человека по природе доброго, отличной нравственности монаха, благотворительного», владыка просил разрешения «настоятеля монастыря игумена Софрония от должности уволить и поместить в Святогорской Успенской пустыни, где он и жил прежде много лет и где он будет полезен архимандриту Герману, в настоящее время болящему, заменяя его в предстоянии при торжественных богослужениях». Преосвященный Амвросий ходатайствовал также о возложении управления монастырем на себя с правом назначения наместника по своему усмотрению.

В феврале 1885 года последовало решение Святейшего Синода об увольнении игумена Софрония на покой. Как истинный монах, отец Софроний со смирением принял это решение Синода, возложив упование на Бога и Его Пречистую Матерь, и в марте 1885 года вернулся в Святогорскую пустынь. Спустя четыре года епископ Нижегородский и Арзамасский Модест (Стрельбицкий) в слове, сказанном по случаю вручения жезла новопоставленному архимандриту Софронии, подвел итог малороссийскому периоду его жизни: «Промысл Божий, руководствующий в путях жизни ко спасению всех людей, особенно управляет путями тех, которые посвятили себя благочестию в иночестве. Ты, боголюбивый отец, сам в своей жизни видел и видишь много событий и свидетельств того, как Господь направляет твою жизнь к твоему благу и для пользы многих братьев во Христе. Приняв на себя ангельский образ в Святогорской пустыни, ты по воле Божией призван был управлять другою обителью, с надеждою работать Господу в этой обители во спасение свое и ближних до конца жизни. Помышлял ли ты тогда, что Господь устрояет для тебя другие пути, пути испытания и терпения, и другие места служения и доброе воздаяние за терпение».

В апреле 1885 года отец Софроний, испросив разрешения епархиального начальства, отправился в Киев, веруя, что Всемилостивый Господь по молитвам Пресвятой Богородицы и киево-печерских

угодников укажет ему место дальнейшего служения. Получив благословение митрополита Киевского и Галицкого Платона (Городецкого) «искать труда и деятельности в Варшавской епархии», отец Софроний направился в город Холм, где встретился с епископом Модестом (Стрельбицким), который пригласил его перейти в Холмско-Варшавскую епархию. В своем прошении от 17 мая 1885 года на имя архиепископа Холмского и Варшавского Леонтия (Лебединского) отец Софроний писал: «После поклонения святыням киевским и перед чудотворною иконою Матери Божией в Козельщине имел утешение молиться перед препрославленным образом Богоматери в холмском соборе, писанном евангелистом Лукою...

Удостоившись узнать от епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии Преосвященного Модеста, что могу быть полезным в Холме в звании духовника при Духовной Семинарии, если только последует на сие Вашего Высокопреосвященства утверждение и согласие, смиреннейше испрашиваю милостивого соизволения на перечисление меня из Харьковской в Варшавскую епархию на означенную должность и о сем явить Ваше отеческое и архипастырское мне благословение и архипастырскую резолюцию.

В июле 1885 года игумен Софроний был принят в Холмско-Варшавскую епархию и назначен духовником Холмского Архиерейского дома, а в ноябре — духовником Холмской Духовной семинарии, где он исполнял это послушание полтора года.

Знакомство с епископом Модестом (Стрельбицким), вскоре перемещенным на Нижегородскую кафедру, определило его дальнейшее служение: по ходатайству этого архипастыря в 1887 году Святейший Синод принял решение о переводе игумена Софрония в Нижегородскую епархию и назначении его исполняющим должность настоятеля Арзамасской Высокогорской Вознесенской мужской общежительной пустыни.

Вступив в управление Высокогорской пустыню, основанной в начале XVIII века по указу Петра I, отец Софроний

столкнулся с серьезными нестроениями в духовной жизни обители. Впоследствии нестроения эти были преодолены, что дало основание отцу Софронию рапортовать Преосвященному Модесту 2 августа 1888 года: «Имею честь донести Вашему Преосвященству, что во вверенной мне обители обстоит все, слава Богу, благополучно».

При ознакомлении с хозяйственной деятельностью обители обнаружился ряд серьезных недостатков, которые отец Софроний, как заботливый хозяин, принял исправлять с присущей ему энергией. Как в Ряснянском Свято-Димитриевском монастыре, так и в Высокогорской обители игумен Софроний с усердием работал Господу и Святой Матери Церкви.

Примером рачительного отношения отца Софрония к монастырской собственности и вместе с тем милостивого снисхождения к немощам человеческим может служить его письмо старосте села Хватовки: «На днях одним из членов хватовского сельского общества было воровски срублено и похищено у нас из рощи, окружающей Высокогорскую пустынь, два дубовых дерева, тогда как мы и сами для своих нужд имеем в ней сырораствующие деревья, потому что роща эта есть самое лучшее украшение нашей обители и мы ее бережем очень, пользуясь из нее только теми деревьями, которые уже от перестоя или засохнут на корню, или будут сломлены ветром.

Похищение это для нас еще тем более горько, что для хватовского сельского общества мы, с своей стороны, всегда стараемся сделать все возможное, чтобы быть ему полезным, например, никогда и ни в какое время не отказываемся исполнять все его духовные требы, и если случится у нас какая-либо работа или дело по хозяйству, могущие дать хороший заработок, то пригласить на это мы всегда предпочитаем из Хватовки же, а не откуда-либо из других селений; точно так же вот и сейчас похититель дерев нам хорошо известен и уличить его в этом большого труда не составит, но ведь за лесные кражи по закону положено тюремное заключение, да еще до этого волокита по судам, а это большое разорение для всякого, поэтому-то мы имени его и не называем, но

убедительнейше просим хватовское сельское общество не вводить в грех на будущее время ни себя, ни нас, избегая повторения подобного случая и не вынуждая нас обратиться за защитой к начальству, которое виноватого уж само никогда не оставит без наказания, и да поможет вам Бог!»

О духовной жизни в обители и состоянии монастырского хозяйства дает представление отчет, направленный отцом Софронием благочинному монастырей архимандриту Алипию по итогам 1888 года: «Честь имею при сем представить Вашему высокопреподобию ведомость о вверенной мне Высокогорской Вознесенской пустыни, а именно: о монастырских зданиях, о живущих в монастыре, об угодьях, о суммах, о служителях и о том, не имеет ли монастырь особенных нужд. К сему честь имею присовокупить следующее:

— церковная утварь, ризница и богослужебные книги находятся в благопристойном виде и сохранности;

— монастырское общественное имущество, как-то: капиталы, провизные запасы, запасы на отопление и освящение, служебный и рогатый скот, пчельничные заведения с их пристройкою и потребною для них посудю — находятся в целости, со тщательною сохранностью, равно так же и лес, кроме собственной надобности на постройку и отопление, не употребляется;

— архив, библиотека и документы на все угодия находятся в целости и под особенным надзором настоятеля, вверены опытному и благонадежному одному из иеромонахов на хранение;

— богослужение по Церковному Уставу исправляется ежедневно и неопустительно, а в воскресные дни и праздничные соборно и самим настоятелем с соблюдением благочиния;

— положенное обителью правило для монашествующих совершается неопустительно каждый день после вечерни, помянник же и вечерние молитвы с таковою же неопустительностью читаются после вечерней трапезы;

— христианский долг исповеди и Св[ятых] Таин причастия строго и бдительно вообще всеми живущими в обители исполняется;

— трапеза всегда бывает общая, для всех одинаковая, кроме престарелых и немощных;

— одежда и обувь дается в обители всем общая, с приспособлением к их занятиям;

— чистота и порядок в церквах, ризнице, трапезной, келарне и прочих служебных местах и братских келиях, и вообще по всему монастырю, строго соблюдается;

— особенной больницы не имеется, но за немощными и больными ухаживают более способные из братьев в их келиях;

— все вообще братья бесприкословно повинуются как мне, настоятелю, так равно и старшим себя, и имеют между собою единоедушие, посещают службы Божии и исправляют оные с благоговением и усердием, возлагаемые на них послушания исполняют исправно, в келиях, сверх возлагаемых на них послушаний, занимаются богомыслием и чтением священных книг, новоначальные же приобщаются к церковным службам под руководством опытнейших из братьев и [занимаются] разными рукоделиями и мастерствами, как-то: слесарным, токарным, столярным и вырезкою кипарисных крестов;

— странноприимство изначала в обители имелось и до сих пор в обители имеется; занемогшим или желающим поговорить и приобщиться Св[ятым] Таин дозволяется пробить более продолжительное время;

— к способам содержания, кроме дохода от церковных служб и процентов, получаемых с билетов, выданных из разных кредитных учреждений, и аренд с мельниц и земли, преимущественно относятся труды братии...

Вообще Высокогорская пустынь в течение 1888 года, по милости Божией и под покровом Царицы Небесной, просуществовала благополучно».

Несмотря на стесненность в средствах, обитель регулярно делала взносы в пользу Императорского палестинского общества, Нижегородского братства Святого Креста, Православного миссионерского общества, Мариинского попечительства для призрения слепых, Общества Красного Креста и других благотворительных организаций.

В 1889 году игумен Софроний был возведен в сан архимандрита.

Настоятель Спасо-Преображенской Высокогорской пустыни
архимандрит Софроний

та. Вручая жезл новопоставленному архимандриту, епископ Нижегородский и Арзамасский Модест произнес глубоко почувствованное напутственное слово: «Всечестный отец архимандрит!.. Велико милосердие к тебе Господа. Он тебе уже готовил место началовождя иночествующих в Высокогорской обители. Недаром она носит такое название. Это указание на подвиги духовного восхождения на высокую гору добродетелей. Подвиги твои на Высокой горе суть продолжение твоих иноческих подвигов во Св[ятой] Горе и завершение их в трудах настоятельства. Немалые ты уже нес труды, много их ожида-

ется от тебя впереди... Трудности высокого духовного служения облегчаются надеждою на помощь благодати Божией, потому что сказал Господь: "...яко без Мене не можете творити ничесоже" (Ин. 15, 5)... Благодать Божия, поставившая тебя архимандритом Высокогорской обители, уже идет к тебе на помощь в предлежащих тебе трудах... Всеблагая Матерь и Покровительница иночествующих покровительствует и тебе своими молитвами, потому что слышит и твои к ней воздыхания, принимает упования и молитвы, исполняет прошения...

С верою и упованием прими жезл сей от руки Господа. Этот

жезл есть жезл правоты (Пс. 44, 7) и истины в делах монастырского управления. Он есть жезл силы и власти (1 Кор. 4, 21) на истребление зла, для насаждения добра, для движения вперед, выше и выше по лестнице добродетелей. Этот жезл есть жезл подкрепления изнемогающих в борьбе с плотью, миром и диаволом, жезл утешения скорбящих, путеводитель нравственно слепых и заблуждающих по распутьям греховной жизни. Держи его крепко, иди с ним бодро. Восходи с ним из внешней Высокогорской обители в обители Небесные и веди за собою всех врученных тебе братий и чад «ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству, и Церкви первородных на небесех написанных, и судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю завета новаго Иисусу» (Евр. 12, 22—24), нашему подвигоположнику и Спасителю».

Следуя этому завету архипастыря, архимандрит Софроний с любовью и терпением, но и с отеческой строгостью пестовал насельников обители, наказывая провинившихся и ходатайствуя о награждении наиболее достойных.

По прошествии малого времени со дня назначения настоятелем Высокогорской пустыни отец Софроний приобрел уважение и любовь местного духовенства за свою доброту, отзывчивость и готовность прийти на помощь в различных нуждах.

Однажды настоятельница Арзамасского Николаевского монастыря игуменья Паисия обратилась к отцу Софронию с просьбой о выделении монастырского леса для строительства моста. Он дал согласие на заготовку леса, но обусловил это согласие присутствием при заготовке своего человека. Письмо, направленное игуменье Паисии 6 октября 1899 года, свидетельствует об отце Софронии как об опытном хозяине и показывает его чрезвычайно ответственное отношение к настоятельским обязанностям: «Никто за лес не отвечает, как один настоятель, а если настоятель не назначает с своей стороны досмотра, то он и не походит на настоятеля».

Впоследствии игуменья Паисия благодарила отца Софрония:

«Ваше высокопреподобие высокоуважаемый о[тец] архимандрит Софроний!

Благословите, глубокоуважаемый батюшка, и приношу Вам чувствительную благодарность, земно кланяюсь за устройство в лесу отличного моста... Господь внушил Вам, и сделали Вы доброе и полезное дело, за Вас будут все православные молить Бога».

К отцу Софронию нередко обращались уездные благочинные и приходские священники, по разным причинам не могущие исполнять свое служение, с просьбой прислать к ним на приход кого-либо из иеромонахов обители. Несмотря на малочисленность братии, он все же находил возможность помочь оказавшимся в бедственном положении приходом, за что получал искреннюю благодарность от собратьев-пастырей:

«Ваше высокопреподобие, достоуважаемый отец архимандрит, Христос воскрес!»

Премного благодарен Вам за Ваше христианское отеческое внимание к моему весьма бедственному положению во время болезненного моего состояния, нашедши возможность... послать из своего монастыря отца Вениамина для исправления должности священника в моем приходе, в дальнем расстоянии отстоящем от других приходов...

Причт, церковный староста и приход остались им весьма довольны и за все это Вам, Ваше высокопреподобие, вечное спасибо и слава Отцу и Сыну и Святому Духу, всегда, ныне и присно и во веки. Аминь.

Всепокорнейший Ваш слуга, села Кулебаки недостойный иерей Павел Святухин».

Священник Нижегородской епархиальной женской богадельни Иоанн Казанский писал отцу Софронию: «Ваше высокопреподобие отец архимандрит Софроний! Желаю Вам добро-го здравия и душевного спасения. Примите от меня глубокую сердечную благодарность за командировку иеромонаха о[тца] Вениамина в с[ело] Гремячево для исправления священнических обязанностей... О[тец] Вениамин — образ правила веры и кротости... в продолжение месяца дал селу Гремячеву полное христианское утешение».

Предметом особого попечения отца Софрония являлись церковные учебные заведения. Начиная с 1888 года и на протяжении всего периода настоятельства отца Софрония Высокогорская пустынь, несмотря на стесненность в средствах, делала щедрые пожертвования на нужды епархиальных церковных школ.

В середине 1890-х годов отец Софроний построил на монастырские средства в соседнем селе Хватовке церковно-приходскую школу, за что был в 1895 году удостоен звания почетного члена Нижегородского епархиального училищного совета. В мае 1899 года отец Софроний был награжден от Святейшего Синода Библией за ревность о научении детей вере и благочестию, а в январе 1905 года Епархиальным училищным советом Братства святого Георгия на основании определения, утвержденного епископом Нижегородским и Арзамасским Назарием, ему была выражена глубокая благодарность за усердные церковно-школьные труды.

Одним из самых трудных послушаний для отца Софрония была работа с духовными лицами, направляемыми в Высокогорскую пустынь на исправление за совершенные ими серьезные проступки. За годы настоятельства отца Софрония в Высокогорскую обитель было направлено множество духовных лиц: псаломщиков, диаконов, приходских священников, иеромонахов. Ни для кого из них пребывание здесь не прошло бесследно, многие очистили свою душу глубоким покаянием и встали на путь исправления.

Об отеческом отношении к епитимийцам свидетельствует служебная переписка о них отца Софрония с епархиальным начальством: «Имею честь донести Вашему Преосвященству, что отрешенный от места псаломщика Александр Скворцов, бывший в селе Мухтолове Ардат[овского] уезда, в мае минувшего года подал прошение Вашему Преосвященству об определении его во вверенную мне Пустынь на испытание в надежде примерным здесь поведением загладить прошлое и оправдать себя пред епархиальным начальством... Со времени его прибытия в мае месяце и до сего времени он жил в обители и служил пением

и чтением в продолжение девяти месяцев... Во время пребывания своего в монастыре он вел себя очень благочестиво, в церкви на клиросе держал себя серьезно и занимался уставом и службами церковными, не ленясь, некоторое время ходил с чудотворною иконою для молебствования по селам, и иеромонах был им доволен и отзывался мне о нем с доброй стороны, в обращении с братиею был общителен, не груб и не заносчив. О чем и имею честь благопочтительнейше донести».

7 августа 1892 года отец Софроний писал в рапорте епархиальному начальству: «Псаломщик Никифор Басов исполнил двухмесячную епитимию во вверенной мне Высокогорской пустыни, причем во все время вел себя трезвенно, ко всем службам церковным ходил и на клиросе пел, и был почтителен и во всем поведении благонравен».

24 декабря 1894 года архимандрит Софроний в рапорте епископу Нижегородскому и Арзамасскому Владимиру писал следующее: «Имею честь благопокорнейше донести, что диакон Иоанн Востоков, присланный на епитимию во вверенную мне обитель, со дня поступления своего вел себя скромно, трезвенно и во всем благоприлично. Петь и читать в церкви имеет большую охоту. Ко всем службам: утрени, литургии и вечерне — являлся постоянно и неопустительно. Во все время я был очень доволен его послушанием».

Несмотря на постоянное присутствие епитимийцев, отцу Софронию удавалось сохранять в обители мирный дух и внутренний строй духовной жизни. По свидетельству Преосвященного Нестора, епископа Балахнинского, vicария Нижегородской епархии, возглавлявшего комиссию по проведению ревизии Высокогорской пустыни, «монашествующие и послушники благонадежны и благоприличны. Нравственное состояние братии утешительное».

В октябре 1891 года на архимандрита Софрония было возложено новое ответственное послушание: он был назначен исправляющим должность благочинного монастырей и общин II округа Нижегородской епархии, в состав которого, помимо

Высокогорской пустыни, входили: Арзамасский Спасский мужской монастырь, Арзамасский Никольский женский монастырь, Серафимо-Дивеевский монастырь, Серафимо-Понетаевский монастырь, Ардатовский Покровский женский монастырь, Арзамасская Алексеевская община, Тихоновская Лукояновская община, Кутузовская Богородицкая община.

В тяжелое время выпало отцу Софронию исполнять благочиннические обязанности: 1891 год выдался неурожайным, вследствие чего весной следующего года в Нижегородской губернии начался голод. Архимандрит Софроний принял активное участие в организации благотворительных столовых для голодающего народа в монастырях вверенного ему благочиния. Ввиду крайней скудости запасов Высокогорской пустыни, в обители была организована благотворительная столовая на средства Нижегородского епархиального комитета по сбору пожертвований и их распределению между пострадавшими от неурожая хлеба крестьянами. Кроме того, в Высокогорской пустыни выпекалось до сорока пудов хлеба в месяц для раздачи голодающим, для чего монастырю пришлось принять в число насельников «два человека сверх штата мужского пола и дать им содержание».

В последующие годы епархиальное начальство неоднократно поручало архимандриту Софронию исполнять обязанности благочинного монастырей и общин II округа Нижегородской епархии, окончательное же утверждение его в этой должности состоялось 2 декабря 1896 года. Известие об этом событии было воспринято многими с чувством духовной радости. Так, игуменья Ардатовского Покровского монастыря Магдалина 17 декабря 1896 года писала отцу Софронию по этому поводу следующее:

«Ваше высокопреподобие, достопочтеннейший всечестнейший и глубокоуважаемый отец архимандрит Софроний!

Сегодня имела счастье получить от Вашего высокопреподобия почтеннейшее письмо... Прочетши вашу подпись: "Благочинный архимандрит Софроний", сердечно тому обрадовалась, с чем Вас ото всей души и поздравляю. Дай Вам

Господь прожить в добром здравье многие лета на спасение благочестивой души Вашей и на пользу всех монастырей, вверенных Вашему благочинию».

Управляя благочинием, отец Софроний являл собой пример справедливого и мудрого наставника, всегда готового прийти на помощь, поддержать молитвой и советом, чем снискал неллицемерную любовь духовных лиц и мирян.

Глубоко духовные отношения связывали архимандрита Софрония с настоятельницами женских обителей, вверенных его попечению, и в особенности с игуменьею Серафимо-Дивеевского монастыря Марией (Ушаковой). Во многих письмах, адресованных отцу Софронию, сама форма которых обязывала при обращении к благочинному монастырей придерживаться строгой официальности, сквозь сухие строки отчетов вдруг внезапно, со всей силой искренности прорывались горячая любовь и благоговение к старцу. Вот некоторые фрагменты из этих многочисленных эпистолярных свидетельств, которые доносят живые чувства его корреспондентов:

«Ваше высокопреподобие! Высокопочитаемый и пречестнейший отец архимандрит Софроний!

Упавши к милостивым стопам Вашим, приношу святине Вашей невыразимую признательность за отеческое письмецо Ваше... Не умею, как и благодарить Вас за великую доброту Вашу, целую святительскую десницу с признательными чувствами за отеческую милость Вашу.

От искренности души желаю Вам, преподобнейший батюшка, совершеннейшего здоровья, которое более всего нужно Вам при столь многочисленных делах Ваших; все живущие в обители молимся за Вас, чтобы милосердый Спаситель наш сохранил Вашу жизнь на многие еще лета.

Всесмирненше прося Ваших святых молитв и благословения на себя и вверенную мне обитель, с чувствами глубокой детской преданности честь имею пребыть Вашего высокопреподобия смиренная сомолитвенница игуменья Мария».

«Ваше высокопреподобие, всечестнейший и глубокопочитаемый отец архимандрит Софроний!

Император Николай II с Государыней Императрицей Александрой Феодоровной в сопровождении благочинного монастырей Нижегородской епархии архимандрита Софрония осматривают Саровскую пустынь. 1903 год. РГАКФД

Позвольте принести Вам мое и от всех сестер смиренной обители нашей душевное поздравление с великим и радостным праздником Воскресения Христова! При искреннем благожелании Вам проводить дни Светлой седмицы в здравии и благополучии, и животворная благодать Воскресшего Господа да укрепит Ваши силы душевные и телесные для несения Ваших трудов и обязанностей.

Смирненно и усердно испрашиваю у Вас, Ваше высокопреподобие, себе и всем сестрам отеческого Вашего благословения и святых молитв.

С истинным высокопочитанием и преданностью честь имею пребыть Вашего высокопреподобия смиренная послушница настоятельница Серафимо-Понетаевского монастыря игуменья Нектария».

В период исполнения благочиннических обязанностей отцу Софронию неоднократно приходилось по благословению правящего архиерея совершать монашеский постриг насельниц Серафимо-Дивеевского, Арзамасского Никольского, Ардатовского Покровского и других женских монастырей и общин. Ему было благословлено совершить и постриг начальницы Арзамасской Алексеевской общины Евгении Страгородской, ставшей после преобразования общины в Арзамасский Новодевичий Алексеевский монастырь его первой игуменьяй.

Ни одно значимое в духовном отношении событие во вверенном архимандриту Софронию благочинии не проходило без его участия: в августе 1901 года он возглавил торжества, которые проходили в Серафимо-Дивеевском монастыре по случаю пятидесятилетнего служения обители игуменья Марии (Ушаковой), в феврале 1903 года принял участие в освящении Меляевской общины, основанной блаженной старицей Натальей Дмитриевной, покоящейся в Серафимо-Дивеевском монастыре.

В июле 1903 года состоялось прославление в лике святых преподобного Серафима Саровского, которого отец Софроний очень почитал и благословлял своих духовных чад ездить на поклонение его святым мощам. Как благочинный монастырей Нижегородской епархии, в ведении которого находился Серафимо-Дивеевский монастырь, он принимал участие в этих торжествах и сопровождал императора Николая II и других высоких гостей во время визита в Дивеево 21 июля 1903 года.

С годами отцу Софронию становилось все сложнее исполнять обязанности благочинного монастырей и общин, и в декабре 1904 года это многотрудное послушание с него было снято.

За отлично-усердную службу отец Софроний в 1894 году был удостоен ордена Святой Анны 3-й степени, в 1897 году — ордена Святой Анны 2-й степени, а в

1901 году — ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени. В 1899 году он был награжден серебряной медалью в память императора Александра III.

Архимандрит Софроний управлял Арзамасской Высокогорской пустыней двадцать лет и в последние годы все более тяготился многопечительными трудами настоятельства, душа его жаждала молитвенного уединения. В декабре 1907 года он, согласно прошению, был уволен на покой от должности настоятеля по «преклонности лет и слабости здоровья». Задолго до ухода на покой отец Софроний избрал для уединенного жительства место на дальней лесной монастырской даче, располагавшейся в двадцати пяти верстах от обители. Согласно ведомости о состоянии Арзамасской Высокогорской Вознесенской пустыни за 1898 год, «в дальнем лесу на собственное иждивение настоятеля монастыря без всякой помощи и участия капиталом или материалом со стороны обители устроен деревянный дом с предполагаемою церковью на случай удаления на покой настоятеля, имеющего уже сейчас семьдесят лет».

Испросив благословения правящего архиерея, архимандрит Софроний в 1907 году поселился в лесу Высокогорской дачи, близ села Никольского. В этом укромном месте старец Софроний стал вести уединенную жизнь, пребывая в бдении, посте и молитве. Однако люди, притекавшие в различных нуждах к нему как к духовнику, искренне сожалели о сокрывшемся старце. Так, его духовное чадо Александра Михайловна сильно скорбела о разлуке с батюшкой и, блуждая по окрестным лесам, разыскивала его. Однажды она шла по лесу и встретила странника, который спросил у нее: «Кого ты ищешь?» Она ответила: «Старца Софрония, который всегда утешал меня». На это странник сказал ей: «Иди на крик петуха, и он тебя встретит». Когда Александра Михайловна услышала петуха, то пошла на его крик и увидела отца Софрония, стоявшего напротив своей кельи.

Вскоре о месте пребывания старца узнали и другие его духовные чада, а также местные крестьяне, и поток паломников незамедлительно потянулся к отцу

Софронию, ибо о таковых Своих последователях сказал Господь: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 14—16).

Имея дар прозорливости и исцеления душевных и телесных недугов, как и в стенах Высокогорской обители, старец был постоянно окружен народом, просящим его помощи и святых молитв. Несмотря на слабое здоровье, отец Софроний вкушал пищу весьма умеренно, почти весь день проводил с приходящими к нему людьми, ночью же подолгу пребывал в молитве.

Вскоре рядом с кельей старца был построен деревянный храм, освященный в честь Сошествия во ад Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа протоиереем Арзамасского Воскресенского собора Павлом Введенским при участии настоятеля Высокогорской пустыни иеромонаха Иосифа и архимандрита Софрония 13 июля 1908 года, «при державе благочестивейшего самодержавнейшего Великого государя императора Николая Александровича, с благословения Преосвященнейшего Назария, епископа Нижегородского и Арзамасского».

Уезжая с Высокой горы, отец Софроний изрек такое пророчество: «У меня в лесу будет своя обитель, а здесь устроят острог для разбойников». Слова эти сбылись в точности: в стенах Высокогорского монастыря в годы советской власти была организована колония для несовершеннолетних преступников, которая располагается там и поныне.

В основанной отцом Софронием женской общине в лесу Высокогорской дачи подвизались двенадцать послушниц: Анастасия Тютярина («Настя большая»), Анна Курпорова, Анна Калачева, Мария Ежова (в девичестве Мельникова), Вера, Параскева, Мария и Екатерина Мельниковы, Агриппина Семенова, Екатерина Созонова, Татьяна «мордовская», Анастасия («Настя маленькая»). Жили сестры в отдельном корпусе рядом с храмом, напротив корпуса находилась

звонница, неподалеку на поляне — келья старца Софрония и дома его духовных чад, решившихся уйти в глушь леса от мирской суеты; поодаль располагались различные хозяйственные постройки. В 1919 году возле кельи старца была сооружена часовня, где стоял привезенный со Святой Горы Афон больших размеров Крест с предстоящими.

Жизнь сестер была подчинена строгому монастырскому уставу. В понедельник, среду и пятницу они вкушали только черный хлеб с водой. Однажды к батюшке в лес пришла девушка из села Выездного, которая ничего не ела по средам и пятницам. Отец Софроний похвалил ее и предложил своим послушницам последовать ее примеру — все согласились. Перед смертью отец Софроний отменил им такой строгий пост — сказал, что без него им не выдержать.

Молитвенное правило в пустыни было следующим: вечером после ужина, в 9 часов, читались вечерние молитвы и акафист Спасителю, после чего сестры шли отдыхать; в полночь вставали на полунощницу, после которой ложились спать, а затем опять вставали на молитву в 4 часа утра; читались утренние молитвы, акафист Божией Матери, чаще всего Иверской иконе — в честь чудотворного образа, имевшегося в пустыни, реже читались акафисты Благовещению и Успению.

Кроме того, по благословию отца Софрония сестры делали по семьсот поясных поклонов в течение дня. Старец заповедовал сразу по пробуждении класть пятьдесят поясных поклонов Спасителю, тридцать — Божией Матери, десять — Архангелу Михаилу, девять — Иоанну Предтече, восемь — Святителю Николаю, семь — всем Архангелам, шесть — всем святым, и пять — своему Ангелу Хранителю.

По окончании молитвенного правила шли к отцу Софронию за благословением на работу. Сестры трудились не покладая рук на различных послушаниях: работали в поле, заготавливали дрова; некоторые сестры занимались рукоделием: расшивали золотом свадебные головные уборы. Параскева, Вера и Агриппина писали иконы под руководством отца Софрония, владевшего иконописным мастерством. Некоторые из написанных ими икон сохранились до настоящего времени.

Пребывая в лесу Высокогорской дачи, преподобный Софроний имел духовное общение с блаженной Евдокией, жившей в селе Пузо. Эта святая подвижница прославилась аскетическими подвигами: строгой постнической жизнью и крайним нестяжанием, имела дар прозорливости и исцеления болящих.

Архимандрит Софроний по-отечески заботился о блажен-

Монашеские кельи и строящаяся колокольня в Софрониевой пустыни

Монахини Софрониевой пустыни

ной Евдокии и благословил ухаживать за ней свою духовную дочь Александру Михайловну, окормлявшуюся у него многие годы. С Александрой Михайловной отец Софроний передавал Евдокии письма и посылки, а Евдокия — батюшке.

Александра Михайловна была подвижницей и страдала тяжким телесным недугом: в ногах у нее были черви. Последний в своей жизни Великий пост Александра Михайловна, будучи тяжело больной, провела, по благословению отца Софрония, у блаженной Евдокии. Прожив у нее весь пост, она исцелилась и вернулась к старцу Софронию в полном здравии. Господь судил ей окончить свой земной путь, находясь рядом с горячо любимым и почитаемым старцем. По возвращении Александры Михайловны из села Пузо отец Софроний, прозревая ее скорое отшествие в Жизнь Вечную, велел ей готовиться к исповеди, сказав при этом: «Я тебе последнюю обедню отслужу». На Святую Пасху Александра Михайловна причастилась, а две недели спустя почилла. Узнав о смерти Александры Михайловны, блаженная Евдокия сильно плакала и говорила: «Отпало у меня правое крылышко».

Отец Софроний прислал блаженной Евдокии в утешение свою любимую икону Иверской Божией Матери, почитавшуюся в его пустыньке чудотворной. Эта икона,

от которой совершались обильные исцеления, не замедлила явить свою чудотворную силу и в скромной келейке блаженной Евдокии. Случилось так, что у послушницы отца Софрония Веры Мельниковой сильно разболелись пальцы и он ее послал в село Пузо: «Поезжай, Верочка, к Дуне, от Царицы Небесной ты исцелишься» — и она получила исцеление.

Блаженная, веруя в прозорливость отца Софрония, благословляла обращаться к нему за духовным советом. Когда ее келейница Поля, ставшая по благословению блаженной Евдокии послушницей в Серафимо-Дивеевском монастыре, в первый раз пришла к отцу Софронию, он сказал ей: «Счастливица та, которая благословила тебя в монастырь». Старец Софроний открыл ей высоту духовной жизни блаженной, свидетельствуя, что она — подвижница и светильница, столп от земли до неба, что надо ее слушать и подражать ей.

Однажды он сказал Поле: «К тебе Дунюшкина вошь пристанет, как ты придешь в монастырь, тебя выгонят из монастыря-то, скажут: “Вшивая”» — и добавил: «Кто больных любит, великая благодать», затем взял ее за голову и сказал: «Я сейчас тебя благословляю к Дуне жить, служи ей, как матушке игумении, не преступай ни одной заповеди ее, свою волю не твори, а послушания все исполняй, что она тебе скажет». Так старец Софроний

и угодница Божия Евдокия в согласии управляли ко спасению своих духовных чад.

Волею Божией блаженная Евдокия сподобилась получить мученический венец: 18 августа 1919 года после трехдневных издевательств революционно настроенных солдат она была расстреляна вместе с тремя келейницами в селе Пузо. Отец Софроний провидел ее мученическую кончину, прислав ей в День Ангела написанную им икону Спасителя в терновом венце.

Жители села Пузо были наказаны Богом за то, что не заступились за святую подвижницу: в ту осень село горело три раза. Когда к старцу Софронию приехали погорельцы и стали жаловаться на разорение, преподобный отвечал им: «Это только ваш хлам сгорел, а ваше тело не страдало, а как страдала ваша светильница от трехдневного побоя! Если бы вы за нее заступились, вы бы не сгорели. Все ее тряпки в Пузе выгорят, а место ее освятится после беззакония».

Отец Софроний заповедовал пузинским погорельцам ходить на могилку мученицы и просить ее молитвенного предстательства во всяких нуждах. Предрек старец Софроний почитание и прославление народом Божиим святой подвижницы. Он говорил, что в селе Пузо «будет четверо мощей, и Дуня будет мощами. Придут четыре епископа, и будет народ, и больные будут исцеляться. Народ уверует в нее, и будут звонить во все колокола, и Дуня прославится очень далеко» [6].

«Праведник яко финикс процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится» (Пс. 91, 13). Тринадцатилетнее жителство старца Софрония в лесу Высокогорской дачи явилось осуществлением слов боговдохновенного псалмопевца. Именно здесь в полной мере раскрылись духовные дары старчества, чудотворения, прозорливости, которыми он был обильно облагодатствован.

Важными источниками, повествующими об этом периоде жизни архимандрита Софрония, являются рукописи жителей села Никольского Ксении Петровны Калиновской, свидетельницы последних лет жизни старца, и Алексея Федоровича Коннова. Записи Алексея Федоровича

Коннова были сделаны со слов Василия Михайловича Судьина — духовного чада архимандрита Софрония, окормлявшего у него многие годы и неоднократно бывшего свидетелем проявления Божественной благодати, действовавшей через старца.

Почитание старца при жизни было огромным, имя его было широко известно не только в Нижегородской епархии, но и за ее пределами. Люди шли к нему со своими скорбями, душевными и телесными недугами, с верой в Богомощные молитвы подвижника и по вере получали просимое.

В последние годы батюшка сильно ослабел, отчего служить постоянно не мог и до храма добирался только на коляске. Однажды насельники пустыньки собрались ко всенощной, подали батюшке коляску, а он не смог служить — разболелся. Пришлось всем разойтись по корпусам. Утром старец вышел из кельи и дал знак, чтобы подавали коляску. Житель села Выездного Петр Яковлевич Сомов, ухаживавший за старцем, сказал ему: «Батюшка, а я коляску не взял — думал не будешь служить». «Меня Божия Матерь благословила: иди служи», — ответил старец. Петр Яковлевич сходил за коляской, и все отправились в храм.

Шел 1921 год, приближалось время отшествия старца в вечность. Однажды батюшка пригласил к себе в келью послушницу Анастасию:

— Настенька, благословляю тебя ехать в Арзамас и купить там керосинку. Только пешком не ходи, а иди на разъезд Костылиха и садись на поезд.

— А кто меня посадит на поезд?

— По моему благословию посадят.

Когда она села в поезд, вошел в ее вагон седенький старичок, подошел к Анастасии, назвал ее лесной жилилкой, обратясь к ней по имени, дал ей серебряные деньги и попросил их пересчитать. Она пересчитала и отдала ему, а затем по его просьбе еще дважды пересчитывала, после чего он сказал ей: «На день преподобного Серафима будет у вас великое торжество. Сколько гостей соберется! Какое у вас будет богослужение! Да как запоют “Во блаженном

успении...”» Девушка спросила старца: «Как Ваше имя?» «Убогий Серафим», — ответил незнакомец. После он исчез.

Когда она вернулась из Арзамаса и пришла в лес, отец Софроний встретил ее с радостью и, не вспомнив про керосинку, начал выпрашивать, кого она видела и с кем говорила. Выслушав ее, старец встал перед иконами, возблагодарил Бога и сказал, что все так и будет.

Пророчество преподобного Серафима Саровского исполнилось в точности: 1 августа (19 июля старого стиля) 1921 года архимандрит Софроний преставился на 94-м году жизни. За несколько месяцев до кончины старец стал чувствовать себя плохо и, уже давно готовый «отйти от тела и внити ко Господу» (2 Кор. 5, 8), стал еще усиленнее готовиться к исходу из сей жизни: через день старец общался Святых Таин, сподобляясь сего от проживавшего в то время в пустыньке и совершавшего богослужения священника Александра Архангельского. Старец с душевным сожалением говорил, что отец Иоанн Сергиев Кронштадтский перед смертным исходом приобщался Святых Таин каждый день, но что он, по немощи своей, не в состоянии этого делать, так как трудно соблюсти правило и пост.

Недели за три до смерти старец перестал принимать дотоле непрерывно притекавший к нему за старческим советом, руководством и благословением народ и покоился в постели в своей убогой келье. За неделю до кончины отец Софроний призвал к себе своего духовного сына, попечителя и ктитора храма Петра Яковлевича Сомова и благословил его поскорее сшить архимандричье облачение в Алексеевском монастыре: «Иди скорее, — сказал ему ослабевающий старец, — в город, в Алексеевский монастырь к матери игуменьи и скажи, чтобы шили мне ризу на смерть, не мешкая». Послушный своему старцу и духовному отцу Петр Яковлевич отправился тотчас в город, взяв золотую парчу и прочее необходимое для шитья, и через день полное облачение было уже готово. Старец, посматрив на приготовленное облачение, перекрестился, возблагодарил Бога и сказал Петру Яковлевичу: «Как заботитесь Вы обо мне, собираете меня на смерть, как родной сын».

Незадолго до своей блаженной кончины старец собрал своих духовных чад, со всеми простился, всех благословил, снял все наложенные ранее епитимьи и дал наставления, где кому из сестер жить после закрытия пустыни и у кого окормляться. Он предвидел разорение обители и ее грядущее возрождение и говорил: «Все здесь нарушится, ничего не будет, а придет время — все здесь построят лучше». Духовные чада старца с честью выдержали испытания, выпавшие на их долю в годы борческой власти. До конца своих дней они остались верны заветам своего духовного отца и своей жизнью укрепляли веру ближних, некоторые из них в годы гонений на православную веру сподобились пострадать за Христа.

В понедельник 1 августа в 9-м часу утра одна из сестер, бывших около батюшки, сообщила, что в нем заметна перемена. Все насельники и Петр Яковлевич Сомов собрались вокруг отходящего ко Господу старца и начали читать акафист Успению Пресвятой Богородицы. В половине акафиста батюшка мирно скончался. Так отошел ко Господу святой старец, для многих и многих духовный наставник, советчик, утешитель и отец чадолюбивый.

По завещанию почившего старца его, по обтирании лица, рук и ног святой иорданской водой, облачили в полное архимандричье облачение (об этом старец ранее просил Святейшего Патриарха Тихона и получил на это разрешение).

Печально прозвучали двенадцать редких ударов на колокольне, возвещая об уходе в вечность столь многими любимого и чтимого отца Софрония. Вечером того же дня священником Александром Архангельским была отслужена первая панихида о почившем старце. Утром 2 августа о кончине старца было сообщено епископу Арзамасскому Михаилу (Кудрявцеву), который изъявил желание сам совершить отпевание и погребение. Все время до отпевания у гроба почившего совершались панихиды, народ, оплакивая горестную утрату, тек непрерывно, чтобы проститься с дорогим наставником и утешителем.

В среду 3 августа, на третий день по кончине, был вынос тела

Старец архимандрит Софроний

6

старца из кельи; путь в несколько десятков саженей был пройден за два часа, ввиду того, что было отслужено несколько панихид и литий.

К вечеру в четверг 4 августа прибыл на погребение Преосвященный Владыка Михаил; на открытом воздухе перед церковью была отслужена при большом стечении народа заупокойная всенощная, которая закончилась около полуночи. Был такой тихий вечер, что ни одна свеча не потухла в руках богомольцев.

В пятницу 5 августа, на пятый день по кончине, были совершены архиерейским служением литургия и отпевание по священноиноческому чину. Богослужение началось в 8 часов утра и закончилось около 4 часов вечера, долго и со многими слезами сожаления происходило прощание у гроба угасшего кончиною праведной старца. В совершении накануне всенощного бдения, в служении литургии и отпевании принимали участие один протоиерей, четыре священника, два иеромонаха, один иеродиакон и два диакона. В убогой келье старца был накрыт поминальный стол для Владыки и сослужившего ему духовенства.

Часовня неподалеку от кельи старца, где с осени 1919 года находился прекрасный афонской работы Крест с предстоящими, стала местом его упокоения. По завещанию старца, не раз говорившего о себе: «Земля еси и в землю отыде-

ши» (Быт. 3, 19), могила его не была выложена камнем, положен он был во гробе в сырую землю.

О упокоении старца Софрония в селениях праведных совершалось непрестанное моление: в течение сорокоуста каждый день совершалась в 5 часов утра ранняя литургия, по окончании которой в часовой служилась панихида, днем была вторая панихида, после трапезы третья и вечером — заупокойное всенощное бдение. До девятого дня богослужения совершал священник Александр Архангельский, далее до сорокового дня, по благословению епископа Михаила, — иеромонах Спасского монастыря Мартириан. Все это время усердные богомольцы стекались к месту упокоения горячо любимого старца.

Старец предсказывал, что его могилу разорят. По прошествии более десяти лет после его блаженной кончины, в середине 1930-х годов жительница села Селема Евдокия Галанкова была у старца Иоанна Ардатовского, который благословил ее немедля идти на могилу отца Софрония. Преодолев неблизкий путь, Евдокия добралась до места, где некогда располагалась пустынька, и обнаружила, что могила старца разорена, а в потревоженном гробу почивают нетленные мощи подвижника. Вместе с односельчанами Евдокия привела захоронение в порядок.

До сего дня память об архимандрите Софронии благоговейно почитается православными. По

установившейся традиции почитателями старца торжественно отмечается день его тезоименитства — 24 марта (память святителя Софрония Иерусалимского). Центром торжеств вплоть до последнего времени было село Никольское, куда съезжались многочисленные паломники — духовенство и миряне, где служились панихиды по старцу Софроню, а в доме Клавдии Ивановны Коклиной († 2010) накрывались поминальные столы.

Ныне исполнилось пророчество старца Софрония о том, что монашеская жизнь на месте его подвигов возобновится. В настоящее время в Софрониевой пустыни богослужения совершает протоиерей Владимир Цветков, который является духовным наставником немногочисленной женской общины и с недавнего времени здесь служит игумен Вениамин (Куликов). В пустыни подвизаются четырнадцать послушниц, среди которых одна инокиня.

Сестры совершают установленное молитвенное правило и выполняют различные послушания: работают на скотном дворе, летом выращивают овощи на подворье в селе Ковакса Арзамасского района, что в восьми километрах от пустыни. Возрождая традиции, существовавшие в пустыни при жизни старца Софрония, несколько сестер занимаются иконописью, а двое выполняют золотошвейное послушание.

Часовня над могилой старца Софрония.
Фото 2010 года

6

По благословию архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия и трудами отца Владимира с сестрами в Софрониевой пустыни на средства добротных благотворителей построены три храма, два келейных корпуса, возведены различные хозяйственные постройки. В настоящее время завершается внутреннее обустройство храма в честь Иверской иконы Божией Матери и возведена часовня над источником старца Софрония с купальней. В планах — восстановление храма в честь

Сошествия во ад Господа Иисуса Христа, строительство в пустыни гостиницы для паломников, музея обители и нескольких хозяйственных построек.

Почитание старца Софрония как подвижника благочестия Божия не прекращалось со времени его блаженной кончины и распространилось далеко за пределы Нижегородской епархии. Старец Софроний незадолго до своей блаженной кончины говорил: «Настанет время выйти мне мощами».

В 2008 году решением Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата архимандрит Софроний (Смирнов) был прославлен в Соборе преподобных отцов, иже во Святых Горах на Донце подвизавшихся, как местночтимый святой Донецкой и Мариупольской епархии. Могила старца Софрония находится в основанной им Софроньевой пустыни около села Ковакса Арзамасского района Нижегородской области.

Примечания:

1. Сегодня это Свято-Успенская Святогорская лавра Донецкой и Мариупольской епархии УПЦ МП.
2. В 2009 г. решением Синода УПЦ МП прославлен в лике святых как местночтимый святой Черниговской и Новгород-Северской епархии. Мощи его почивают в Троицком соборе г. Чернигова.
3. В 1988 г. прославлен в лике святых на Поместном Соборе РПЦ. Мощи его почивают в церкви Воздвижения Честного Креста Господня Толгского монастыря Ярославской и Ростовской епархии.
4. Сегодня это Краснополский район Сумской области, каноническая территория Сумской и Ахтырской епархии УПЦ МП.
5. В настоящее время из всего монастырского комплекса сохранился лишь храм Преображения Господня в руинированном состоянии.
6. В 2000 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви блаженная мученица Евдокия Шейкова и ее послушницы Дария Тимагина, Дария Улыбина и Мария были причислены к лику святых и включены в Собор новомучеников и исповедников Российских. Мощи их почивают в Успенском храме села Суворово (быв. Пузо) Дивеевского района Нижегородской области.
9. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 118, л. 61 об.
10. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 119, л. 26.
11. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 122, л. 19, 51.
12. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 124, л. 8, 65 об.
13. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 133, л. 2 об., 21.
14. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138, л. 46, 132, 143.
15. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 142, л. 24, 57, 58, 77, 103.
16. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 145, л. 9.
17. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 148, л. 64, 70—71.
18. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 151, л. 14-а об.
19. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 157, л. 62—63.
20. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 160, л. 8, 23, 24, 71.
21. ГАНО-2. Ф. 31. Оп. 1. Д. 165, л. 22.
22. ГАНО-2. Ф. 31. Оп. 1. Д. 291, л. 40.
23. ГАНО-2. Ф. 31. Оп. 1. Д. 295, л. 1—2.
24. ГАНО-2. Ф. 31. Оп. 1. Д. 309, л. 28.
25. ГАНО-2. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315, л. 7.
26. ГАХО. Ф. 40. Оп. 40. Д. 1168, л. 19.
27. ГАХО. Ф. 40. Оп. 108. Д. 96, л. 46.
28. Жидков Н. Архимандрит Софроний: Сказание о житии и чудесах старца Арзамасского Высокогорского монастыря близ Дивеева. Арзамас, 2002.
29. Житие и подвиги преподобного Иоанна, затворника Святогорского. [Святогорск], 1995.
30. Житие и страдания преподобномученицы Евдокии (Шиковой) и послушниц ее Дарии (Тимолиной), Дарии (Сиушинской) и Марии // Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992. Кн. 1. С. 99—122.
31. Епархиальная хроника // Нижегородские епархиальные ведомости. 1901. Часть неофициальная. 15 ноября. № 22. С. 952—954.
32. Епархиальная хроника // Нижегородские епархиальные ведомости. 1903. Часть неофициальная. 1 апреля. № 7. С. 253—255.
33. Ковалевский А.Ф. Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа // Душеполезное чтение. 1893. Ноябрь. С. 492.
34. Ковалевский А.Ф. Очерк жизни иеросхимонаха Иоанна, затворника Святогорской пустыни / Два дивных подвижника: Христа ради юродивый Антоний Алексеевич. Затворник Святогорской пустыни иеросхимонах Иоанн М., 1996. С. 68.
35. РГИА. Ф. 796. Оп. 162. Д. 1146, л. 8—9.
36. РГИА. Ф. 796. Оп. 165. Д. 246, л. 1—9, 11—14, 19—20.
37. Речь, сказанная 23 апреля 1889 года Преосвященнейшим Модестом, епископом Нижегородским и Арзамасским в Крестовой церкви по окончании литургии при вручении жезла вновь поставленному архимандриту Софронию // Нижегородские епархиальные ведомости. 1889. Часть неофициальная. 15 мая. № 10. С. 413—416.
38. Свято-Димитриевский Ряснянский мужской монастырь Харьковской губернии Ахтырского уезда // Харьковские епархиальные ведомости. 1881. Часть неофициальная. 15 декабря. № 24. С. 524.
39. Святогорская Успенская общежительная пустынь в Харьковской епархии. Одесса, 1891.
40. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1575, л. 66 об.
41. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1867, л. 115 об.
42. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 1925, л. 115.
43. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2348, л. 122 об.
44. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 247, л. 50.
45. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 259, л. 45.
46. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 276, л. 54 об.
47. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 282, л. 184 об.
48. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 288, л. 171 об.
49. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 300, л. 782 об., 795 об., 796, 798.
50. ЦИАМ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 1286, л. 142.
51. ЦИАМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 15, л. 249.
52. ЦИАМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 19, л. 832.
53. Четыркин И. Н. Арзамаская Высокогорская Вознесенская мужская пустынь // Нижегородские епархиальные ведомости. 1888. Часть неофициальная. 15 мая. № 10. С. 471—475.
54. Шайдицкий В. Состав лиц, служивших и служащих в семинарии (1875—1910) // Сборник статей по истории Холмской Духовной семинарии. Холм, 1910. С. 17—52.

Основные источники для составления жизнеописания

1. Архив города Люблина. Фонд Холмско-Варшавской духовной консистории. Д. 448, л. 1, 2, 6.
2. Внутреннее обозрение // Харьковские епархиальные ведомости. 1883. Отдел неофициальный. 30 января. № 5. С. 77—78.
3. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 29, л. 173 об. — 177.
4. ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 164.
5. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 41, л. 4, 8.
6. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 101, л. 3.
7. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 104, л. 2.
8. ГАНО-2. Ф. 20. Оп. 1. Д. 108, л. 5, 7 об. — 8.

О.В. Дёгтева

История создания при Вознесенском Печерском мужском монастыре Свято-Владимирской церковно-приходской школы

В период правления Государя Императора Николая I в начале XIX века, в контексте проводившихся преобразований, была проведена и реформа системы духовного образования. 29 ноября 1807 года при Святейшем Синоде был учрежден «Комитет об усовершенствовании духовных училищ». Изданный на следующий год, 26 июня 1808 года, закон создавал новую структуру духовных учебных заведений и определял учебную, воспитательную и административную функции духовных школ, а также устанавливал источники их материального обеспечения. Подобно уже существовавшей системе светского образования в стране была установлена четырехступенчатая

система духовно-учебных заведений. Первая ступень — приходские училища (одно на благочиние); вторая — уездные училища (для начального духовного образования); третья — семинария (среднее духовное образование); и четвертая — Духовная академия (высшая ступень) [1].

Как следует из официального отчета в Святейший Синод о состоянии нижегородской епархии, 26-го августа 1822 года в Нижегородском Вознесенском Печерском монастыре по благословению Преосвященного Моисея (Близнецова-Платонова) было учреждено, а 15 октября этого же года открыто уездное Приходское училище. Для этих целей монастырь предоставил ветхое здание бывшей гостиницы, на ремонт и обустройство которого под новое

учебное заведение были затрачены специально выделенные епархиальные средства [2].

Первоначальная строительная история этого монастырского корпуса прослеживается по летописи монастыря. Еще в XVIII столетии, в 1765 году при настоятеле архимандрите Софронии деревянная ограда вокруг Печерской обители была заменена более обширной каменной стеной с пятью башнями [3]. За счет прирезки новой земли территория монастыря была расширена с западной стороны. Именно здесь, в этом же году, одновременно со строительством новой ограды в северо-западной части возводился каменный монастырский гостиничный корпус с хозяйственными постройками. Согласно описанию монастырского имущества, составленному в 1775 году в Печерском

монастыре, на десять лет ранее в 1765 году были выстроены следующие каменные сооружения: 1) ограда вокруг монастыря; 2) Покровская церковь над восточными въездными воротами; 3) восточные братские кельи; 4) двухэтажная гостиница при западном въезде в монастырь [4].

В ходе Генерального межевания Нижнего Новгорода в 1784—1787 годах были определены четкие границы территории монастыря, включавшие помимо уже существующей площади также фруктовый сад и конюшенный двор на западной стороне. На сохранившемся до наших дней плане 1785 года в северо-западной части монастыря показаны два каменных сооружения [5]. Очевидно, что одним из этих зданий являлся бывший гостинный корпус.

Во время ремонта и приспособления бывшего гостиничного корпуса под Духовное приходское училище, видимо из-за нехватки помещений, над зданием был возведен деревянный оштукатуренный мезонин. В более поздних публикациях, посвященных истории Печерского монастыря, точная дата создания училища не названа, но хронологически относится именно к 20-м годам XIX века [6]. «При въезде в монастырские ворота, налево, находится двухэтажный каменный корпус с деревянным мезонином. Корпус построен в 1765 году, а мезонин в 1821—1828 годах. Сначала корпус этот служил гостинным двором для посетителей, но в 20-х годах истекшего столетия с разрешения Святейшего Синода помещалось в нем Печерское духовное училище» [7].

В 1843 году констатировалась «крайняя ветхость» построек Печерского монастыря, в которых размещались классы Духовного училища, кухня и ученическая столовая. За освидетельствованием этих построек Нижегородская Духовная консистория обратилась к губернскому архитектору А.Е. Турмышеву, а затем помощнику архитектора А. А. Пахомову [8].

Согласно описи монастырского имущества, составленной в 1848 году по указу из Нижегородской Духовной консистории, о здании, в котором размещалось Духовное училище, сказано: «Гостинный корпус каменный о двух

этажах с деревянным оштукатуренным мезонином, находящийся при въездных западных в ограде воротах. Корпус сей построен для богомольцев в 1765 году и покрыт железом, длина его 12 сажень, ширина 3 сажени 2 аршина. Ныне в нем Духовное училище» [9]. Вдоль монастырской ограды за гостиничным корпусом размещался конюшенный двор с каретником: «Конюшенный двор с двумя кирпичными сараями на 23 сажнях в длину и 14 в ширину, построен в том же 1765 году и находится за вышеозначенным Гостинным корпусом» [10].

В 1856 году в монастыре была построена новая гостиница для гостей и паломников. Здание это было деревянное на каменном фундаменте, рядом с ним располагались хозяйственные службы. Из официального отчета о состоянии Нижегородского Печерского монастыря за 1863 год, в период настоятельства архиепископа Нектария (Надеждина) сказано: «...Особо от сих зданий при самом въезде в монастырь находится деревянная на каменном фундаменте гостиница (эта крыта тесовою кровлею и окрашена мумиею на масле) для посетителей монастыря, с помещением для рабочих, при ней же сараи и службы, построенные в 1856 году» [11].

По всей вероятности, новое здание деревянной гостиницы находилась рядом с корпусом, в котором размещалось приходское Духовное училище. На это косвенно указывает фраза из документа: «Здесь же находится каменный двухэтажный корпус, построенный в 1765 году, который был прежде гостиницею монастыря, а ныне принадлежит Духовно-учебному ведомству...» [12].

Просуществовав в стенах древней обители, Нижегородское уездное Приходское училище в 1867 году при настоятеле епископе Балахнинском Макарии (Миролюбове) было закрыто, а учеников его перевели непосредственно в Нижний Новгород в Сергиевское Духовное училище [13]. Впоследствии каменное здание училища обветшало и стало непригодным для проживания, и тогда в нем разместили склад монастырских дров [14].

К 1880 году часть архива Нижегородской Духовной консистории хранилась в одной из

монастырских башен, а также в сырой подклети (подвале) Вознесенского собора. Епископ Нижегородский и Арзамасский Модест (Стрельбицкий) предложил отремонтировать пустовавший на тот момент двухэтажный корпус с мезонином, где прежде помещалось Печерское Духовное училище, и разместить в нем означенный архив [15]. Документов, подтверждающих когда именно практически было осуществлено данное намерение епархиального начальства, автору этих строк обнаружить не удалось. Очевидно, что перенос сюда консисторского архива происходил постепенно.

В 1887 году, с назначением нового настоятеля, энергичного и просвещенного епископа Балахнинского Дмитрия (Самбикина) в Печерской обители оживилась внутри монастырская жизнь. Преосвященный Дмитрий создает специальную комиссию для ремонта и возобновления ветхих зданий монастыря. При этом он сам становится ее председателем и приглашает для работы в ней компетентных специалистов того времени, архитекторов и инженеров [16]. Но в опубликованных актах данной комиссии говорится только об освидетельствовании настоятельского корпуса так называемых «Архиерейских палат» и каменной монастырской ограды.

На следующий, юбилейный год празднования 900-летия Крещения Руси на кафедру епископа Балахнинского был определен Преосвященный Агафодор (Преображенский). Поселившись в Печерском монастыре, новый настоятель ознакомился с его многовековой историей и решил возродить в его стенах церковно-приходскую школу, торжественное открытие которой состоялось уже 15 сентября 1888 года [17]. «...Школа при означенном монастыре открыта в монастырском здании, в котором, в прежнее время, много лет помещалось Печерское Духовное училище. Здание бывшего училища в последнее время пустовало и приходило в ветхость...»

Здание бывшего духовного училища, а ныне церковно-приходской школы, занимает место вне монастыря, хотя и в ограде его, и представляет одно из самых удобных во всех отношениях мест

для школы, для которой тем лучше место, чем более оно уединенно от уличного шума и чем более здорово в санитарном отношении, ... в ограде древнего Печерского монастыря, — место тихое, спокойное, совершенно изолированное от всякой суеты человеческой, и прочих препятствий; — место здоровое по почве и воздуху, и в летнее время представляющий просторный и прекрасный сад» — так писал о возрожденной школе в монастырской летописи дьякон А. Снежницкий [18].

В официальном отчете о состоянии Нижегородской епархии за 1888 год про это учебное заведение в Святейший Синод сообщались следующие подробности: «Задумав обратить под церковно-приходскую школу бывшее здание Духовного училища (в последнее время, как сказано, пустовавшее и ветшавшее), Преосвященнейший Агафодор немедленно приступил к ремонту его, каковой ремонт, за неимением на этот предмет других средств, вел на свой счет и, при Божией помощи, так успешно, что ко дню открытия школы в верхнем этаже этого здания были вполне готовы и приспособлены для классов две светлые, чистые и просторные комнаты и одна комната для учителя...» [19].

В дальнейшем в память о церковном юбилее, который праздновался в год ее открытия, она получила название «Свято-Владимирское церковно-приходское училище» [20]. Но уже на следующий учебный год, 1 октября 1889 года церковно-приходская школа из-за тесноты помещения и по причине размещения в бывшем церковно-училищном монастырском корпусе архива Нижегородской Духовной Консistorии была перемещена в братский корпус рядом с большим храмом в честь св. апп. Петра и Павла. Со временем у нового учебного заведения появился и попечитель в лице купца Ивана Космича Николаева, который пожертвовал личные средства на обустройство классов в новом помещении [21].

Желающих учиться в новой монастырской школе было очень много, уже в первый год здесь обучалось до 40 мальчиков, а в 1890—1891 учебный год количество воспитанников достигло 67 человек. Всего было органи-

зовано два класса: первый класс — здесь обучалось 38 учеников, и подготовительный — где было 29 воспитанников. По социальному сословию это были дети крестьян и мещан, в основном жители соседних окружающих монастырь поселений: Печерской слободы, Кошелевской слободы и Печерских Выселок [22].

Первые годы существования «Свято-Владимирского училища» Закон Божий в нем безвозмездно преподавал иеромонах Гавриил (бывший овдовевший приходской священник Герасим Архангельский), ставший впоследствии насельником и духовником Высокогорской пустыни под Арзамасом. Еще одним преподавателем являлся окончивший 3 класса в Нижегородской семинарии и Нижегородскую церковно-учительскую школу Николай Сицкий, получавший за свою педагогическую деятельность оклад в размере 120 рублей в год [23].

Свято-Владимирское церковно-приходское училище при Печерском монастыре функционировало до 1901 года, а в дальнейшем в связи с открытием земского училища в слободе Старые Печеры оно по учебной программе было преобразовано в церковно-приходскую школу. «Школа снаружи имеет вид выштукатуренного двухэтажного здания, главный фасад которой обращен на юг; все здание каменное, крытое железом. Наружный вход в здание с южной стороны, откуда широкая лестница ведет в верхний этаж...» [24]. Здесь же при школе находилось и жилое помещение для наставника и преподавателя. Согласно инвентарной книге школьного имущества на 1917 год, в учебном классе, помимо традиционных портретов царской семьи Романовых, на стенах также висел портрет епископа Агафодора как основателя этого учебного заведения, портрет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и великого русского поэта А.С. Пушкина. Из учебных пособий и инвентаря за школой числилось 17 парт со скамьями, две доски, «торговые большого формата счеты, арифметический ящик с кубиками», а также шкафы для книг [25].

20 июня 1917 года Временным правительством страны было принято постановление «Об объеди-

нении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве министерства Народного Просвещения». Этот новый законодательный акт касался также церковных учебных заведений. В свою очередь, министерство выпустило циркуляр, по которому все церковно-приходские школы передавались в подчинение органам местного самоуправления. До октябрьского переворота большевиков это были уездные земства. 4 сентября 1917 года Нижегородская уездная земская управа обратилась к настоятелю монастыря архимандриту Лаврентию (Князеву) с просьбой о предоставлении для земства на правах аренды помещения бывшей монастырской школы [26]. И уже 22 сентября этого же года Печерский монастырь официально передал школьное помещение со всем оборудованием и инвентарем в аренду уездному земству. Данное соглашение было достигнуто при некоторых условиях, выдвинутых со стороны монастыря: в школе по-прежнему обязательным было преподавание Закона Божьего, жалованье преподавателям выплачивало бы земство, которое также должно было взять на себя все расходы на ремонт, освещение и отопление школьного корпуса. При этом арендная плата за пользование помещением была определена по усмотрению самой земской управы в размере 50 рублей в год [27].

Сегодня сложно сказать, завершился ли учебный год в монастырской школе в смутном революционном 1917 году и существовало ли это учебное заведение в дальнейшем. Однако с уверенностью можно сказать, что данное учебное заведение принесло большую пользу для детей монастырских прихожан, которые учились здесь не только основам грамоты и арифметического счета, но и постигали истины духовно-нравственного воспитания, основанного на незыблемом Законе Божиим.

Что же касается бывшего гостиничного, а затем училищного корпуса, используемого в начале XX века под консисторский архив, то по страховой оценочной ведомости недвижимого имущества монастыря, составленной для Святейшего Синода в 1910 году, к этому времени он настолько был

ветхим и в плохом состоянии, что наряду с другими постройками не был даже оценен: «Дом двухэтажный, каменный с деревянным мезонином. Крыт железом. Длинной – 7 сажень, 10 вершков; шириной – 5 сажень; высотой – 5 сажень. В нем архив Духовной Консистории. Дом весьма ветхий и потому оставляется без оценки» [28].

В 1915 году в технико-строительном комитете при Святейшем Синоде рассматривалось заключение академика архитектуры А. Преображенского по каменному дому с мезонином на территории Печерского монастыря. На основании изложенных материалов данный комитет постановил:

— жилой деревянный мезонин, расположенный над помещением консисторского архива, либо закрыть, либо разобрать, как представляющий пожарную опасность для архива;

— составить смету на неотложный ремонт здания архива [29].

Вероятней всего, что средств на ремонт данного корпуса у монастыря не было, учитывая общую экономическую и политическую ситуацию в стране. Был ли разобран деревянный мезонин, также неизвестно. Однозначно можно сказать только то, что в 1924 году здание это еще существовало. Это подтверждается сохранившимся ситуационным планом монастыря, выполненным 4 ноября этого года для управления нижегородского Губернского инженера с целью изготовления обмерочных фиксационных планов всех культовых монастырских строений [30]. Точная дата его сноса неизвестна.

В 1928 году было принято решение о реконструкции архиерейского корпуса (пострадавшего после пожара) под кинотеатр «Колхозник». Возможно, что в это же время решили разобрать и ветхий бывший гостиничный корпус. В годы Великой Отечественной войны на данной территории были размещены склады Гражданской Обороны, которые были ликвидированы только спустя много лет.

В настоящее время, когда в Печерском монастыре ведутся большие планомерные ремонтные и реставрационные работы, на основе сохранившихся фотографий конца XIX—начала XX столетия выполнен проект воссоздания утраченного здания бывшего

Члены фотографического кружка на территории Вознесенского Печерского монастыря (слева бывшее здание церковно-приходской школы). 1910-е гг. Фото И.Н. Кемарского

гостиничного корпуса, где также в дореволюционный период размещались различные монастырские учебные заведения.

Примечания:

1. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700—1917 гг. М., 2003. Глава 4 – Система духовного образования. С. 96.
2. РГИА. Ф. 802. Оп.17. Д. 249, л. 83—84.
3. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 121 – Историческая справка о монастыре и опись древних предметов, б/д.
4. РГАДА. Ф. 280. Оп. 20. Д. 1186 (1775 г.), л. 3.
5. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 296/1. Д. 1 – Геометрический специальный план Печерского монастыря, 1785 г.
6. Четыркин И.Н. Историко-статистическое описание Нижегородского Печерского Вознесенского мужского монастыря. Н.Новгород, 1887. С. 186.
7. Драницын Н.И. Краткий указатель святых и достопримечательностей Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря // Нижегородские епархиальные ведомости. 1902. № 17. Часть неоф. С. 577—578.
8. ЦАНО. Ф. 669. Оп. 318. Д. 1058 (1843 г.), л. 1, 2, 4.
9. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д.38-а, л.3.
10. Там же.
11. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 62 (1863 г.), л. 1 об.
12. Там же.
13. Четыркин И.Н. Историко-статистическое описание Нижегородского Печерского Вознесенского мужского монастыря. Н.Новгород, 1887. С. 186.
14. Лавров Д.В. Нижегородский Вознесен-

ский Печерский монастырь. СПб., 1892. С.10.

15. РГИА. Ф. 799. Оп. 16. Д. 471, л. 1—1 об; 3; 7 об; 8; 11.
16. Акты осмотра зданий Нижегородского Печерского монастыря // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. № 15. С. 383—386.
17. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 85-а. Снежницкий А. Летопись Нижегородского Печерского Вознесенского первоклассного мужского монастыря (рукопись). Часть I, л. 69; (Переписано было автором из Нижегородских епархиальных ведомостей. 1888. № 19. С. 976—981).
18. Там же, л. 69 об.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1243, л. 44об—45.
20. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 85-а. Снежницкий А. Летопись Нижегородского Печерского Вознесенского первоклассного мужского монастыря (рукопись). Часть I, л. 68 об; 69 об.
21. Там же.
22. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 86. Снежницкий А. Летопись Нижегородского Печерского Вознесенского первоклассного мужского монастыря (рукопись). Часть II, л. 17 об.
23. Там же.
24. Там же.
25. ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. Д. 116, л. 13.
26. Там же, л. 3.
27. Там же, л. 10.
28. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 979 — Страховая оценочная ведомость Печерскому монастырю, 2-го благочиннического округа г. Н.Новгорода, 1910 год.
29. РГИА. Ф. 799. Оп. 3. Д. 20, л. 4—4 об.
30. ЦАНО. Ф. 1684. Оп. 2. Д. 650, л. 3.

Надежда Привалова – гимназистка.
1917 год. Фото из личного фонда
Приваловой.ЦАНО

Новые материалы к биографии Н.И. Приваловой

Надежды Ивановны осложнялась нехваткой источников по истории рода Приваловых и обстоятельств жизни ее семьи. Большой интерес, но и значительную трудность представляет освещение истории предприятий Ивана и Константина Приваловых (отца и дяди Надежды Ивановны) в Пензенской и Нижегородской губерниях, за рамками данного исследования остаются и живые связи Приваловой с ее родными, коллегами, друзьями – все те ниточки, потянув за которые, мы могли бы приблизиться к пониманию ее личности и характера.

* * *

Надежда Ивановна Привалова родилась 1 (14 по нов. ст.) июля 1900 года в городе Нижний Ломов Пензенской губернии [1], в семье купца 2-й гильдии Ивана

Андреевича Привалова и его супруги Евдокии Львовны, урожденной Пастушковой [2].

Отец был представителем известной семейной фирмы «Братья Приваловы», основанной в 1817 году, и вместе со своим братом Константином владел единственным в городе колоколотейным заводом, действовавшим с 1844 года [3].

В Нижнем Ломове сохранился дом купца Ивана Авксентьевича Лопатина, где некоторое время проживала семья Приваловых. Он отмечен мемориальной доской в память о том, что здесь родился старший брат Надежды – известный советский математик, академик Иван Иванович Привалов (1891–1941), кстати, выпускник Нижегородской мужской гимназии (окончил ее в 1904 году).

В 1891 году братья Приваловы открыли новый завод в Гордеевке Балахнинского уезда Нижегородской губернии [4]. На Всероссийской промышленно-художественной выставке в Н. Новгороде в 1896 году продукция фирмы была отмечена бронзовой медалью [5].

Нижнеломовский краевед Б. Пастухов считает, что с 1904 года Приваловы жили попеременно то в Н. Ломове, то в Н. Новгороде, и окончательно переехали в Нижний в 1907 году, после закрытия нижнеломовского завода. В это время их сын Иван учился в гимназии и лишь на каникулы приезжал к родителям в Н. Ломов [6]. Сама Надежда Ивановна в автобиографии называет годом переезда 1904 год, но, возможно, это связано с ошибкой памяти, так как в то время ей было 4 года от роду.

Иель данного очерка – представить читателю малоизвестные факты жизни и деятельности Н.И. Приваловой, выдающегося нижегородского историка-архивиста, автора научных исследований и публикаций о Нижегородском ополчении Минина и Пожарского и других событий XVII столетия. Особое внимание обращено на обучение Н.И. Приваловой в канавинских гимназиях с 1910 по 1918 г.

Эта скромная попытка реконструкции детства и юности

Новое здание библиотеки (ул. Советская, д. 16).
Фото 2002 года из архива ЦГБ

Групповой фотопортрет учащихся выпускного класса гимназии А.А. Вишняковой. 1919 год.
4-я справа во 2-м ряду – Н.И. Привалова. Фото из личного фонда Приваловой. ЦАНО

6

Всего в семье воспитывалось восемь детей: сыновья Иван, Андрей, Алексей, Леонид и дочери Надежда, Мария, Валентина, Александра.

Поселились Приваловы в Канавине, на Московской (ныне Советской) улице. К сожалению, адрес не установлен, известно лишь, что дом, в котором они жили, был с балконом. На этом балконе Иван Привалов запечатлел свою маму Евдокию Львовну в 1910 году в один из приездов (он был уже преподавателем Московского университета).

О жизни многодетной семьи Приваловых мы имеем лишь самые общие сведения. Доходы от завода в Гордеевке (который упомянут среди крупных предприятий города несмотря на небольшое количество рабочих – 20 человек) позволяли Ивану Андреевичу содержать семью. Мать, Евдокия Львовна, была домохозяйкой, младшие дети – гимназистами и дошкольниками.

В 1910 году Надю отдали в Нижегородскую частную женскую гимназию М.Н. Ильинской (зачисление и перевод в следующий класс по итогам учебного года производились в мае). Здесь она прouчилась подготовительный и первые четыре класса (по май 1915 г.) [7].

Гимназия располагалась в наемном здании по адресу: Нижний Новгород, Макарьевская часть, 2-я линия (ныне ул. Луначарского), дом Ильинского (не сохранился) и содержалась на средства, взимаемые с родителей за обучение (по 60 рублей с ученицы) [8].

Количество учениц в классах было различным – от 10 до 20 и более. Резкое увеличение числа

учащихся произошло в годы Первой мировой войны, когда в Нижний Новгород и Макарьевскую часть был эвакуирован ряд промышленных предприятий и хлынул поток беженцев из пограничных губерний России.

В списках учениц гимназии Ильинской, кроме Нади, мы находим классом младше ее сестер Марию (родилась 7 марта 1902 г.

Групповой фотопортрет учащихся IV класса женской гимназии Ильинской с преподавателем русского языка и литературы А.К. Хреновым. Крайняя слева в верхнем ряду – Н. Привалова. 1915 год. Фото из личного фонда Приваловой. ЦАНО

6

Н.И. Привалова (слева) среди студентов. Москва, 1924 год.
Фото из личного фонда Приваловой. ЦАНО

по ст. ст.) [9] и Валентину (родилась 2 января 1904 г. по ст. ст.). Видимо, почти два года разницы в возрасте не явились препятствием для зачисления девочек в один класс.

Возглавляла педагогический коллектив, насчитывающий 11 человек, начальница гимназии Маргарита Николаевна Ильинская, выпускница Нижегородского Мариинского института, по диплому – домашняя учительница с правом преподавания арифметики [10].

Надя была одной из лучших учениц гимназии, переходя из класса в класс с наградой 1-й степени. В IV классе она шла первой по успеваемости, имея пятерки по всем предметам, кроме рукоделия и чистописания (четверки) [11].

Во второй четверти 1914/1915 учебного года (последний год ее обучения в гимназии Ильинской) в классе вместе с Приваловой обучались 20 девочек, в их числе Зоя Иванжина, дочь Федора Александровича Иванжина – гласного (депутата) Городской думы 1913–1916 гг., имевшего в Канавине собственный дом на Набережной улице (ныне ул. Марата).

Социальный состав класса был неоднородным: в большинстве своем по происхождению это были дочери крестьян и мещан, но также

– псаломщика, мастерового, унтер-офицера, ефрейтора, запасного солдата, надворного советника, потомственного почетного гражданина, учителя [12]. Все ученицы были православного вероисповедания.

С V класса (1915/1916 учебный год) Надежда была переведена в расположенную по соседству частную женскую гимназию А.А. Вишняковой, иначе называвшуюся Сусанинской (по имени ее основательницы А.А. Сусаниной). Какими обстоятельствами был вызван этот перевод, неизвестно, но в любом случае он свидетельствует о материальном достатке семьи, поскольку плата за обучение здесь была выше и составляла от 65 до 80 рублей с ученицы.

Гимназия располагалась в арендуемом доме на углу Кузнечной и 2-й линии (Канавинской и Луначарского), в доме пароходчика В.М. Каменского (не сохранился). Это был просторный двухэтажный каменный дом с подвальным помещением для служителей. Отчет о состоянии гимназии за 1916 год содержит подробное описание помещений: в верхнем этаже размещались учебные классы, рекреационный (он же актовый) зал, учительская, кабинет председателя Попечительского совета (он же – приемная врача) и учениче-

ские уборные. В нижнем этаже – учебные классы, чайная, гардероб («раздевальная комната»), уборные. Как отмечалось в отчете, «помещение прочное, сухое, светлое, при нормальном количестве учащихся вполне достаточное» [13].

Но в 1916 году, при наплыве беженцев, помещение гимназии явно становится тесноватым, и к имеющимся восьмым классам пришлось открыть еще три параллельных. Количество учениц в классах составляло уже по 30–32 человека [14].

Кроме того, руководство гимназии сетовало на отсутствие приемной для родителей (посетителей приходилось принимать в учительской), отдельной комнаты для библиотеки и физического кабинета. Фактически, библиотеки было две: фундаментальная и ученическая, обеими заведовала преподавательница истории и географии С.А. Веселитская. Книжные шкафы и шкафы с приборами располагались в рекреационном зале [15]. Приборы приобретались через магазин Трындина или выписывались по почте, причем дорогостоящие (электромагнитный телеграф Морзе, модель динамо-машины и др.) [16].

Педагогический персонал был более многочисленным и «титолованным», нежели в гимназии Ильинской, и насчитывал 25 человек.

Начальница гимназии Александра Александровна Вишнякова, выпускница Петроградского Николаевского института, преподавала французский язык в младших классах. Ее муж, Сергей Сергеевич Вишняков, выпускник Казанской Духовной академии, кандидат богословия, – русский язык и методику русского языка.

В штате гимназии были классные надзирательницы (по числу классов), секретарь Попечительского совета и письмоводитель.

Руководство гимназии заботилось не только об обучении учениц (а их в 1916 году насчитывалось 415), но и их досуге. Организовывались познавательные экскурсии (в Шуваловскую рощу, по Волге, на городскую водоканчку и электрическую станцию), посещения музеев, а в самой гимна-

зии устраивались воскресные чтения, концерты, литературно-музыкальные утреники (как силами учениц и преподавателей, так и приглашенных артистов) [18].

Гимназия содержалась исключительно за счет платы за обучение. Тем важнее представляется деятельность существовавшего при гимназии Общества вспомоществования недостаточным ученицам, которое выдавало пособия на взнос платы за обучение (например, в 1916 году – 44 ученицам), на покупку учебников и отдых в летнем санатории, устраивало благотворительные спектакли в помощь малодостаточных и неимущих учениц и т.д. [19].

Один из таких спектаклей состоялся в Нижегородском Николаевском театре (ныне академический Театр драмы им. Горького) 16 ноября 1915 года, причем доход от продажи билетов составил около 899 руб., а от пожертвований – 62 руб. 86 коп. [20]. Жертвователями выступили известные нижегородские купцы Д.В. Сироткин, В.М. Бурмистров, Д.Д. Ламонов, М.Е. Башкиров, С.Я. Буров, А.И. Теребилин, заведующий Нижегородским отделением Росийского государственного банка Н.П. Полянский и другие [21].

Приглядимся теперь к одноклассницам Надежды Приваловой. В 1915/16 учебном году в классе обучалось 35 девочек, причем несколько фамилий внесены в список уже после формирования класса – явно пополнение из семей эвакуированных. Класс неоднороден по национальному составу и религиозным верованиям. Кроме русских девочек православного вероисповедания, мы видим здесь представительниц еврейской общины (Ревека и Фаина Виткины, Ида Блюмин, Геска Кабалкина, Агата Мандельштам, до этого обучавшаяся в Рижской гимназии, Милка Шайкевич из Сумской гимназии), лютеранку Эйфрозине Задде и католичку Леопольду Синуцу из Риги. А в следующем году одноклассницами Нади стали иудейка Раиса Машкиллейсон (дочь личного почетного гражданина) и русские девочки-старообрядки Анна Антонова и Зинаида Косарикова [22]. География новоприбывших: Рига, Люблин, Сумы, Чебоксары, Алатырь, Владимир. По социаль-

ному составу большинство учениц составляли дочери крестьян и мещан.

Помимо них среди Надиных соучениц – дочь почетного гражданина Антонина Виноградова, дочь потомственного почетного гражданина Вера Раева, дочь купца Александра Будилова, дочь личного почетного гражданина Валентина Мерцалова, дочь священника и законоучителя гимназии Анна Миловская, дочь запасного старшего писаря Вера Окунева, дочь коллежского регистратора Мария Силецкая.

Состав класса ежегодно менялся, как и количество учениц. Видимо, люди часто переезжали с одной квартиры на другую, порой в разных частях города, что вынуждало их переводить детей из одних учебных заведений в другие.

Надежда Привалова окончила гимназию в 1918 году, о чем 19 мая ей был выдан аттестат.

Вот его текст: «Аттестат об окончании Сусанинской гимназии А.А. Вишняковой 19 мая 1918 г. выдан ученице 7-го класса Н.И. Приваловой, дочь купца, исповедания православного, род. 2 июля [23] 1900 г., поступила по свидетельству в V класс 2-й Канавинской частной женской гимназии в августе 1915 г. и в продолжении этого времени вела себя отлично и была переведена в старшие классы VI – 1916 г., VII – 1917 г.

При окончательном испытании она оказала в обязательных предметах гимназического курса нижеследующие познания:

в Законе Божьем – отлично
в русском языке, церковнославянском и словесности – хорошо
в математике – хорошо
в географии всеобщей и русской – отлично
в естественной истории – отлично
в физике – хорошо
в математической географии – отлично
в чистописании – хорошо
в французском языке – хорошо
в немецком языке – хорошо
в рукоделии – отлично
в пении – отлично.

Удостоена звания ученицы, окончившей полный курс обучения в женской гимназии, и серебряной медали. Председатель педагогического совета П. Никольский, начальница гимназии А. Вишнякова».

Архивные документы не только рисуют нам ту обстановку, в которой проходило обучение Надежды Приваловой, но и расширяют наши представления о жизни канавинцев в начале XX столетия. Более глубокое и систематическое изучение фондов гимназий Ильинской и Вишняковой вкупе с фондами других учебных заведений Канавина может дать исследователям данной темы обширный и любопытный материал.

В 1919 году Н.И. Привалова поступила на исторический факультет Нижегородского университета [24], где ей довелось слушать лекции Алексея Федоровича Лосева, преподававшего древнюю философию.

В 1921 году университет закрыли. Надежда год проработала в научной библиотеке педагогического института [25] (этот опыт впоследствии ей очень пригодился) и в 1922 году уехала в Москву, где поступила на факультет общественных наук Московского университета.

Своей научной специализацией она выбрала русское средневековье. Высшее образование помог получить старший брат Иван, подерживая материально [26].

После защиты диплома в 1927 году Надежда Привалова работала научным сотрудником отдела рукописей Государственного Исторического музея [27], а с августа 1929 по сентябрь 1930 года – в отделе библиографии НТБ ВСНХ [28]. Она готовила к печати свои первые научные статьи, но их публикации помешал арест по так называемому «Академическому делу», сфабрикованному в 1929 году. По нему проходили и педагоги Приваловой, крупные исследователи – академик М.М. Богословский и профессор С.В. Бахрушин. Вина привлеченных к следствию ученых формулировалась традиционно: заговор с целью свержения советской власти и восстановления монархического строя [29].

Привалова, привлеченная по «Делу историков», подверглась административной высылке на Урал с 1931 по 1933 год, где работала чертежницей землеустроительной партии, счетоводом бухгалтерии леспромхоза и завода торфяных машин в г. Ирбите [30] (Свердловская обл.). Об условиях ее жизни в ссылке практиче-

Н.И. Привалова, А.В. Сигорский, актер Трояновский (играл роль В.В. Каширина), Ф.П. Хитровский, сторож музея В.П. Обжорин, Я.И. Безруков и «товарищ из комсомола» А.В. Булгаков у Домика Каширина. 1938 год.
Фото из личного фонда Приваловой. ЦАНО

ски ничего не известно. Но вот характерный факт: именно в это время она вернулась к литературным опытам, начатым еще в гимназии, и пишет рассказы, заноса их своим стремительным неровным почерком в коленкоровую тетрадь. Из-под ее пера выходят небольшие наброски «Друг друга не поняли» (1931) и «Толпа» (1933), а также остросюжетные рассказы «У следователя» (1932) и «Миронов овраг» (1933–1934) [31].

Летом 1934 года она вернулась в Горький. Родителей к этому времени уже не было в живых, по исторической специальности она устроиться не могла, и тут судьба пришла ей на помощь в лице Е.П. Дмитриевой, заведующей Канавинской библиотекой имени В.И. Ленина. Елизавета Павловна сменила на этом посту прежнюю заведующую Л. Зеленяк в июне 1934 года, буквально за несколько дней до прихода в библиотеку Приваловой [32]. Несмотря на это, Дмитриева не побоялась взять на работу человека с «испорченной биографией», хотя ей самой это грозило крупными неприятностями: она происходила из семьи «классово чуждых элементов», была дочерью священника. Елизавета Павловна была фанатично предана своей работе и библиотеке и руководила ею вплоть до выхода на пенсию в 1962 году.

Центральная районная библиотека им. В.И. Ленина Канавинского

(с 1935 года Сталинского) района располагалась на 2-м этаже бывшего дома купца Бурова (ныне д.9 по ул. И. Романова). Надежду Ивановну приняли на должность библиотекаря-библиографа [33]. Видимо, она сразу проявила себя как знающий специалист и хороший работник, поскольку в августе того же 1934 года её командировали на Первый Всесоюзный съезд писателей от библиотекарей г. Горького [34].

В 1935 году библиотека переехала по новому адресу на улицу Советскую (ныне д. 16). Здесь Привалова проработала с перерывами до 1942 года в должности старшего библиотекаря-библиографа, а затем заведующей абонементом.

Надежда Ивановна включилась в работу с малограмотными читателями (преимущественно это были женщины-домохозяйки и допризывники) и читателями-передовиками производства и стахановцами. В апреле 1935 года она прошла квалификационную комиссию, которая учла ее библиотечный стаж (5 лет 10 месяцев) и признала «высококвалифицированным библиотечным работником 5-го разряда» [35]. В октябре того же года она окончила краткосрочные курсы переподготовки работников научных и научно-технических библиотек при областной библиотеке [36].

В 1935 году по призыву Н.К. Крупской библиотека имени

В.И. Ленина включилась в движение помощи сельским библиотекам и организовала передвижку в одном из ближайших колхозов. За эту работу в 1936 году Н.И. Приваловой была вынесена благодарность Краевого Комитета по соревнованию сельских библиотек [37].

Многое сделала Надежда Ивановна и для налаживания библиографического обслуживания читателей: организовала справочно-библиографическую работу, создала картотеку рецензий и газетно-журнальных статей, вела консультационную работу и составляла планы чтения [38]. С опытом работы неоднократно выступала на городских конференциях. Она часто публиковалась в местной, центральной и профессиональной библиотечной печати не только на темы библиотечного обслуживания, но и с исследованиями о жизни и творчестве А.М. Горького, В.Г. Короленко и других писателей [39].

В одной из ее статей «Читатели о Горьком» («Горьковский рабочий», 7 мая 1937 г.) приводятся интересные примеры из практики работы тех лет, в частности, сбор отзывов читателей о художественных произведениях и размещение их в альбомах и стенгазетах, проведение библиотекарями доклада «Жизненный путь Горького» на дому у стахановца завода им. Воробьева товарища Антонова и т. д. Следует пояснить, что во второй половине 1930-х годов у библиотеки была тесная связь с заводом им. Воробьева. Предприятие не имело своей профсоюзной библиотеки, и сотрудники ЦРБ им. Ленина организовали здесь передвижку, откликнувшись на всесоюзный лозунг «Книги – к станку». Беседы и литературные вечера проводили попеременно то в Красном уголке завода, то на квартире стахановца – токаря Н.А. Антонова, вмещавшей до 50 человек. Одну из таких бесед об Александре Сергеевиче Пушкине провела Н.И. Привалова 10 мая 1936 года [40].

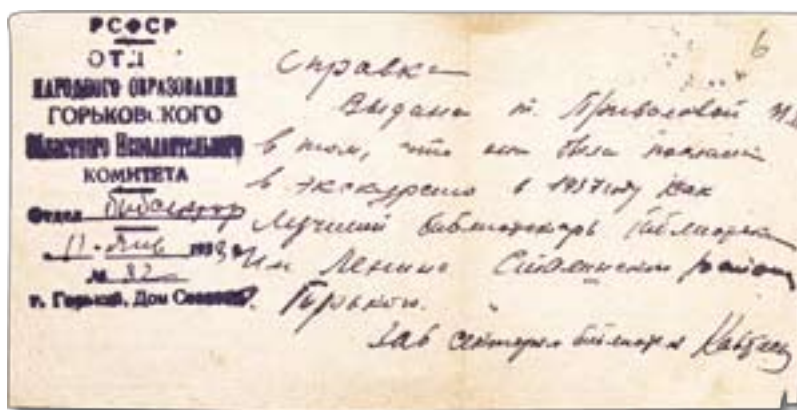
В 1937 году Надежда Ивановна была признана лучшим библиотекарем ЦРБ им. В.И. Ленина и ее премировали экскурсионной поездкой в Москву и Ленинград вместе с коллегами из других библиотек города и области [41].

1938 год не обошел несчастьем ее семью: 29 июня был незаконно арестован, а позже расстрелян брат Алексей, старший диспетчер экспедиций Горьковского автозавода [42]. Лишь 20 лет спустя родственники получили справку из Горьковского областного суда об отмене Постановления Особой тройки НКВД и прекращении дела в отношении Алексея Ивановича Привалова «за недоказанностью преступления» [43].

Но 1938 год был ознаменован и другим событием: в Горьком открылся новый музей – Домик Каширина, и Привалова вместе с его директором Ф.П. Хитровским стояла у истоков музейной экспозиции, воссозданной по воспоминаниям А.М. Горького при участии Е.П. Пешковой.

Некоторое время Н.И. Привалова пыталась совмещать работу в библиотеке и музее, но это было сложно. 15 января 1942 года она ушла на должность библиографа и заведующей НТБ Геологического управления, откуда по письму гороно была переведена в сентябре 1943 года в музей «Домик Каширина» уже в качестве старшего научного сотрудника и заместителя директора [44].

Однако о нашей библиотеке не забывала, о чем свидетельствует экземпляр сборника «Нижний Новгород в XVII в.» с дарственной

надписью Н.И. Приваловой, переданный в фонд после выхода в свет в 1961 году и бережно хранимый в секторе редкой книги ЦГБ. Этот сборник, над которым она работала вместе со своим учителем С.И. Архангельским, является главным вкладом Приваловой в историческую науку. В ее личном фонде в ЦАНО сохранилось 23 дела подготовительных материалов, вмещающих около полутора тысяч рукописных и машинописных листов авторского текста.

Интерес к истории Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. Н.И. Привалова пронесла через всю жизнь, со студенческой скамьи. Она впервые ввела в научный оборот документы 1620–1690-х годов об участниках ополчения 1612 года и опубликовала об этом статью в

сборнике «Великое дело Минина и Пожарского» под редакцией Н.М. Добротвора (Горький, 1944 г.). Свыше 35 лет она посвятила изучению биографии сына Кузмы Минина – Нефедя. Итогом этого исследования явилась статья на страницах «Записок краеведов» в 1979 году.

Вклад Н.И. Приваловой в историческую науку и краеведение трудно переоценить, поэтому она достойна долгой и благодарной памяти. Дальнейшее изучение ее биографии послужит вкладом в развитие исторической науки, нижегородского краеведения и библиотечного дела, и, что немало важно для нас, поможет расширить круг сведений по истории Канавина предреволюционных и довоенных лет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦАНО. Ф.885. Оп.1. Д.534. Л. 1.
2. ЦАНО. Ф.885. Оп.1. Д. 478.
3. www.campanologia.ru/wiki
4. Нижегородский край: Адресная и справочная книга г. Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии. 1901 год. Н. Новгород, 1901. С.153.
5. Список экспонентов Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде, удостоенных похвальных наград. По отделу IX (Фабрично-заводский и фабрично-ремесленный). VIII. Бронзовыми медалями. Н. Новгород, 1896. С. 159.
6. Пастухов Б. Иван Иванович Привалов: Машинописная рукопись на 4 листах, датированная 18.08.1980 г. Получена из Нижнеомовского краеведческого музея 7 декабря 2009 г.
7. Ф. 533. Оп. 464. Д. 86. Л. 11 об.; Д. 87. Л. 18 об.
8. Ф. 533. Оп. 464. Д. 68. Л. 6 об.
9. Там же, л. 2.
10. Ф. 533. Оп. 464. Д. 68. Л. 1 об.
11. Ф. 533. Оп. 464. Д. 66. Л. 7; Д. 87. Л. 18 об.
12. Ф. 533. Оп. 464. Д. 87. Л. 18 об.
13. Ф. 532. Оп. 462. Д. 141. Л. 2.

14. Там же, л. 2 об.
15. Ф. 532. Оп. 462. Д. 141. Л. 2 об.
16. Там же, л. 5.
17. С.П. Безрукова сыграла значительную роль в судьбе Нади Приваловой, привив ей любовь к истории. Впоследствии она подарила ученице несколько ценных книг, которые сохранились в личном фонде Приваловой в ЦАНО.
18. Ф. 532. Оп. 462. Д. 141. Л. 3, 4 об.
19. Ф. 532. Оп. 462. Д. 141. Л. 5.
20. Ныне Нижегородский государственный академический театр драмы им. Горького.
21. Ф. 532. Оп. 462. Д. 113. Л. 1 об.
22. Ф. 532. Оп. 462. Д. 118. Л. 7–9.
23. Почему-то в гимназических документах указана дата рождения 2 июля, хотя в автобиографии и других документах – 1 июля. Метрика не сохранилась.
24. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 485; Д. 534. Л. 1.
25. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 490. Л. 3 об.
26. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 485; Д. 534. Л. 1.
27. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 489.
28. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 490. Л. 2.
29. Павленко Н. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ // Наука и жизнь. 1999. № 11.

30. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 490. Л.3 об.
31. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 179.
32. Золотой век ЦГБ. Н. Новгород, 2003. С. 15.
33. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 495.
34. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 502.
35. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 495. Л. 1.
36. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 490. Л. 2 об.; Д. 496.
37. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 495. Л. 2.
38. Там же, л. 5.
39. ЦАНО. Ф. 885. Оп.1. Д. 50—53, 72—73, 95—101, 161. Представлены публикации Н.И. Приваловой 1930–1940-х гг. в «Литературной газете», «Горьковском рабочем», «Горьковской коммуне», «Ленинской смене», журналах «Горьковская область», «Красный библиотекарь» и др.
40. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 50.
41. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 495. Л. 6.
42. Краткие сведения о нем приведены в Книге памяти жертв политических репрессий Нижегородской области. Т. 2. Н. Новгород, 2001. С. 554.
43. Полностью текст справки приводит Вера Степановна Привалова в письме к Надежде Ивановне от 8 мая 1958 года // ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 267. Л. 47.
44. ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 534. Л.2–3.

Освящение надвратной Евфимиевской церкви в Вознесенском Печерском монастыре

31 декабря 2010 года, в Вознесенском Печерском мужском монастыре в Нижнем Новгороде архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий совершил чин освящения храма в честь св. преподобного Евфимия Суздальского.

После освящения Его Высокопреосвященство возглавил Божественную литургию в новоосвященном храме. Правящему архиерею сослужили наместник монастыря архимандрит Тихон (Затёкин), старшая братия обители и другие клирики Нижегородской епархии.

За богослужением молились настоятельница Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря игумения Сергия

(Конкова), бывший мэр Нижнего Новгорода Вадим Булавинов, руководитель управления Федеральной налоговой службы России по Нижегородской области Николай Поляков, генеральный директор ОАО «Концерн Росэнергоатом» Сергей Обозов, генеральный директор Нижегородской инжиниринговой компании «Атомэнергопроект» Валерий Лимаренко и другие.

После совершения литургии Его Высокопреосвященство приветствовал наместник монастыря архимандрит Тихон, который поблагодарил Владыку за молитвы и помощь в восстановлении этой древней святыни. После слова приветствия он преподнес архиепископу Георгию от лица всей братии обители образ св.прп. Евфимия, Суздальского чудотворца. Также и архипастырь

поблагодарил отца-наместника и братию святой обители за понесенные труды, призвав на них благословение Господне.

Реставрация этого древнего храма, построенного в 1645 году в царствование первого царя династии Романовых Михаила Федоровича, шла на протяжении двух лет. Иконописцами из города Владимира церковь была расписана в стиле древнего владимиро-суздальского письма. Образцом для росписи стал Спасо-Преображенский собор Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале, где когда-то покоились мощи постриженика Нижегородского Печерского монастыря святого преподобного Евфимия, Суздальского чудотворца. Иконостас выполнен резчиками из города Муром, а иконы написаны в Шуе.

Иконостас церкви во имя св. прп. Евфимия Суздальского

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий во время освящения престола в надвратной Евфимиевской церкви. Фото Б. Поварова

Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий во время Божественной литургии в новоосвященной церкви. Фото Б. Поварова

6

Наместник Вознесенского Печерского монастыря архимандрит Тихон (Затекин) произносит приветственное слово архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Георгию по совершении Божественной литургии. Фото Б. Поварова

6

